

**Книга о книге:
перечитывая *Структуру и целостность*
Патрика Серю**

сост. и ред. Екатерина Вельмезова

**Un livre sur un livre:
en relisant *Structure et totalité*
de Patrick Sériot**

édité par Ekaterina Velmezova

Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia

Серия *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*
выходит под редакцией Екатерины Вельмезовой.

La série *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*
est publiée sous la responsabilité éditoriale de Ekaterina Velmezova.

The *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia* series
is published under the editorial responsibility of Ekaterina Velmezova.

Редакция серии / Comité de rédaction / Editorial Board

Владимир Алпатов (Москва)

Sylvie Archambault (Paris)

Roger Comtet (Toulouse)

Борис Гаспаров (Нью-Йорк – Санкт-Петербург)

Jens Herlth (Fribourg)

Любовь Киселева (Тарту)

Christian Puech (Paris)

Борис Успенский (Рим – Москва)

Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia
№ 1, 2019

**Книга о книге:
перечитывая *Структуру и целостность*
Патрика Серию**

**Un livre sur un livre:
en relisant *Structure et totalité*
de Patrick Sériot**

**A book on a book:
Rereading *Structure and the Whole*
by Patrick Sériot**

Сост. и ред. / sous la direction de / edited by
Екатерина Вельмезова / Ekaterina Velmezova

Faculté des lettres, UNIL – Индрик
Lausanne – Москва
2019

UNIL | Université de Lausanne

Книга о книге: перечитывая *Структуру и целостность* Патрика Серио =
Un livre sur un livre: en relisant *Structure et totalité* de Patrick Sériot =
A book on a book: Rereading *Structure and the Whole* by Patrick Sériot /
Сборник научных трудов на русском, французском и английском языках
под редакцией Е. Вельмезовой. – Faculté des lettres, Université de Lausanne /
Москва, Индрик, 2019. – 224 p. / 224 с.

ISBN 978-5-91674-571-9
ISSN 2673-3315

Сборник посвящен двадцатилетию книги Патрика Серио *Структура и целостность*, вышедшей в 1999 году и впоследствии переведенной на русский, английский, чешский, сербский, грузинский и португальский языки. Среди авторов сборника – филологи и историки наук о языке из Швейцарии, России, Франции, Эстонии, Польши и Италии, комментирующие (на русском, французском и английском языках) ключевые идеи книги П. Серио в свете своих основных профессиональных интересов (лингвистика и история языкознания, сравнительная эпистемология, диахроническая лингвистика, семиотика, анализ текста, переводоведение).

Le recueil célèbre le vingtième anniversaire du livre de Patrick Sériot *Structure et totalité*, publié en 1999 et traduit par la suite en russe, anglais, tchèque, serbe, géorgien et portugais. Parmi les auteurs du recueil figurent des philologues et historiens des sciences du langage venant de Suisse, de Russie, de France, d'Éstonie, de Pologne et d'Italie, qui proposent des commentaires (en russe, français et anglais) sur les idées-clés du livre de P. Sériot à la lumière de leurs principaux intérêts professionnels (la linguistique et son histoire, l'épistémologie comparée, la linguistique diachronique, la sémiotique, l'analyse de texte, la traductologie).

The volume celebrates the twentieth anniversary of Patrick Seriot's *Structure and the Whole*, published in 1999 and subsequently translated into Russian, English, Czech, Serbian, Georgian and Portuguese. The authors featured in the volume include philologists and historians of the language sciences from Switzerland, Russia, France, Estonia, Poland and Italy, who collectively offer a commentary (in Russian, French and English) on the basic ideas of P. Seriot's book in the light of their respective professional disciplines and areas of interest (linguistics and its history, comparative epistemology, diachronic linguistics, semiotics, text analysis, translation studies).

Издательство / Éditeur / Editor: Faculté des lettres, Université de Lausanne – Индрик, Москва
Тираж: 150 exemplaires / Tirage: 150 exemplaires / Edition: 150 copies

- © Е. Вельмезова, составление и редакция / E. Velmezova, éd. / E. Velmezova, ed., 2019
- © Н. Автономова, В. Алпатов, Н. Бичурина, Р. Комтет, С. Чугунников, И. Иванова, А. Козинцев, К. Куль, М. Maiatsky, М. Макарова, Yu. Maýilo, P. Мних, S. Moret, L. Orazi, C. Stancati, A.-G. Toutain, E. Velmezova, Д. Залесская, статьи / articles, 2019
- © Е. Вельмезова, оформление обложки. Рисунок «Перышко» / E. Velmezova, dessin de couverture «Stylo-plume» / E. Velmezova, cover design «Feather pen», 2019
- © Е. Вельмезова, логотип серии / E. Velmezova, logo de la série / E. Velmezova, series logo, 2019
- © Е. Вельмезова, оригинал-макет / E. Velmezova, mise en page / E. Velmezova, layout, 2019

Содержание

	<i>От редактора</i>	7
<i>Е. Вельмезова</i>	<i>Перечитывая Структуру и целостность</i>	11
<i>Н. Автономова</i>	<i>Сравнительная эпистемология Патрика Серю как перспектива</i>	19
<i>В. Алпатов</i>	<i>Зачем лингвисту теория?</i>	27
<i>N. Bichurina</i>	<i>Le chercheur comme passeur de mondes: l'«air du lieu» dans la production du savoir linguistique</i>	35
<i>R. Comtet</i>	<i>À propos de la phonologie dans Structure et totalité</i>	43
<i>С. Чугунников</i>	<i>Скрытая история структурализма: между «метафорой организма» и «точкой зрения»</i>	55
<i>И. Иванова</i>	<i>«Объект реальный – объект построенный»</i>	73
<i>А. Козинцев</i>	<i>Между Евразией и Ближним Востоком: анализ связей индоевропейской языковой семьи с помощью квазиареальной модели</i> ...	79
<i>К. Куль</i>	<i>Об универсалиях органической формы</i>	87
<i>M. Maiatsky</i>	<i>Sur le tournant visuel (eurasiste et en général)</i>	101
<i>М. Макарова</i>	<i>О «закрытости культур»... и «литературном билингвизме»</i>	107
<i>Yu. Mayilo</i>	<i>«Sur le problème ukrainien»: une discussion entre Nikolaj Trubeckoj et Dmytro Dorošenko</i>	117
<i>P. Мних</i>	<i>Структура, целостность, организм</i>	129
<i>S. Moret</i>	<i>Discours sur la langue, comparaison et anthropologie: en relisant Structure et totalité de P. Sériot</i>	135
<i>L. Orazi</i>	<i>Eurasianism, Marrism and Ukraine: an attempt to discuss some linguistic and cultural ideas through the common theme of Ukraine</i> ...	145
<i>C. Stancati</i>	<i>L'épistémologie de la linguistique entre localisation et généralité: ce que j'ai appris à partir de Structure et totalité</i>	167

<i>A.-G. Toutain</i>	<i>Structuralisme et organicisme: une analyse épistémologique</i>	175
<i>E. Velmezova</i>	<i>Another biosemiotics?</i>	191
<i>Д. Залеская</i>	<i>Русский язык... вне прогресса? Русская послереволюционная эмиграция о русском языке</i>	203

Настоящим сборником мы открываем серию *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*, в которой планируем издавать работы, посвященные истории и эпистемологии наук о языке – одной из центральных областей знания, в которой специализируются лингвисты-слависты Лозаннского университета. Многочисленные издания, вышедшие ранее и подготовленные лингвистами, работающими на кафедре славистики в Лозанне, издавались как в виде монографий, так и в виде сборников статей в разных сериях и издательствах России, Швейцарии, Франции... Запланированное же уже несколько лет назад открытие отдельной серии, ставшее теперь возможным благодаря финансовой поддержке филологического факультета Лозаннского университета, надеемся, сделает возможными обращения к заинтересованному читателю, которые станут более регулярными и обретут более унифицированный формат. Три языка серии – русский, французский и английский – позволят сделать серию доступной для разной аудитории: как для славистов и для наших непосредственных университетских коллег из франкоязычной Швейцарии, так и для лингвистов и историков науки из многих других стран. Наряду с текстами известных лингвистов и историков наук о языке мы планируем печатать в сборниках новой серии исследования молодых ученых.

Связь истории и эпистемологии наук о языке проявляется отчасти и в том, что многие исследователи обращаются к прошлому науки в поисках ответов на актуальные вопросы, интересующие их сегодня. Надеемся, что книги серии *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia* будут отражать эту тенденцию, тем самым позволяя оставить историю лингвистики в лингвистике как таковой.

Ce livre ouvre la série *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*, dans laquelle nous planifions de publier des ouvrages sur l'histoire et l'épistémologie des sciences du langage, qui constituent l'un des domaines se trouvant au centre des intérêts professionnels des linguistes-slavistes de l'Université de Lausanne. De nombreuses publications précédemment préparées et publiées par des linguistes travaillant à la Section de slavistique de cette université ont vu le jour sous la forme de monographies ou de recueils d'articles dans diverses séries et chez différents éditeurs en Russie, en Suisse, en France... Prévue il y a déjà plusieurs années, la création d'une série particulière est devenue possible grâce à l'aide financière de la Faculté des lettres de l'Université de Lausanne; elle nous permettra, nous l'espérons, de nous adresser de façon plus régulière à des lecteurs intéressés, tout en bénéficiant d'un format plus unifié. Les trois langues de la série – le russe, le français et l'anglais – rendront la série accessible à différents publics: aussi bien aux slavistes et à nos collègues universitaires les plus proches de Suisse romande, qu'aux linguistes et aux historiens des sciences de nombreux autres pays. Parallèlement aux textes d'historiens des sciences du langage et de linguistes renommés, nous planifions de publier dans notre nouvelle série des travaux de jeunes chercheurs.

Le lien entre l'histoire et l'épistémologie des sciences du langage se manifeste, entre autres, dans le fait que de nombreux chercheurs se tournent vers le passé de la science à la recherche de réponses aux questions qui les intéressent aujourd'hui. Nous espérons que les livres de la série *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia* refléteront cette tendance, en permettant ainsi de laisser l'histoire de la linguistique dans la linguistique en tant que telle.

This book opens the *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia* series, in which we plan to publish works on the history and epistemology of the language sciences – a central field of specialization for linguistic Slavists at the University of Lausanne (UNIL). Numerous texts by linguists working in UNIL's Slavic department have appeared in the form of both monographs and collections of articles in various series and by publishing houses based in Russia, Switzerland and France. The launching of a specialized series, planned several years ago, has been made possible by the financial support of the Faculty of Arts of the University of Lausanne. We hope that this project will address interested readers in a more regular way and in a more unified format. The three languages of the series – Russian, French and English – will make the series accessible to different audiences: not only Slavists, but also our immediate university colleagues from French-speaking Switzerland, as well as linguists and historians of the language sciences around the globe. Along with the texts of renowned linguists and historians of linguistics, this new series will promote the work of young scholars.

The connection between the history and epistemology of the language sciences is manifested, in particular, in the fact that many researchers turn to the past of science in search of answers to questions which are of contemporary interest. We hope that each issue of the *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia* series will reflect this trend, thereby allowing for the history of linguistics to remain within the field of linguistics as such.

Перечитывая *Структуру и целостность*

Екатерина ВЕЛЬМЕЗОВА
Лозаннский университет

Habent sua fata libelli, книги имеют свои жизни и судьбы... Хотя до сих пор, кажется, историки наук о языке интересуются больше не отдельными книгами, а теоретическим наследием их создателей в целом – тем теоретическим наследием, куда та или иная книга, как представляется, всегда может органично вписаться. Такой подход, разумеется, имеет право на существование – но иногда бывает интересно остановиться и на книгах как таковых, в каком-то смысле разделяя книгу и ее создателя.

В 2019 году исполнилось 20 лет книге Патрика Серио *Структура и целостность*. Первое издание монографии *Structure et totalité* увидело свет в 1999 году¹, второе издание датируется 2012 годом². Книга была переведена на русский³, чешский⁴, сербский⁵, английский⁶, грузинский⁷ и португальский⁸ языки; на разные ее издания было написано более двадцати рецензий⁹, среди авторов которых – признанные сегодня авторитеты, лингвисты и историки наук о языке: Мишель Арриве¹⁰, Ги Жюкуа¹¹, Владимир Алпатов¹², Галин Тиханов¹³,

---

¹ Sériot 1999.

² Sériot 1999 [2012].

³ Серио 2001.

⁴ Sériot 2002.

⁵ Серио 2009.

⁶ Sériot 2014.

⁷ Serio 2015.

⁸ Sériot 2016.

⁹ Список рецензий представлен на сайте П. Серио: <http://crecleco.seriot.ch/index.html> (сайт просмотрен 26.06.2019).

¹⁰ Arrivé 2000.

¹¹ Jucquois 2000.

¹² Алпатов 2000.

¹³ Tihanov 2001.

Сергей Зенкин¹⁴, Жан-Клод Шевалье¹⁵... Многие рецензенты отмечали значимость работы П. Серию для развития истории науки о языке (прежде всего – для истории структурализма, однако не только¹⁶) и оригинальность его исследовательского подхода; сравнительный анализ теорий, на первый взгляд кажущихся несопоставимыми (евразийство vs марризм); прояснение многочисленных «интеллектуальных недоразумений» и их последствий; «крайнюю осторожность и разумную сдержанность автора в трактовке проблем, находящихся на грани истории науки и культуры и неизбежного обостренного идеологического дискурса»¹⁷ (в связи с последним отметим, впрочем, что речь может идти скорее о разном понимании термина *идеология* в разных «научных традициях»). Среди немногочисленных более спорных моментов – «не умаляющих значения рецензируемой книги»¹⁸ – отмечали кажущуюся неполноту анализа¹⁹, несогласие с рядом трактовок²⁰, недостаточное внимание к хронологии описываемых теорий²¹, проблематичный характер некоторых используемых П. Серию терминов²², а порой даже отход от «научной беспристрастности»²³... Впрочем, все эти замечания уже сами по себе могли бы стать темой отдельных комментариев; рецепция же книги в разных «научных традициях» остается

---

¹⁴ Зенкин 2000.

¹⁵ Chevalier 1999.

¹⁶ См. Кириченко 2001: «Работы П. Серию выходят за рамки истории лингвистики и имеют исключительно важное значение для истории идей, теоретической социологии и, в частности, социологии знания».

¹⁷ Беленький 2002: 188.

¹⁸ Лещак 2001.

¹⁹ К примеру, было отмечено, что столь важная для Пражского лингвистического кружка фигура, как П.Г. Богатырев, в книге освещения не получила (Karnouh 2001: 218); в другой рецензии говорилось о «незавершенности системы [...] рассуждений» автора «о феномене “русская наука”» (Беленький 2002: 189). В еще одной статье было написано о «не до конца проработанном» противопоставлении «евразийской» и «романо-германской» «науки и картины мира» (Лещак 2001) и т.д.

²⁰ Так, в одной из рецензий отмечалось несогласие с трактовкой позиции «русских пражан» как позиции «реалистов», противопоставляемых «номиналистам» (Karnouh 2001: 219); другой критик говорил о невозможности ставить знак равенства между «органицистской моделью в лингвистике» и «эссенциалистской концепцией, распространенной в биологии XIX века», и считать Трубецкого «противником психологизма» (Лещак 2001) и т.д.

²¹ Так, О. Лещак пишет о том, что П. Серию «недостаточно критически оценивает существенную разницу во взглядах Трубецкого в период до возникновения Пражского лингвистического кружка и в период работы в кружке», что может ставить под сомнение вывод о пражском структурализме как о прямом следствии евразийства (Лещак 2001).

²² Wiederkehr 2001: 342.

²³ Речь идет о трактовке противопоставления Н.С. Трубецким «евразийского» и «романо-германского» миров (по мнению автора рецензии, речь должна идти о «враждебном» отношении Трубецкого не к «западной культуре» как таковой, а к тенденции формирования «однополюсного мира» с центром в Западной Европе») (Кириченко 2001).

возможной темой отдельного исследования²⁴. Как отмечал автор одной из рецензий, *Структура и целостность* «заставляет думать, спорить, обсуждать, дискутировать, выяснять непонятное и искать новые пути. Книга только создает видимость своей направленности на анализ прошлого. На деле же она вся устремлена в будущее, поскольку показывает, сколько еще неясного и нерешенного в языкознании»²⁵.

В честь двадцатилетия книги в феврале 2019 года на кафедре славистики Лозаннского университета, где работал П. Серию, была организована небольшая конференция, участники которой имели возможность выбрать любую понравившуюся им цитату из *Структуры и целостности* и кратко ее прокомментировать²⁶. Эта же идея легла и в основу настоящего сборника, в котором публикуются тексты и тех исследователей, которые не смогли участвовать в февральской конференции. В сборнике приняли участие исследователи из шести стран (России, Швейцарии, Эстонии, Франции, Польши и Италии), среди них – и те, кто имел непосредственное отношение к судьбе книги и раньше: Наталия Автономова перевела книгу на русский язык, сопроводив ее вступительной статьей²⁷, Владимир Алпатов, Сергей Чугунников и Екатерина Вельмезова были среди первых рецензентов книги²⁸.

Ряд статей сборника можно отнести к области исследований, посвященных истории лингвистики в связи с евразийством и историей структурализма как такового, анализируемых в монографии П. Серию. Так, Роже Комте (Тулуза) пишет о фонологии, речь о которой часто заходит и в *Структуре и целостности*, – о фонологии, которая, по мнению французского ученого, на поверку оказывается скорее фонетикой, в современном ее понимании. Этому предлагается несколько объяснений, связанных прежде всего с обстоятельствами жизни Р.О. Якобсона, как то: учеба в Московском университете, тесное общение с определенными поэтическими кругами. Исследовательница из Берна Анн-Гаэлли Тутен предлагает в своей статье эпистемологический анализ структуралистской концепции языковых изменений; при этом А.-Г. Тутен спорит с П. Серию, противопоставлявшим органицизм структурализму. Опираясь на проведенную П. Серию реконструкцию малоизвестной истории структурализма, Сергей Чугунников (Дижон) говорит о «двух структурализмах», объектами которых

---

²⁴ Весьма показательным кажется в этой связи честное признание одного из рецензентов: «Читать книгу профессора Патрика Серию из университета в Лозанне было одновременно истинным удовольствием и ужасным мучением» (Лещак 2001).

²⁵ *Ibid.*

²⁶ См. программу конференции на сайте кафедры славистики Лозаннского университета: https://www.unil.ch/slas/files/live/sites/slas/files/shared/03-Recherche/Recherche_langues_slaves/Colloques_conferences/Slaves_linguistique/Colloque/19.02.2019_Str-et-Tot/Str-et-Total_affiche.pdf (сайт просмотрен 26.06.2019).

²⁷ Автономова 2001.

²⁸ Алпатов 2000; Tchougounnikov 2001; 2002; Вельмезова 2001.

являются «форма или структура как логическая организация и выражение определенной “точки зрения”» и «форма или структура как выражение», соответственно. Это позволяет исследователю обратиться к имевшим место в немецкой морфологической традиции дискуссиям об «органической» и «механической» формах, а также увидеть наследие немецкой натурфилософии в основании русского структурализма, что позволяет сделать вывод о необходимости сравнительных исследований в истории наук о языке. Итальянская исследовательница Клаудия Станкати основывается на проведенном П. Серิโอ анализе, чтобы говорить о специфике гуманитарных наук как таковых. В то же время, К. Станкати пишет об «археологии» методологии П. Серิโอ, апеллируя к теоретическому наследию Г. Башляра и Ж. Кангилема. Себастьян Морэ (Лозанна) рассматривает ряд положений *Структуры и целостности* в свете общего интереса П. Серิโอ к проблемам антропологии, что позволяет ему остановиться на общей методологии автора анализируемой монографии. Екатерина Вельмезова пишет о свойственном как евразийцам, так и марристам стремлении к «целостной науке», что делает возможным считать их предтечей современной биосемиотики в одном из возможных определений этого слова; представителем обоих течений вдохновляли теории Л.С. Берга.

Некоторые авторы сборника выбрали говорить не о евразийстве и истории структурализма, которым была посвящена монография П. Серิโอ, но о других событиях или течениях в истории лингвистики. Эта тенденция отражена в статье московского лингвиста и историка науки о языке Владимира Алпатова, носящей отчасти провокационное название «Зачем лингвисту теория?» и посвященной противоречию между любовью к точным языковым фактам и стремлением к созданию теорий. Исходя из анализируемых в книге П. Серิโอ теорий Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, В.М. Алпатов проводит параллели с другими лингвистическими теориями прошлого, создатели которых не принимали позитивистский подход к языку. Анализируя занимающее важное место в книге П. Серิโอ противопоставление «объекта реального» «объекту построенному», Ирина Иванова (Лозанна) проецирует соответствующую дихотомию на развитие русской лингвистики в прошлом веке и обращается, в том числе, к интереснейшей теме рецепции идей *Курса общей лингвистики* русскоязычными лингвистами. Еще одна исследовательница из Лозанны, Юлия Маило, анализирует посвященную «украинской проблеме» дискуссию между Н.С. Трубецким и Д. Дорошенко; в статье же Лауры Ораци (Мачерата) «украинская проблема» рассматривается в общем контексте евразийских и марристских теорий. Михаил Маяцкий (Лозанна) возвращается к тезису П. Серิโอ о вписанности теоретических построений евразийцев в общий интеллектуальный пейзаж эпохи, иллюстрируя это положение на примере сопоставления теорий евразийцев и ряда их современников в свете так называемого «визуального поворота» в десятилетия-двадцатые годы прошлого века. Комментируя рассуждения телеологиче-

ского характера, встречающиеся у Н.С. Трубецкого, лозаннская исследовательница Дарья Залеская останавливается на тезисе об отрицании «самой идеи прогресса», позволяющем ей провести параллели с представлением русского языка в учебных пособиях по русскому языку как иностранному для франкоговорящих учащихся, изданных в прошлом столетии за пределами СССР.

Наконец, обращает на себя внимание следующее: некоторые участники как конференции, посвященной *Структуре и целостности*, так и настоящего сборника в своих комментариях отошли от истории лингвистики как таковой, связывая прочитанное ими в книге П. Серию с собственными исследованиями в области скорее науки о языке, чем истории языкознания. Признаюсь: это не входило в тематические планы организации конференции и публикации, но тем интереснее и знаменательнее кажется случившееся – как свидетельство того, что книги по истории лингвистики могут вызывать интерес не только в связи с занятиями темами, о которых в них непосредственно заходит речь, но и в отношении других предметов исследования. Так, обращаясь к понятию сравнительной эпистемологии, трактуемому П. Серией как определенная исследовательская перспектива, Наталия Автономова (Москва) специально подчеркивает, что за двадцать лет, прошедших после выхода книги, существенно расширилась сфера научных предметов, в которой могут использоваться определенные установки сравнительной эпистемологии, что открывает новые возможности перед исследованиями в области наук о языке, посвященными самым разным темам. Наталия Бичуринна (Лозанна) в своей статье комментирует понятие *air du lieu* ‘дух места’: по ее мнению, предложенное П. Серией двадцать лет назад, это понятие становится сегодня исключительно важным в связи со все возрастающей – благодаря новым современным технологиям – интенсивностью академических контактов. Исходя из рассуждений об индоевропейских языках Н.С. Трубецкого – одного из центральных персонажей книги П. Серии, – петербургский исследователь Александр Козинцев размышляет о генетических связях индоевропейской семьи языков в свете использования современных исследовательских моделей. Это позволяет ему, констатируя неоспоримую принадлежность индоевропейских языков к ностратической макросемье, в то же время говорить и о «сдвиге» индоевропейской семьи в направлении семитской, что могло обуславливаться ареальными контактами праиндоевропейского языка. Комментируя цитату о «локальном происхождении» «нового знания», речь о котором идет в книге П. Серии, Калеви Кулль (Тарту) рассуждает о понятии органической формы и его месте в современной семиотике. Тезис Н.С. Трубецкого о «закрытости культур» вдохновил лозаннскую исследовательницу Маргариту Макарову на анализ современного дискурса о «литературном билингвизме». Наконец, обратим внимание читателя на небольшое интервью, взятое у П. Серии Романом Мнихом (Варшава) и посвященное, в частности, русскоязычному названию его

книги; при этом рассуждения автора *Структуры и целостности* анализируются Р. Мнихом в контексте идей Донецкой филологической школы.

Впрочем, обращение к современности ощущалось даже в статьях, посвященных скорее истории языкознания: в самом деле, дихотомия «объект реальный – объект построенный», рассуждения о необходимости теории в лингвистике, размышления об определении био-семиотики – все это является и частью современного академического пейзажа. Граница же между двумя обозначенными выше «историческими» разделами сборника кажется и вовсе условной: авторы статей, рассуждавших по преимуществу об иных направлениях и тенденциях, не желали те, что представлены в монографии П. Серию, все-таки исходили из комментариев к цитатам из его книги, поэтому определенного параллелизма с тем, о чем заходит речь в *Структуре и целостности*, в любом случае было не избежать. Да и сама книга, которой посвящен этот сборник, вряд ли была бы написана и вызвала бы столь широкий резонанс, если бы речь в ней шла исключительно о евразийстве или же только о прошлом наук о языке (к примеру, фонология все же занимает определенное место и в современной лингвистике, сколько бы ни говорили о «расставании со структурализмом»²⁹)³⁰.

Как отметил автор одной из рецензий на книгу, невозможно обобщить в одной статье все множество тем, затронутых в труде П. Серию³¹; не хватило для этого и нашей конференции и настоящего сборника, посвященных двадцатилетию книги. Поэтому остается надеяться, что и в будущем *Структура и целостность* будет вдохновлять на размышления не только о прошлом, но и о настоящем и о будущем целого ряда наук о языке.

© Екатерина Вельмезова

P.S. Благодарю Анну Исанину, Арианну Салливен и Себастьяна Морэ за помощь в работе над сборником.

---

²⁹ См. известную статью Живов, Тимберлейк 1997.

³⁰ Учитывая условность деления статей на тематические группы, мы предпочли разместить тексты в сборнике в алфавитном порядке в соответствии с написанием фамилий их авторов латиницей. В данном случае, как и в сборнике в целом (за некоторыми исключениями, касающимися прежде всего имен, написание которых уже вошло в обиход), мы опирались на правила международной системы транслитерации, принятой среди славистов (Aslanoff 1986: 38).

³¹ Karnoouh 2001: 217.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АВТОНОМОВА Н.С., 2001: «Актуальное прошлое: структурализм и евразийство», in *Серио* 2001: 9-30.
- АЛПАТОВ В.М., 2000: «*Patrick Sériot. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale.* Paris, Presses Universitaires de France, 1999. 353 p.», in *Вопросы языкознания*, 2000, 4: 155-158.
- БЕЛЕНЬКИЙ В.М., 2000: «[рец. на] Патрик Серио. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг. Авториз. пер. с франц. Н.С. Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001, 360 с.», in *Вопросы философии*, 2002, 8: 186-189.
- ВЕЛЬМЕЗОВА Е.В., 2001: «Patrick Sériot. Structure et totalité. P.: Presses Universitaires de France, 1999. 353 p. / Патрик Серио. Структура и целостность. Париж, 1999. 353 с.», in *Известия Отделения литературы и языка Российской Академии наук*, 2001, 60 (6): 73-76.
- ЖИВОВ В.М., ТИМБЕРЛЕЙК А., 1997: «Расставаясь со структурализмом», in *Вопросы языкознания*, 1997, 3: 3-14.
- ЗЕНКИН С.Н., 2000: «Лингвистический романтизм и русская идея», in *Русский журнал*, 2000 (<http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/2000-Sergej-Zenkin-o-Patrike-Serio-i-evrazijskah>; сайт просмотрен 26.06.2019).
- КИРИЧЕНКО М.М., 2001: «Структурализм пражского кружка и евразийство: обзор книги Патрика Серио “Структура и тотальность”», in *Социологический журнал*, 2001, 2 (<http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/99StructTot-cr-Kirichenko.html>; сайт просмотрен 26.06.2019).
- ЛЕЩАК О.В., 2001: «Между единством и множественностью, или спор о методологической позиции русских пражан», in *Studia Methodologica*, 2002, 11: 104-135 (<http://crecleco.seriot.ch/recherchebiblio/01STiCEL-cr/02Leschak.html>; сайт просмотрен 27.05.2019).
- СЕРИО П., 2001: *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг.* Москва, Языки славянской культуры (перевод: Н.С. Автономова).
- , 2009: *Структура и тоталитет. Интелектуално порекло структурализма у средњој и источној Европи.* Нови Сад, Зоран Стојановић (перевод: Д. Точанац, С. Гудурић).
- ARRIVÉ M., 2000: «Du structuralisme de l'Est», in *Le Monde*, 3 mars 2000: VII.
- ASLANOFF S., 1986: *Manuel typographique du russiste.* Paris, Institut d'études slaves.
- CHEVALIER J.-C., 1999: «Trubetzkoj / Saussure. Patrick Sériot, Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe

- centrale et orientale, PUF éd., 353 p., 170 F», in *La quinzaine littéraire*, 1-15 décembre 1999, 774: 21.
- JUCQUOIS G., 2000: «[Compte rendu de Sériot 1999]», in *Cahiers de l'institut de linguistique de Louvain*, 2000 (см. <http://crecleco.seriot.ch/index.html>; сайт просмотрен 27.05.2019).
- KARNOOUH C., 2001: «Compte rendu de Sériot Patrick, Structure et totalité: les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale, Paris, Presses universitaires de France (Linguistique nouvelle), 1999, X-353 pages, bibliographie. ISBN 2-13-050297-0» in *Revue des études slaves*, 2001, LXXIII (1): 213-219.
- SERIO P., 2015: *St'rukt'ura da mtlianoba. st'rukt'uralizmis int'elekt'ualuri sapuzvlebi cent'ralur da ayMosavlet evropashi: 1920-30-iani tslebi*. Tbilisi, Ilias saxelmc'ipo universit'et'i (перевод: Т. Bolkvadze).
- SÉRIOT P., 1999: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris, Presses universitaires de France.
- , 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- , 2002: *Struktura a celek. Intelektuální počátky strukturalismu ve střední a východní Evropě*. Praha, Academia (перевод: А. Krausová, К. Plo-tzová).
- , 2014: *Structure and the Whole. East, West and non-Darwinian Biology in the Origins of Structural Linguistics*. Boston – Berlin, Walter de Gruyter (перевод: А. Jacobs-Colas).
- , 2016: *Estrutura e totalidade – As origens intelectuais do estruturalismo na Europa Central e Oriental*. Campinas, Editora da Unicamp (перевод: М. Cury Sarian, М. Peccioli Galli Joanilho).
- TCHOUGOUNNIKOV S., 2001: «Métamorphoses d'une belle totalité», in *Bulletin sémiotique de la Société française de sémiotique*, 2001, 1: 32-33.
- , 2002: «Une tétatologie du structuralisme naissant», in *Critique*, mars 2002, 658: 231-233.
- TIHANOV G., 2001: in *Irish Slavonic Studies* (см. <http://crecleco.seriot.ch/index.html>; сайт просмотрен 27.05.2019).
- WIEDERKEHR S., 2001: «Patrick Sériot: Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale (Paris, Presses universitaires de France, 1999), 353 pp.», in *Studies in East European Thought*, 2001, 53 (4 [December]): 339-342.

Сравнительная эпистемология Патрика Серิโอ как «перспектива»

Наталия АВТОНОМОВА
Институт философии РАН

Аннотация:

Во введении к книге Патрика Серิโอ *Структура и целостность*, опубликованной на пороге нового века, сформулирована позиция, определившая весь путь исследователя – слависта, историка лингвистических идей и языковых дискурсов: отказавшись от антитезы «нормативного» и «дескриптивного», а также от противопоставления имманентных сущностей («Россия» и «Запад»), он трактует «сравнительную эпистемологию» как определенную исследовательскую *перспективу*. Объясняя свой подход, П. Серิโอ избегает жесткой концептуализации эпистемологических принципов, что обусловлено его задачей – выявлять и сопоставлять «неявные аксиоматики» интеллектуальных миров, основанных на различных познавательных предпосылках. Эта исследовательская *перспектива* была апробирована и использована автором при анализе формирования взглядов «русских пражан» (Р. Якобсон, Н. Трубецкой, П. Савицкий) на «структуру» и «целостность» (1920-1930 гг.) – в сравнении с более ранними и более поздними западными трактовками структуралистских идей; в наши дни она сохраняет свой эвристический потенциал применительно к другим современным объектам истории и философии науки.

Ключевые слова: сравнительная эпистемология, перспектива, смысл, лабиринт, соизмеримость, структурализм, «русские пражане»

Si des différences apparaissent entre la Russie et l'«Occident», elles doivent être argumentées et mesurables. On pourrait appeler cette perspective une épistémologie comparée, si tant est que cette notion ait un sens¹.

Исходя из этой цитаты, взятой нами из книги *Структура и целостность*, юбилей которой мы празднуем вместе, автор отказывается от весьма распространенных представлений о «России» и «Западе» как о самодостаточных априорных сущностях (претендующих одна – на «самобытность», другая – на «образцовость» и универсальность) и трактует «сравнительную эпистемологию» не как «теорию» или «дисциплину», но как определенную исследовательскую *перспективу*. Перспектива сравнительной эпистемологии дает особый *угол зрения* на изучаемые предметы, преодолевая – в процессе кропотливой сопоставительной работы с текстами – бинарную оппозицию тождественности или абсолютного различия сущностей: она подразумевает поиск опосредующих ступеней, пересечений, дополнений, взаимообогащений между различными или даже, по ряду параметров, взаимно противоположными «научными культурами».

Как можно видеть, в приведенном фрагменте нечто важное вводится автором не пафосно, но скорее завуалированно, с оговорками, в сослагательном наклонении. Чуть дальше автор поясняет эту модальность своего письма: не стоит искать в книге какое-то одно триумфальное решение, какое-то одно место, где все трудности познания объектов головоломной сложности – и прежде всего, взглядов «русских пражан» на структуру, формировавшихся в период между войнами, – предстали бы в новом свете и в упорядоченном виде. Нет: свою задачу автор формулирует приглушенно – «попытаться отыскать хотя бы какой-то смысл в этом огромном лабиринте»². Распутывание лабиринта – не просто красивая метафора: это долг слависта, который осознанно выбрал свое трудное ремесло и при этом, вместе с Патриком Серио, усматривает в «русском мире» не особый настрой души, но «интенсивную научную работу»³. «Искать смысл в лабиринте» с помощью понятийных средств высоко формализованной эпистемологии было бы невозможно, а потому Серио фактически строит эпистемологию срединного уровня, которая располагается между «наукой» и «философией»; она выявляет и сопоставляет смыслы опорных понятий и при этом стремится учесть эмпирическую специфику знания, погруженного в различные социальные и культурные контексты. Один из промежуточных итогов этих поисков можно было бы сформулировать так: «русская наука» о структуре и системе не тождественна западной, но она не является и особой наукой, хотя «праж-

¹ Sériot 1999 [2012: 22].

² Серио 2001: 42 (в оригинале: «à tenter au moins de trouver quelque sens dans ce labyrinthe immense» [Sériot 1999 (2012: 23)]).

³ Серио 2001: 42.

ский» («евразийский») эпизод ее развития заставляет нас переосмыслить привычные линейные истории структуралистских идей.

Эта книга была воспринята международным научным сообществом как новое слово и переведена на ряд языков, а я радуюсь тому, что мне довелось сделать ее первый перевод – на русский язык! Каждая исследовательская аудитория находила в ней нечто полезное для своей работы в поле гуманитарных дискурсов. Эта книга не монологическое поучение и не проповедь, она задает сферу возможности самого широкого диалога между исследователями разных специальностей, теоретических взглядов и ориентаций, разных познавательных традиций, нередко имеющих свою концептуально-стилистическую специфику в трактовке и выражении тех или иных понятий. На формирование эпистемологической позиции автора влиял его огромный опыт анализа самых разных объектов – от проповедей пророка Аввакума до политико-идеологических дискурсов советской эпохи 1970-1980-ых годов. Вместе с тем он был свидетелем важнейших процессов в современной эпистемологии науки, прежде всего – структуралистской концептуальной революции 1960-1970-ых годов во Франции; он глубоко воспринял и осмыслил как протест против плоских и линейных поисков преемственности, так и идею «эпистемологических препятствий» и разрывов, провозглашенную еще Гастоном Башляром и развернутую, например, у Мишеля Фуко в его культовой книге *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук* (1966).

Предлагая свою «сравнительную эпистемологию», Серио видит в ней *перспективу* движения – по крайней мере, на тот период, когда «сильные концепции» и магистральные подходы отошли в тень. В отличие от традиций французской исторической эпистемологии, будь то история физики у Башляра или история биологии у Жоржа Кангилама, Серио перекидывает мосты между разными дисциплинами и разными культурными и интеллектуальными традициями. В то же время он отказывается от весьма распространенного противопоставления «внешних» и «внутренних» факторов в развитии науки: предпосылки возникновения научных теорий нельзя определить ни в имманентном пространстве идей, ни в пространстве внешних социальных и культурных детерминаций. Во всяком случае, в данном эпистемологическом контексте этот вопрос не разрешается на уровне альтернативы; нам нужен такой образ связывания элементов в познавательном поле, который бы позволял улавливать более сложные конфигурации и ритмы, более тонкие взаимопересечения, отторжения и другие способы динамических взаимодействий. Позиция Серио вырабатывается, таким образом, путем преодоления альтернативы внутреннего и внешнего, континуального и взрывного, в процессе парадоксального поиска соизмеримости – в том, что поначалу предстает как несоизмеримое и несопоставимое (об этом размышлял и Марсель Детьен⁴).

---

⁴ Detienne 2000.

За двадцать лет, прошедших после выхода книги Патрика Серию, расширилась сфера научных предметов, в которой могут использоваться (или фактически используются) те или иные установки сравнительной эпистемологии. Так, новое поле применения этих установок возникает в наши дни в результате актуализации русского формализма, интереса к процессам его формирования, к его соотношениям (отталкиваниям, притяжениям) со структуралистскими подходами. Столетние юбилеи русского формализма (берем ли мы в качестве отправного момента 1915 год, когда Роман Якобсон создал Московский лингвистический кружок, или 1914 год, когда Виктор Шкловский, опубликовав свой известный доклад в виде брошюры под заглавием *Воскрешение слова*, символически положил начало ОПОЯЗу) дали повод к широкому дискуссию в международном масштабе⁵; в них затрагивались и сюжеты, связанные с судьбой исследовательских программ структурализма и формализма в разных идейных, политических, социальных конъюнктурах. Новый импульс к сравнительно-эпистемологическим разысканиям в широком смысле слова находит свое выражение в анализе структурных и семиотических подходов в России / СССР и Франции 1960-1970-ых годов, проводимом в России, в Эстонии и в ряде других европейских стран⁶. Анализ научных архивов и переписки Юрия Михайловича Лотмана, осуществляемый при Таллинском государственном университете Татьяной Кузовкиной, Игорем Пильщиковым, Михаилом Труниным и их коллегами, позволяет по-новому представить некоторые концептуальные взаимодействия тартуско-московского (или московско-тартуского) структурализма и семиотики с аналогичными восточно-европейскими исследовательскими программами, особенно в Польше и Чехословакии. Во всех этих инициативах можно видеть развертывание «перспективного смысла» сравнительной эпистемологии. Сопоставительная работа с «двух берегов», или точнее, с разных берегов, продолжается. И «перспектива» сравнительной эпистемологии, предложенная Патриком Серию в *Структуре и целостности* и представленная им во многих других – индивидуальных и коллективных – трудах последнего двадцатилетия, созданных под эгидой центра CRECLECO, остается для нас актуальным ориентиром в этой работе.

© Наталия Автономова

⁵ Левченко, Пильщиков (ред.-сост.), 2017; Depretto, Pier, Roussin (éds), 2018.

⁶ См., в частности, Sériot 2016.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЛЕВЧЕНКО Я.С., ПИЛЬЩИКОВ И.А. (ред.-сост.), 2017: *Эпоха отстранения: русский формализм и современное гуманитарное знание*. Москва, НЛО.
- СЕРИО П., 2001: *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг.* Москва, Языки славянской культуры (перевод: Н.С. Автономова).
- DEPRETTO C., PIER J., ROUSSIN Ph. (éds), 2018: *Le formalisme russe cent ans après* [*Communications*, 2018, 103].
- DETIENNE M., 2000: *Comparer l'incomparable*. Paris, Seuil.
- SÉRIOT P., 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- , 2016: «Barthes and Lotman: Ideology vs culture», in *Sign Systems Studies*, 2016, 44 (3): 402-414.

Natalia Avtonomova

Institut de philosophie de l'Académie des sciences de Russie

L'épistémologie comparée de Patrick Sériot comme «perspective»

Résumé:

Dans l'introduction du livre de Patrick Sériot *Structure et totalité*, publié au seuil du siècle nouveau, une position est formulée, qui a déterminé tout le parcours du chercheur qui est slaviste, historien des idées linguistiques et des discours sur la langue: en abandonnant l'antithèse entre le «normatif» et le «descriptif», ainsi que l'opposition des essences immanentes («Russie» et «Occident»), il interprète «l'épistémologie comparée» comme une *perspective* de recherche particulière. En expliquant son approche, P. Sériot évite la conceptualisation rigide de principes épistémologiques, ce qui s'explique par sa tâche qui est de révéler et de comparer les «axiomatiques implicites» des mondes intellectuels basés sur diverses prémisses cognitives. L'auteur a testé et utilisé cette *perspective* de recherche dans l'analyse de la formation des points de vue des «Russes de Prague» (R. Jakobson, N. Trubeckoj, P. Savickij) sur la «structure» et la «totalité» (1920-1930), en les comparant avec les interprétations occidentales des idées structuralistes apparues plus tôt ou plus tard. Aujourd'hui, cette *perspective* conserve son potentiel heuristique par rapport à d'autres objets modernes d'histoire et de philosophie des sciences.

Mots-clés: épistémologie comparée, perspective, sens, labyrinthe, commensurabilité, structuralisme, «Russes de Prague»

Natalia Avtonomova

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Patrick Sériot's comparative epistemology as a "perspective"

Abstract:

In the introduction to Patrick Sériot's book, *Structure and the Whole*, published at the turn of the century, a position is formulated that determines the entire career of the researcher. Slavist, historian of linguistic ideas and language discourses, P. Sériot abandons the antithesis of "normative" and "descriptive", as well as the opposition of the immanent essences ("Russia" and "West"), and thus interprets "comparative epistemology" as a definite research perspective. Explaining his approach, P. Sériot avoids the rigorous conceptualization of epistemological principles, a tact that is aligned with his task of identifying and comparing the "implicit axiomatics" of intellectual worlds based on various cognitive premises. This research perspective was tested and employed by the author in his analysis of the formation of the views of "Prague's Russians" (R. Jakobson, N. Trubeckoj, P. Savickij) on "structure" and "the whole" (1920-1930), in comparison with earlier and later Western interpretations of structuralist ideas; today, it retains its heuristic potential in relation to other modern objects of the history and philosophy of science.

Keywords: comparative epistemology, perspective, meaning, labyrinth, commensurability, structuralism, “Prague’s Russians”

Зачем лингвисту теория?

Владимир АЛПАТОВ
Институт языкознания РАН

Аннотация:

П. Серио в своей книге *Структура и целостность* указывает, что Н. Трубецкой и Р. Якобсон использовали идеи европейских, главным образом немецких, мыслителей начала XIX века. Представляется, что такого рода подход был тогда распространен среди ученых, не принимавших позитивистский подход к языку и искавших альтернативы, чаще всего при этом вспоминали В. фон Гумбольдта. Так считали В.И. Абаев, Р.О. Шор и др. С этим можно сопоставить обращение отвергнувшего структуралистскую парадигму Н. Хомского к наследию авторов *Грамматики Пор-Рояля*, того же Гумбольдта и др.

Ключевые слова: Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, А.И. Томсон, В.И. Абаев, Р.О. Шор, Н. Хомский, теория языка

Ainsi, malgré toute leur opposition de principe à la «science romano-germanique», les eurasistes sont les continuateurs d'une pensée formée dans la philosophie allemande du premier tiers du XIXe siècle [...]¹.

В книге П. Серио *Structure et totalité* речь постоянно заходит о том, что Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон в своих теоретических взглядах во многом исходили из идей немецкой классической философии первой половины XIX века. Они, выступая против рационализма Запада, опирались на западные же по происхождению, хотя развивавшиеся и на русской почве романтические и антипросветительские концепции².

Как известно, первая половина XIX века была временем создания масштабных концепций и в философии, и в эмпирических науках, включая лингвистику, хотя конкретный материал в то время часто бывал изучен недостаточно. Ранним периодам развития научных дисциплин всегда свойственна малая дифференциация своего предмета в сочетании с попытками создания широкомасштабных теорий. В гуманитарных науках в XIX веке это часто бывало связано с идеями немецкой классической философии. Во второй половине века установилось господство позитивизма, изменившее приоритеты. Вот типичное изложение позитивистских взглядов у А.И. Томсона, уже в XX веке писавшего: «Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами барахтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту, не с чужих слов»³. У современных ему ученых, в том числе у Трубецкого, Томсон видел лишь «слабосилие», так как они «не могут больше преодолевать подготовительной работы по изучению накопившихся данных»⁴.

Но Трубецкому важно было не это, наибольший интерес вызывали «общие вопросы». И не только у него. Вот что писал в 1933 году его младший современник В.И. Абаев:

С точки зрения философской воззрения представляют бесспорный шаг назад по сравнению со взглядами «стариков»-основоположников. Наука основоположников – это наука восходящего класса со всеми свойственными такой науке качествами: смелостью мысли, широтой размаха, высоко развитой способностью обобщения. Напротив, вся последующая лингвистика, т.е. как младограмматическая, так и «социологическая»⁵ школа, это – наука нисходящего класса со свойственной такой науке неудержимой склонностью к трусливому и бескрылому крохоборству. И когда речь идет о буржуазном наследстве, для нас В. Гумбольдт и Фр. Бопп безусловно выше и ценнее Бругманна или Мейе⁶.

---

¹ Sériot 1999 [2012: 290].

² *Idem.*

³ Цит. в: Робинсон 2004: 153.

⁴ *Ibid.*: 175.

⁵ Под «социологической школой» имеются в виду А. Мейе и Ф. де Соссюр. – В.А.

⁶ Абаев 1933 [2006: 18].

Несколько раньше Абаева об этом писала лично далекая от него Р.О. Шор. Она, правда, иначе проводила временную границу между «восходящим» и «нисходящим» периодом, по-видимому, основываясь на господствовавшем тогда в СССР представлении о Великой французской революции как высшей точке «прогрессивности» буржуазии. Поэтому ей пришлось относить В. фон Гумбольдта к мыслителям XVIII века, хотя ей, разумеется, было известно, что основные его лингвистические работы были написаны в 1810-1830-ых годах. Но суть была той же.

Индивидуализм в восприятии языкового явления, свойственное философскому эклектизму хватанье за отдельный конкретный факт и боязнь широких философских обобщений, ползучий эмпиризм, откуда – крайнее сужение разрабатываемой области, – таковы характерные черты лингвистической науки 19 века. Интересно проследить, как в процессе ее развития исчезают те зачатки социально-исторической концепции языка, которые уже намечены были революционной просветительской мыслью 18 века⁷.

В то же время Шор признает, что в XIX веке «работа собирательно-описательная значительно продвинулась вперед»⁸.

В 1920-1930-ые годы на советскую лингвистику, безусловно, влияли идеи марксизма. Но опора на лингвофилософские идеи первой половины XIX века при отрицательном отношении к дальнейшему развитию теоретической лингвистики, принявшей позитивистский подход, видна и у далеких от марксизма Трубецкого и Jakobsona. Последние в большей степени учитывали общеполитические идеи, выходящие за пределы воззрений на язык, но и Абаев и Шор обращались к В. фон Гумбольдту, несомненно, крупнейшему из представителей немецкой классической философии, специально занимавшихся проблемами языка. Правда, Трубецкой и Jakobson иначе, чем Абаев, отнесли к Ф. де Соссюру (кстати, и Шор в ранних публикациях находилась под сильным влиянием Соссюра и даже позже выделяла его в положительную сторону среди «буржуазных» лингвистов). Но все-таки этот ученый, на которого Абаев не обратил должного внимания, выходил по ряду пунктов за рамки позитивизма. Достаточно вспомнить непризнание младограмматиками ларингальной теории, которая не могла быть построена только на основании «подготовительной работы по изучению накопившихся данных».

В 1920-1930-ых годах в лингвистике разных стран (в русской науке, включая эмигрантскую, это, видимо, проявилось сильнее всего) наметилась тенденция отхода от переживавшего методологический кризис позитивизма, «барахтавшегося в решении частных вопросов», к науке «основоположников», не боявшихся «широких философских обобщений». Именно этим, если отвлечься от экстралингвистических

---

⁷ Шор 1931: 404.

⁸ *Ibid.*: 405.

аспектов, был обусловлен временный успех марризма: Н.Я. Марр также во многом опирался на науку начала XIX века, отвергнув то, что было сделано позже. Правда, иногда можно было найти и созвучные идеи в маргинальных для своего времени публикациях современников. В.Н. Волошинов с почтением относился к В. фон Гумбольдту, однако мог даже обойтись без ссылок на его труды, поскольку между ними было связующее звено – К. Фосслер и его школа, продолжавшие традиции Гумбольдта и при господстве позитивизма.

Но вот совсем другая эпоха – 1950-1960-ые годы. И другая страна – США. Н. Хомский во многих работах, наиболее развернуто в главе «Прошлое» книги *Язык и мышление* (1968), оценивает развитие мировой науки о языке. Он подчеркивал, что до XIX века «такие темы, как природа языка, способы, которыми язык отражает умственные процессы или формирует течение и характер человеческой мысли, были предметом изучения и размышления и для ученых, и для одаренных любителей»⁹. Однако затем, особенно в эпоху структурализма, возобладали подход, который «не только неадекватен, но и принципиально неверен»¹⁰. В основе поведения лежит система языковой компетенции, которая «качественно отличается от всего, что может быть описано в терминах таксономических методов структурной лингвистики»¹¹. «Убогая и совершенно неадекватная концепция языка, выраженная Уитни и Соссюром и многим другими»¹², не может больше быть приемлемой. Отвергая теоретическую науку предыдущих десятилетий, Хомский высоко оценивает философские грамматики XVI-XVIII веков и начала XIX века, особенно *Граматику Пор-Рояля* (1660). Именно тогда появилась «первая действительно значительная общая теория лингвистической структуры»¹³, в том числе произошло затем игнорировавшееся различие поверхностной и глубинной структуры. Высоко оценивается и В. фон Гумбольдт, который сформулировал идею о том, что «говорящий использует бесконечным образом конечные средства»¹⁴. Все эти идеи заняли важнейшее место в теории Хомского.

Таким образом, и здесь мы видим отвержение идей непосредственных предшественников и учет более старых концепций, в том числе также начала XIX века. Правда, Хомский учитывает и еще более ранних авторов, но они в 1920-1930-ые годы были забыты и только во второй половине XX века их вспомнили (не только Хомский). И опять имел место отказ от связанных с позитивизмом таксономических концепций и стремление к рассмотрению самых общих проблем языка. О ситуации в американской лингвистике тех лет пишет современный

---

⁹ Хомский 1972: 12.

¹⁰ *Ibid.*: 15.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*: 32.

¹³ *Ibid.*: 25.

¹⁴ *Ibid.*: 26.

автор: «До Хомского американский лингвист был почти что обязан провести один-два года среди носителей индейского языка и написать его грамматику. В североамериканской лингвистике это было чуть ли не обрядом посвящения»¹⁵. Этот идеал по сути не отличался от представлений Томсона, только место работы над древними памятниками заняла полевая работа с живыми языками. Однако «сам Хомский не занимался полевыми исследованиями и тем не менее, очевидно, обнаружил в языке больше интересного, чем любой полевой исследователь»¹⁶.

И еще пример за пределами лингвистики. Современный российский исследователь, рассматривая вопрос о цивилизационных различиях Запада и Востока, отвергает концепцию азиатского способа производства К. Маркса и его последователей, признавая более продуктивными славянофильские идеи «веры в сакральность всего земного пространства» и «принципа соборности» на Востоке в отличие от Запада, упоминая А.С. Хомякова¹⁷. Безусловно, одним из источников марксизма была немецкая классическая философия, прежде всего, труды Г.В.Ф. Гегеля, что марксисты всегда признавали. Но Хомяков – старший современник К. Маркса и Ф. Энгельса, связанный как раз с «романтическими и антипросветительскими концепциями», а в конкретных вопросах он отличался игнорированием фактов и склонностью к полетам фантазии. Он, например, мог думать, что англичане – это по происхождению угличане, и строил гипотезы о путях их движения с Волги на Британские острова¹⁸. Маркс и Энгельс подобного все же не допускали. Но у А.Д. Воскресенского общее разочарование в марксизме сочетается со стремлением опираться на масштабные историко-философские концепции, отвергаемые последователями позитивистов.

Итак, в лингвистике, как и в других эмпирических науках, одним из постоянно возникающих противоречий является борьба (иногда у того же самого автора) между стремлением к точной регистрации фактов и, по выражению В.Н. Волошинова, к «преклонению» перед ними, и желанием использовать для изучения разрозненных фактов ту или иную теорию. Теория при этом нередко бывает априорной, не основанной на фактах и даже просто фантастической, но она дает опору. А попытки обходиться без теории иллюзорны: пусть она лишь имплицитна, и исследователь невольно использует ту теорию, к которой он привык, например, теорию из его школьного учебника, когда-то прочитанного. А хорошая, пусть не во всем адекватная теория дает возможность «обнаружить в языке больше интересного», будь то теория Хомского или Трубецкого.

© Владимир Алпатов

---

¹⁵ Эверетт 2008 [2016: 274].

¹⁶ *Idem*.

¹⁷ Воскресенский 2011: 32.

¹⁸ [Хомяков] 1847 [2013: 199].

БИБЛИОГРАФИЯ

- АБАЕВ В.И., 1933 [2006]: «О “фонетическом законе”», in Абаев В.И. *Статьи по теории и истории языкознания*. Москва, Наука, 2006: 16-26.
- ВОСКРЕСЕНСКИЙ А.Д., 2011: «Предисловие», in Воскресенский А.Д. (отв. ред.), *Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы*. Москва, Аспект-пресс.
- РОБИНСОН М.А., 2004: *Судьбы академической элиты. Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов)*. Москва, Индрик.
- ХОМСКИЙ Н., 1972: *Язык и мышление*. Москва, МГУ.
- [ХОМЯКОВ А.С.], 1847 [2013]: «Англия. Письмо А.С. Хомякова. Фрагменты», in Виноградов И.А. (сост.), *Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников*, т. 3. Москва, ИМЛИ, 2013: 198-202.
- ШОР Р.О., 1931: «Языковедение», in Шмидт О.Ю. (отв. ред.), *Большая советская энциклопедия*, т. 65. Москва, ОГИЗ РСФСР – Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия»: 392-416.
- ЭВЕРЕТТ Д.Л., 2016: *Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей*. Москва, Языки славянских культур.
- SÉRIOT P., 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.

Vladimir Alpatov

Institut de linguistique de l'Académie des sciences de Russie

Pourquoi les linguistes ont-ils besoin d'une théorie?**Résumé:**

Dans son livre *Structure et totalité*, P. Sériot souligne que N. Trubeckoj et R. Jakobson ont utilisé les idées de penseurs européens, avant tout allemands, du début du XIXème siècle. Il semble que ce type d'approche était alors très répandu parmi les chercheurs qui n'acceptaient pas l'approche positiviste de la langue et cherchaient des solutions alternatives; sous ce rapport, on mentionne le plus souvent W. von Humboldt. C'est ainsi que réfléchissaient V.I. Abaev, R.O. Šor et d'autres. On pourrait mettre cela en parallèle avec le recours à l'héritage des auteurs de la *Grammaire de Port-Royal* ou de ce même W. von Humboldt par N. Chomsky qui rejetait le paradigme structuraliste, etc.

Mots-clés:

N.S. Trubeckoj, R.O. Jakobson, A.I. Tomson (Thomson), V.I. Abaev, R.O. Šor, N. Chomsky, théorie linguistique

Vladimir Alpatov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Why do linguists need a theory?**Abstract:**

P. Sériot, in his book *Structure and the Whole*, points out that N. Trubeckoj and R. Jakobson employed the ideas of several European, principally German, thinkers of the early 19th century. It seems that this kind of approach was widespread at the time among scholars who did not accept the positivist approach to language and were looking for alternatives; most often in doing so they recalled W. von Humboldt. The line of thinking observable in V.I. Abaev, R.O. Šor *et al.* reflects such a trend. This can be compared with the appeal of N. Chomsky, who rejected the structuralist paradigm, as well as with the intellectual legacy of the authors of *Port-Royal Grammar*, of the same W. von Humboldt, etc.

Keywords: N.S. Trubeckoj, R.O. Jakobson, A.I. Tomson (Thomson), V.I. Abaev, R.O. Šor, N. Chomsky, linguistic theory

Le chercheur comme passeur de mondes: l'«air du lieu» dans la production du savoir linguistique

Natalia BICHURINA
Université de Lausanne

Résumé:

La notion d'air du lieu, proposée par P. Sériot il y a vingt ans dans *Structure et totalité*, acquiert aujourd'hui une nouvelle importance: malgré la mobilité académique accrue et les échanges entre chercheurs devenus encore plus étroits qu'avant grâce aux nouvelles technologies, la science est-elle aussi globale qu'elle semble l'être? Dans cet article, nous explorerons comment, dans ce nouveau contexte, l'«air du lieu» peut peser sur l'analyse scientifique, en l'occurrence (socio)linguistique, le contexte d'énonciation déterminant les paradigmes scientifiques choisis.

Mots-clés: épistémologie de la linguistique, mobilité académique, minorités linguistiques, «air du lieu»

Il est convenu que l'illusion rétrospective (le fait de voir une théorie ancienne avec les critères d'une théorie actuelle, ou ultérieure) est une erreur méthodologique grave. Mais qu'en est-il de l'illusion qu'on pourrait appeler «chorologique», celle qui rend aveugle aux spécifications locales d'une épistémè?¹

Même si le livre de Patrick Sériot *Structure et totalité* se concentre sur les «origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale», comme l'indique son sous-titre, l'ambition de l'ouvrage dépasse largement le sujet du structuralisme de l'école de Prague. Il parle essentiellement des enjeux de production et de circulation des idées et des théories dans le monde des sciences humaines et sociales, de la manière de faire de la science et d'être chercheur.

Vingt ans après sa publication, et presque un siècle après l'époque qu'il explore, ce livre est toujours d'actualité. On pourrait même suggérer qu'il acquiert une nouvelle importance dans le contexte actuel, avec la mobilité académique accrue et les échanges entre les chercheurs devenus encore plus étroits qu'avant grâce aux nouvelles technologies. On lit sur Internet les articles que d'autres chercheurs ont écrits, parfois à des milliers de kilomètres de chez nous, au moment même de leur publication; on peut suivre en ligne, en transmission directe, un colloque qui se passe à l'autre bout du monde. Et pourtant, la science est-elle aussi globale qu'elle semble l'être? Mais, peut-elle, au fait, l'être?

1. «L' AIR DU LIEU»

Le livre de P. Sériot illustre comment «l'air du lieu»² peut peser sur l'analyse scientifique, les enjeux socio-politiques du contexte d'énonciation déterminant les paradigmes scientifiques choisis. Un exemple évocateur est résumé dans la préface à la deuxième édition: «Un phénomène d'apparence aussi innocente que la corrélation phonologique de mouillure fut pour Jakobson dans les années 1930 le point d'appui d'une géopolitique dans laquelle la géographie est recouverte par la géométrie: un rapport symétrique faisait office de preuve d'existence»³. Alors que la phonologie est probablement ce qu'il existe de plus apparenté aux sciences dures dans les

¹ Sériot 1999 [2012: 33].

² «L'air du lieu» est complémentaire de «l'air du temps». La notion d'air du temps désigne «ces références fondamentales, ce tissu de métaphores sur quoi repose une activité scientifique en train de se constituer, ce noyau sûr et dur de savoirs et de dogmes, permettant aux chercheurs de sentir un sol ferme sous leurs pas, tout en leur masquant d'autres voies à explorer. On utilisera le terme désuet d'*air du temps* pour désigner cette partition du su et de l'ignorer, de l'imaginé et du refusé, qui s'impose par des métaphores à l'ensemble d'une communauté scientifique, quelque hétérogène qu'elle puisse paraître» (Sériot 1999 [2012: 32-33]). Si ce dernier est (plus ou moins) global, les tendances générales de pensée à un moment historique donné sont réinterprétées localement en fonction des enjeux «du lieu».

³ *Ibid.*: 12.

sciences du langage, qu'en est-il des domaines encore plus sujets aux interprétations?

En extrapolant l'approche présentée dans *Structure et totalité*, examinons un exemple récent: l'année 2019 a été déclarée par l'UNESCO «Année internationale des langues autochtones»⁴. La traduction officielle en russe, l'une des langues de l'UNESCO, est *Meždunarodnyj god jazykov korennyx narodov* (littéralement: «Année internationale des langues des peuples autochtones»). Détails de traduction ou deux constructions aux différences cruciales? D'une manière semblable, la traduction officielle de la *Charte européenne des langues régionales ou minoritaires – Evropejskaja xartija regional'yx jazykov ili jazykov men'sinstv* – traduit la notion de langues minoritaires par «langues des minorités». Ainsi, ce qui semble le même concept et se réfère au même évènement (l'ensemble des manifestations culturelles dans le cadre de l'année) ou au même document (la *Charte*) est réinterprété et investi de nouveaux sens selon «l'air du lieu» (que la démarche soit volontaire ou non). Ces traductions correspondent à deux modèles différents. Selon le premier modèle (ici russophone), les peuples, entendus comme groupes ethniques dans une vision essentialiste (ils seraient ontologiquement différents des autres groupes), existeraient comme un fait social et parleraient leurs langues respectives (l'existence de la langue est, en quelque sorte, déterminée par l'existence d'un groupe social particulier)⁵. Selon le deuxième modèle (ici francophone, et dont la France est un exemple par excellence), les langues existeraient en tant qu'héritage culturel de l'humanité tout entière, ou d'une nation tout entière, sans que cela implique l'existence de plusieurs groupes ethniques au sein de l'unité nationale (ni de visions du monde différentes à la place de la raison universelle). Ainsi, voit-on ici l'héritage de la fameuse opposition Lumières vs Romantisme⁶. Il en va de même pour des notions comme *langue* et *dialecte*, dont le sens est particulier selon les traditions épistémologiques. Ces traditions se sont pourtant instaurées en se basant l'une sur l'autre, en dialogue permanent, ne serait-ce qu'en se fondant sur la négation de l'autre. Ainsi, l'approche dialectologique qui s'est développée en URSS, selon laquelle un dialecte est avant tout un fait social, se définit grâce à la critique de la négation de l'existence (sociale) des dialectes «à

---

⁴ <https://fr.unesco.org/IY2019> (site consulté le 9.05.2019).

⁵ Ainsi les slavistes savent que *rodnoj jazyk* n'est pas la même chose que «langue maternelle», même si c'est la seule traduction acceptée: en effet, souvent les gens nomment *rodnoj jazyk* une langue qu'ils ne parlent pas mais qu'ils croient être celle du groupe auquel ils considèrent appartenir par naissance. Notons, d'ailleurs, qu'en Russie la mise en place du programme de l'année 2019 dont il est question ici est à la charge de l'Agence fédérale des affaires des nationalités [*Federal'noe agentstvo po delam nacional'nostej*], autrement dit, les questions linguistiques sont juridiquement subordonnées aux questions «nationales» au sens russe du terme, c'est-à-dire relatives aux nationalités constituant la Fédération (la traduction la plus proche serait «ethniques»).

⁶ Sériot 1999 [2012: 114].

l'étranger», et tout particulièrement dans «l'école française de Gilliéron», avec sa «fétichisation des isoglosses»⁷.

2. «PASSEURS DE MONDES»

La mission d'un chercheur serait donc de devenir un «passeur de mondes», en l'occurrence, scientifiques⁸: se plonger dans différentes cultures académiques et les traduire aux autres. On pourrait parler d'une sorte de diplomatie académique... Dans mon expérience personnelle, j'ai pu observer comment le monde académique est bien moins uniforme que ce qu'il peut paraître; curieusement, cela devient une évidence précisément à cause de l'internationalisation actuelle de l'enseignement supérieur et de la recherche, y compris grâce aux programmes de mobilité académique du XXIème siècle, comme Erasmus Mundus⁹. Ces derniers nous plongent dans plusieurs traditions académiques, en véritable observation participante, comme on le fait pour étudier les communautés autochtones. Plusieurs cultures scientifiques s'accumulent lors du parcours: celle où l'on a fait nos premiers pas scientifiques (dans mon cas, à Saint-Petersbourg) et celles des expériences ultérieures – dans mon cas, la Suisse, évidemment, pendant un stage de recherche, sous la direction de P. Sériot, en 2012-2013, ainsi que dans mon travail actuel, mais aussi le Royaume-Uni et la France (pour un Master Erasmus Mundus, après un autre Master complété en Russie), l'Italie et l'Australie (pour une thèse de doctorat, également en cotutelle). Travailler entre les mondes roman, anglo-saxon et russe et écrire une thèse qui doit satisfaire *à la fois* aux critères de scientificité de plusieurs traditions académiques nationales, – tout en questionnant les fondements épistémologiques de chacune de ces traditions et en préservant, avant tout, l'intégrité scientifique personnelle, – a été pour moi ce qu'on pourrait appeler précisément un vécu de «passeur de mondes».

CONCLUSION

Il y a vingt ans, lorsque la notion d'air du lieu a été introduite dans *Structure et totalité*, elle semblait osée. Aujourd'hui, l'idée de la nécessité du décentrement, dans les sciences humaines et sociales, paraît être dans «l'air du temps», tout au moins au niveau discursif. À part les programmes mentionnés qui l'ont comme objectif, pensons aux approches (qui nécessiteraient d'être contextualisées, comme toute approche analytique) du *Global South*, qui vise, entre autres, à opposer à une vision provenant des pays «du

---

⁷ Жирмунский 1956: 40; voir aussi Бородина 1982. Voir Sériot 1999 [2012: 127-132] sur la polémique prototypique autour de la définition du francoprovençal et la question des atlas en France.

⁸ Sériot 1999 [2012: 18].

⁹ Programme de l'Union européenne existant depuis 2004 et finançant des masters et doctorats en cotutelle auprès des consortiums des universités à travers le monde.

Nord» des visions issues du contexte postcolonial «du Sud»¹⁰. Ou encore, pensons à l'appel à s'opposer à la manière anglo-saxonne de «faire la science» comme la seule façon acceptée de la faire, comme le propose, par exemple, le récent *Manifeste pour la reconnaissance du principe de diversité linguistique et culturelle dans les recherches concernant les langues*¹¹.

Mais si la science est locale, est-elle toujours la science (pour reprendre la question que se pose P. Sériot¹²)? Tout en nous prévenant d'éviter le piège de penser en termes de «sciences nationales»¹³, ce livre ouvre ainsi une voie de réflexion sur les relations complexes entre le lieu de production du savoir et le type de savoir produit. À part la question méthodologique relative à notre approche des textes scientifiques que nous lisons, une autre question en découle: dans la pratique scientifique, comment dépasser le local (qui se manifeste, y compris lorsqu'on emprunte des concepts préfabriqués, issus d'une école de pensée qui s'est formée dans un cadre historique, sociopolitique, idéologique particulier) et introduire la richesse de plusieurs traditions intellectuelles?

© Natalia Bichurina

---

¹⁰ Ainsi, en 2017, lors de la clôture d'un colloque à Rio dédié à ce sujet, un chercheur mexicain déplorait le fait que les participants venaient majoritairement de ce fameux «Global South», mais se servaient, pour parler d'eux-mêmes, de concepts issus du «Global North».

¹¹ <https://www.mesopinions.com/petition/art-culture/manifeste-reconnaissance-principe-diversite-linguistique-culturelle/63600> (publié en avril 2019).

¹² Sériot 1999 [2012: 14].

¹³ *Ibid.*: 290.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

- SÉRIOT P., 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- БОРОДИНА М.А., 1982: «Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции)», in *Вопросы языкознания*, 1982, 5: 29-38. [Dialectes ou langues régionales? Sur le problème de la situation linguistique de la France contemporaine]
- ЖИРМУНСКИЙ В.М., 1956: *Немецкая диалектология*. Москва – Ленинград, Издательство Академии наук СССР. [Dialectologie allemande]

Наталья Бичурина
Лозаннский университет

**Ученый-путешественник:
«дух места» и формирование лингвистических знаний**

Аннотация:

Дух места – понятие, предложенное П. Серио двадцать лет назад в книге *Структура и целостность*, – приобретает сегодня новое значение: несмотря на возросшую академическую мобильность и обмены между исследователями, ставшие более интенсивными, чем прежде (благодаря новым технологиям), является ли наука столь же «глобальной», как кажется? В этой статье мы рассмотрим, как в изменившемся контексте настоящего времени *дух места* может влиять на научный анализ, в данном случае – на анализ (социо-)лингвистический, когда контекст высказываний определяет выбор научных парадигм.

Ключевые слова: эпистемология лингвистики, академическая мобильность, языковые меньшинства, «дух места»

Natalia Bichurina
University of Lausanne

**The researcher and the traversal of borders:
“air du lieu” in the production of linguistic knowledge**

Abstract:

The notion of *air du lieu* (the ‘spirit of the place’), proposed by P. Sériot twenty years ago in *Structure and the Whole*, has acquired a new importance today. Despite developments in academic mobility and contact between the researchers, which new technologies have made more intensive than before, the question remains: is science as global as it seems to be? In this article, we explore the ways in which, in this new context, the *air du lieu* can influence scientific analysis, in this case (socio)linguistic, when the context of enunciation determines the choice of scientific paradigms mobilized to study it.

Keywords: epistemology of linguistics, academic mobility, linguistic minorities, *air du lieu*

À propos de la phonologie dans *Structure et totalité*

Roger COMTET
Université de Toulouse – Jean Jaurès

Résumé:

Dans *Structure et totalité*, la phonologie est omniprésente puisque, plus encore que l'absence de polytonie, elle est à la base de l'ambitieuse union de langues eurasiennes échafaudée par Jakobson en accord avec Trubeckoj. Patrick Sériot montre bien que cette phonologie est en fait, dans le cas présent, une phonétique. On se propose ici d'en suggérer plusieurs explications, que ce soit dans l'environnement traditionnel de l'université de Moscou, où prédominaient les études de phonétique expérimentale à l'époque où Jakobson y faisait ses études; ou encore dans la proximité de Jakobson avec le futurisme en poésie qui privilégiait l'aspect brut, phonétique, du langage, sans oublier les besoins de la démonstration eurasiiste.

Mots-clés: N.S. Trubeckoj, R.O. Jakobson, F.F. Fortunatov, phonologie, phonétique, eurasiisme, union de langues, futurisme, V.V. Xlebnikov

La phonologie est la science structurale par excellence, en ce qu'elle est une *relationnalisation des éléments substantiels*: les sons n'y entrent qu'à condition de se définir chacun de n'être pas ce que les autres sont. Or Jakobson, qui a proclamé avoir «inventé le phonème»¹, fait en même temps l'inverse, en *substantialisant les éléments relationnels*, définis, qui plus est, par leur production articulaire et non par leur réception acoustique².

On doit bien reconnaître que cette union phonologique de langues ne peut fonctionner qu'à la condition que les éléments dont on parle relèvent de la phonétique et non de la phonologie. Ils ne peuvent être réunis dans un même ensemble qu'à condition d'être de même nature, d'une nature substantielle³.

La phonologie est le fil rouge qui nous guide dans la lecture de l'ouvrage de Patrick Sériot *Structure et totalité*. Car ce sont bien les considérations sur le trait pertinent de mollesse des consonnes, associé à l'absence de polytonie et extrapolé du russe aux langues partageant le même espace géographique, qui ont permis à Roman Osipovič Jakobson, suivi et inspiré en cela par Nikolaj Sergeevič Trubeckoj, de mettre au point sa théorie de l'union des langues eurasiennes en 1931⁴. Trubeckoj, qui avait introduit la notion générale d'union de langues ou *Sprachbund* dès 1923⁵, a longuement discuté avec Jakobson dans sa correspondance en 1929-1931 de cette thématique des consonnes dures-molles; et, une fois l'ouvrage paru, il écrit à Jakobson à la date du 8 juin 1931: «J'ai reçu votre brochure "Vers une description de l'union eurasiennne de langues". Elle est excellente. [...] le résultat est de très grande qualité non seulement dans son contenu, mais également dans sa forme»⁶. Et on sait que cette union de langues correspondait pour les deux linguistes au postulat de l'existence d'un vaste ensemble à la fois linguistique, spatial, géographique et socio-culturel qui englobait aussi bien l'espace russe que les contrées limitrophes, en particulier le monde turk. Cette conception est soumise à un examen critique approfondi par P. Sériot qui relève, entre autres, la contradiction entre la mise en évidence du phonème, défini par des critères strictement structuraux et fonctionnels, et la confusion entre phonème et son lorsque les unions de langue mêlent géographie et phonologie; cette confusion est d'autant plus surprenante que l'on considère Jakobson et Trubeckoj comme les pères fonda-

---

¹ Rapporté par C. Van Schooneveld.

² Sériot 1999 [2012: 104].

³ *Ibid.*: 107.

⁴ Якобсон 1931; voir aussi Jakobson 1938 et d'autres textes de 1929-1936 recensés dans Sériot 1997: 215-216.

⁵ Трубецкой 1923.

⁶ Sériot (éd.), 2006: 297.

teurs de la phonologie⁷ puisque c'est la célèbre Proposition 22 soumise au 1er Congrès international des linguistes à La Haye en avril 1928 par Jakobson, Sergej Osipovič Karcevskij et Trubeckoj qui est considérée comme l'acte de naissance de cette science⁸. Comment donc expliquer cette contradiction méthodologique? Nous suggérons deux réponses possibles et non exclusives: d'une part, les travaux des phonéticiens russes d'avant 1914, même si l'on peut souvent les considérer comme des pré-phonologues, et l'orientation antiphonologiste de l'école de Fortunatov à Moscou; et, d'autre part, la tendance persistante chez Jakobson à privilégier plus ou moins ouvertement l'approche phonétique des faits de langue, ce qui explique entre autres son attachement au futurisme. Remarquons au passage que cette démarche rejoignait curieusement celle de la linguistique soviétique, qui professait le substantialisme en s'opposant aux enseignements de Saussure⁹.

1. LA TRADITION DES PHONÉTICIENS RUSSES

Jakobson et Trubeckoj se sont formés à l'université de Moscou; Trubeckoj y a étudié de 1908 à 1915, inscrit dans la section de linguistique; en 1915, il y est nommé privat-docent et, entre temps, il a passé une année à Leipzig, la Mecque des néogrammairiens allemands, en 1913-1914. C'est le professeur Wiktor Porzeziński (1870-1929) qui dirige ses études en linguistique, cependant qu'il va collaborer à compter de 1912 avec le folkloriste Vsevolod Fedorovič Miller (1848-1913) pour ses recherches caucasiennes. Porzeziński était l'un des plus proches disciples de Filipp Fedorovič Fortunatov (1848-1914), le fondateur et le maître incontesté de l'école linguistique de Moscou, et on peut noter que Trubeckoj a accompli la majeure partie de ses études à Moscou du vivant de celui-ci qui devait décéder le 3 octobre 1914. La renommée de Fortunatov était telle qu'il attirait nombre d'étudiants étrangers dont beaucoup devinrent d'éminents linguistes dans leurs patries respectives. C'est ainsi que, même si Fortunatov nous a laissé peu d'écrits, son influence a été considérable et qu'il continue d'être révérend à Moscou¹⁰.

Jakobson, quant à lui, a étudié à l'université de Moscou de 1914 à 1920, en y ayant pour maîtres le même Vsevolod Fedorovič Miller et le linguiste Aleksej Aleksandrovič Šaxmatov (1864-1920), le plus fidèle élève de Fortunatov qui venait tout juste de disparaître quand Jakobson entra à l'université. Comme nous l'avons déjà signalé, la tradition de Fortunatov continuait de dominer toute la pensée des linguistes de Moscou, et c'est

⁷ Et même si le rôle des linguistes tchèques Vilém Mathesius, Bogumil Trnka et Josef Vachek, qui avaient constitué un groupe de travail dès 1925, gagnerait à être précisé (Mounin 1967 [1975: 143]).

⁸ Duchet 1981 [1998: 21].

⁹ Sériot 2010: 35-38.

¹⁰ En témoigne par exemple le recueil d'études sur le vieux slave et le vieux russe publié à Moscou en 1998 à l'occasion du 150ème anniversaire du savant (Гудков [отв. ред.], 1998).

dans cet environnement qu'étudia Jakobson, partagé entre linguistique et ethnologie.

La phonologie semble alors avoir été absente de ses préoccupations, cantonnée qu'elle était à Saint-Petersbourg autour de Jan Baudouin de Courtenay (1845-1924) et de son élève Lev Vladimirovič Ščerba (1880-1944), auteur du texte fondateur sur les voyelles russes paru en 1912¹¹. De fait, on peut noter que la phonologie de Ščerba avait encore bien du mal à se dégager de la phonétique en faisant confiance à la perception de l'auditeur pour repérer les phonèmes, conception à la fois acoustique et psychologique qui calquait celle de Baudouin; en effet, celui-ci, à Saint-Petersbourg, avait plus ou moins renoncé à ses intuitions premières de Kazan dans le domaine de la phonologie. D'ailleurs, plus tard, dans les années 1920, la phonologie pétersbourgeoise «subit une série de simplifications qui en firent une phonétique ordinaire simplement parée d'une terminologie phonologique»¹².

Quoi qu'il en soit, cette phonologie, même mâtinée de phonétique, était catégoriquement rejetée par les linguistes de Moscou qui s'en tenaient aux enseignements de linguistique historique de Fortunatov; éloquente à cet égard est l'anecdote que nous rapporte Jakobson sur ses années d'étude à Moscou: lorsqu'il avait fait viser par Dmitrij Nikolaevič Ušakov (1873-1942), l'un de ses maîtres, sa liste de lectures en linguistique, celui-ci, en y voyant mentionné l'ouvrage sur les voyelles de Ščerba, lui en avait vivement déconseillé la lecture¹³! Or c'est dans cet environnement antiphonologique que se sont formés initialement Trubeckoj et Jakobson. Par contre, tous les deux ont bénéficié de l'enseignement du fondateur de l'école de linguistique historique de Moscou qui était peut-être encore plus néogrammairien que les néogrammairiens eux-mêmes¹⁴. Trubeckoj dans ses reconstructions, comme celle du polabe, et Jakobson dans ses remarquables études de phonologie historique¹⁵ doivent certainement beaucoup à cet enseignement tout empreint de rigueur et d'érudition.

Cependant, dans le monde universitaire russe, c'est la phonétique générale qui était fort à la mode. Certes, depuis Lomonosov, de nombreux linguistes russes s'efforçaient de définir la spécificité des sons de leur langue, mais c'était toujours par rapport à des sortes de modèles ou archétypes généraux. Nikolaj Ivanovič Nadeždin (1804-1856) avait, le premier, défini, au milieu du XIXème siècle la matrice générale des voyelles avec un

---

¹¹ Щерба 1912.

¹² Панов 1967: 396.

¹³ Jakobson 1962: 631. Il a cependant été remarqué que, dans les discussions sur la réforme de l'orthographe initiées en 1904, Fortunatov recourait parfois à des arguments d'ordre phonologique, par exemple les positions forte-faible des voyelles pour définir leur graphie (Журавлев 1986: 9).

¹⁴ Citons ici Meillet: «Ce qui conduisait Fortunatov à ces hypothèses, c'est une foi profonde dans la régularité parfaite des développements linguistiques. Il représentait, à ce point de vue, le type le plus extrême de l'école linguistique qui s'est constituée vers 1875» (Meillet 1925: 43).

¹⁵ Jakobson 1931, article programmatique.

triangle de 5 voyelles cardinales selon des critères articulatoires faisant intervenir l'ouverture et le point d'articulation qui mettaient fin à une certaine confusion¹⁶. C'est à partir de ce schéma que la phonétique générale avait été à l'honneur en Russie, avec des stéréotypes de sons comme chez Bogorodickij¹⁷. Dans tous les cas, on traitait de sons définis par eux-mêmes et non dans des rapports systémiques avec les autres sons d'une langue donnée. Déjà, en 1893, Kruszewski avait parfaitement défini l'objet de cette phonétique générale qu'il désignait par le terme de *physiologie du son* [*fiziologija zvuka*]: «Cette branche de la science examine les sons et leurs variations du point de vue le plus général, et les systèmes auxquels elle aboutit peuvent être utilisés pour la déduction dans l'étude de la phonétique. L'idéal de la physiologie du son est un état dans lequel elle permettrait de fournir une base théorique à toutes les données empiriques de la phonétique»¹⁸.

Cependant, l'école de Fortunatov était clairement antiphonologiste et s'en tenait à des conceptions phonétiques dans l'étude des sons; effectivement, les linguistes de Moscou se signalaient par un parti pris phonétique dans l'étude de la langue avec leur passion pour la phonétique expérimentale; il suffit de citer le même Ušakov, obsédé d'orthoépie, ou Fedor Evgen'evič Korš (1843-1915), Roman Fedorovič Brandt (1853-1920) et surtout Šaxmatov¹⁹. Bien du chemin restait donc à parcourir avant que ne se constitue l'école de phonologie de Moscou dans les années 1930! Quant à Jakobson, comme nous l'avons déjà signalé, ce sont surtout les conceptions de Fortunatov sur l'histoire de la langue qui l'ont durablement influencé dans tous ses travaux philologiques, bien plus que les rares intuitions phonologiques que l'on peut trouver chez le maître²⁰. Il est donc probable que le tropisme phonétique de Jakobson, tel qu'il se manifeste à propos des alliances de langues, ait été préparé par son environnement universitaire à Moscou.

---

¹⁶ Панов 1967: 360. Panov ne précise pas ses sources, mais on peut penser qu'il s'agit du texte publié en allemand en 1841 (Nadeschdin 1841: 216-217).

¹⁷ Comtet 2019.

¹⁸ Крушевский 1893: 43.

¹⁹ Référons-nous à la description des sons dans l'*Essai de la langue littéraire russe contemporaine*, paru pour la première fois en 1913, qui distingue 22 voyelles définies par des critères uniquement phonétiques (articulation) et le rapprochement avec des sons voisins d'autres langues, donc hors système (Шахматов 1913 [1925: 55-56]).

²⁰ Koerner 1997: 166-167. L'idée d'alliance de langues se trouvait déjà chez Fortunatov (Bocadorova 2000: 138). Jakobson évoquait aussi «la notion de *système*, si nettement mise en relief par F. de Saussure et Fortunatov» (Jakobson 1929 [1962b: 104]).

2. LE PHONÉTISME INTRINSÈQUE DE JAKOBSON

Le phonétisme va se manifester clairement dans la période américaine qui voit naître la seconde phonologie jakobsonienne et qui «semble épanouir toutes les tendances propres à Jakobson»²¹. Il va effectivement pencher définitivement vers la phonétique avec sa théorie «phonologique» élaborée aux États-Unis avec Gunnar Fant et Morris Halle dans les années 1950²²; toutes les oppositions phonologiques possibles y sont réduites à douze oppositions de traits phonétiques de base (acoustiques) et le phonème est réduit à un faisceau de propriétés distinctives; il est ici hautement significatif que, face aux critiques, Halle ait admis, comme le rapportait Georges Mounin, «que cette table est une hypothèse de travail plus *commode* que les descriptions phonétiques traditionnelles»²³. De fait, c'est une hypothèse que Jakobson envisageait depuis longtemps; dès le IIIe Congrès des sciences phonétiques tenu à Gand en 1938, il promeut l'utilisation de critères acoustiques pour définir les qualités phonologiques des consonnes²⁴. Et on le voit affirmer dans son compte rendu de la *Phonologie* de Nikolaas Van Wijk (ancien élève de Fortunatov) rédigé en 1939:

Le phonème forme une unité (à savoir la plus petite unité phonologique à deux axes – celui des simultanités et celui des successivités), mais c'est une *unité complexe*: le phonème se décompose en propriétés distinctives. En partant de ces dernières comme *éléments irréductibles*, on analyse leurs rapports, on aboutit ainsi à un classement des oppositions très simple et on réduit le système phonologique à un nombre très restreint d'oppositions binaires²⁵.

Et Georges Mounin d'opposer ici Trubeckoj à Jakobson, avec la «solidité construite des *Principes*»²⁶.

Trubeckoj affirmait effectivement avec force la nécessité de bien distinguer entre phonétique et phonologie et il critiquait les linguistes qui ne respectaient pas cette règle: «Mais il y a également des linguistes qui reconnaissent bien la distinction entre parole et langue et même la distinction entre les oppositions phoniques qui différencient des significations et celles qui n'en différencient pas – mais qui cependant ne veulent pas séparer la phonologie de la phonétique»²⁷. Et pourtant, Trubeckoj était à l'unisson de Jakobson dans sa théorie des unions phonologiques de langues, comme le relève P. Sériot²⁸; en 1930, peu avant que ne paraisse l'étude de Jakobson

²¹ Mounin 1967 [1975: 143].

²² Jakobson, Fant, Halle 1952.

²³ Mounin 1967 [1975: 144].

²⁴ Jakobson 1939.

²⁵ Jakobson 1939 [1962]. Ce texte, inédit jusqu'en 1962, rend compte de la *Phonologie* de Van Wijk (Van Wijk 1939).

²⁶ Mounin 1967 [1975: 143].

²⁷ Troubetzkoy 1939 [1976: 6-7].

²⁸ Sériot (éd.), 1996: 224.

sur l'union de langues eurasiennes, il présente au cercle linguistique de Prague une communication intitulée «Phonologie et géographie linguistique» qui va tout à fait dans le même sens; on peut y lire en effet: «Certains phénomènes phonologiques se répartissent de telle sorte qu'ils apparaissent dans plusieurs langues non apparentées, mais géographiquement voisines, ou à l'inverse manquent dans des domaines géographiques plus grands occupés par différentes langues»²⁹. Et les futurs *Principes de phonologie* se référeront à l'étude de Jakobson³⁰. Ne faut-il pas voir là une adaptation de la science phonologique aux besoins de l'idéologie eurasienne, exemple, comme le disait P. Sériot, dans ce cas particulier, du «lien inextricable entre science et idéologie»³¹? Dans tous les cas, la future école de phonologie de Moscou s'en tiendra à une hiérarchie exactement inverse: «Les différences acoustiques des consonnes dépendent des différences de leur production par les organes de la phonation»³². Ce qui nous amenait à nous interroger: «N'était-ce pas là d'emblée affirmer la primauté de l'activité productrice de l'émetteur sur la passivité du récepteur? de la phonologie sur la phonétique?»³³

Il est cependant une autre source possible du phonétisme de Jakobson, c'est sa fascination pour la poésie russe, plus précisément celle du futurisme. On sait qu'étudiant, il fréquentait assidument l'*avant-garde russe*; cette symbiose entre la jeunesse étudiante et les poètes et artistes d'avant-garde était caractéristique de l'époque et on l'observait à la même époque à Saint-Petersbourg autour de l'OPOJAZ. Dans ses souvenirs relatifs à ses années d'adolescent et d'étudiant, Jakobson rappelle qu'après avoir été séduit par les poètes et théoriciens symbolistes, il a été fasciné à partir de 1912-1913 par les poètes futuristes, avant tout par Velimir Xlebnikov qu'il a toujours considéré comme «le plus grand poète de notre siècle»³⁴ et avec lequel il eut des échanges suivis. On sait qu'il s'essaya même à composer en 1914 des poésies futuristes sous le pseudonyme d'Aljagrov, à une époque où est de mode la figure emblématique de «l'étudiant philologue-poète»³⁵.

L'hypothèse que le futurisme aurait pu servir de matrice à la future phonologie est couramment soutenue, à en juger par le contenu des discussions d'alors entre Jakobson et Xlebnikov³⁶. Mais de quelle phonologie s'agissait-il alors? Dès son arrivée à Prague le 10 juillet 1920, Jakobson traduit des poésies de Xlebnikov; et, l'année suivante, il consacre au futurisme son premier ouvrage: *La toute nouvelle poésie russe (Esquisse pre-*

---

²⁹ Troubetzkoy 1931 [1939 (1976: 349)].

³⁰ Troubetzkoy 1939 [1976: 145]; voir aussi Troubetzkoy 1936 [1939].

³¹ Sériot 1997: 213.

³² Аванесов, Сидоров 1945: 28.

³³ Comtet 1995: 195.

³⁴ Jakobson 1986: 25.

³⁵ Depretto 2000 [2009: 52].

³⁶ Gasparov 1997.

mière). *Approches de Xlebnikov*³⁷. Dans sa conclusion, Jakobson privilégie le matériau phonétique du langage poétique, le son brut, au détriment du sens: «On peut fréquemment observer, dans l’histoire de la poésie de tous les temps et de tous les peuples, que pour le poète, selon l’expression de Tred’jakovskij, “seul importe le son”. Le langage poétique tend, à la limite, vers le mot phonétique ou, plus exactement, (dans la mesure où la visée en question est présente), euphonique, vers le discours transmental»³⁸. À l’opposé, à la même époque, d’autres théoriciens de la langue poétique comme Viktor Maksimovič Žirmunskij (1891-1971) soutenaient qu’en poésie le sens et le son étaient indissociables³⁹. On réalise donc que déjà Jakobson tendait à privilégier une approche phonétique des sons de la langue; cette tendance ne fera ensuite que se confirmer au-delà de la langue poétique pour embrasser l’ensemble des phénomènes langagiers et la future union de langues eurasiennne basée sur des critères avant tout phonétiques.

© Roger Comtet

---

³⁷ Якобсон 1921.

³⁸ Jakobson 1921 [1979: 354].

³⁹ Comtet 2017.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

- BOCADOROVA N., 2000: «Les savants russes et leurs écoles», in Auroux S. (éd.), *Histoire des idées linguistiques*, t. 3. Sprimont, Mardaga: 127-138.
- COMTET R., 1995: «L'école phonologique de Leningrad et l'école phonologique de Moscou», in *Histoire Épistémologie Langage*, 1995, XVIII (2): 183-209.
- , 2017: «Viktor Maksimovič Žirmunskij (1891-1971): les années 1914-1924», in *Revue des études slaves*, 2017, 88 (3): 409-472.
- , 2019: «Vasilij Aleksejevič Bogorodickij et la phonologie», in Морэ С., де Ля Фортель А. (сост.), *История лингвистики, история идей. Фестиуифт в честь Патрика Серюо*. Москва, ОГИ: 97-128.
- DEPRETTO C., 2000 [2009]: «L'université de Saint-Petersbourg et l'Âge d'argent», in Depretto C. *Le formalisme en Russie*. Paris, Institut d'études slaves, 2009: 45-55.
- DUCHET J.-L., 1981 [1998]: *La phonologie*. Paris, Presses universitaires de France, 1998 [Que sais-je? 1875].
- GADET F., SÉRIOT P. (éds), 1997: *Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1929* [*Cahiers de l'ILSL*, 1997, 9].
- GASPAROV B., 1997: «Futurism and phonology: Futurist roots of Jakobson's approach to language», in Gadet, Sériot (éds), 1997: 109-129.
- JAKOBSON R.O., 1921 [1979]: «Новейшая русская поэзия. Набросок первый: Подступы к Хлебникову», in Jakobson R. *Selected Writings*, vol. V: *On Verse, Its Masters and Explorers*. The Hague – Paris – New York, Mouton Publishers, 1979: 299-354. [La toute nouvelle poésie russe. Esquisse première: Approches de Xlebnikov]
- , 1929 [1962]: «Remarques sur l'évolution phonologique du russe», in Jakobson 1962b: 7-116.
- , 1931: «Prinzipien der historischen Phonologie», in *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, t. IV: 247-267.
- , 1938: «Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues», in Hjelmslev L. et al. (éds), *Actes du quatrième congrès international des linguistes* (Copenhague, 27 août – 1er septembre 1936), København, Munksgaard: 48-58.
- , 1939: «Observations sur le classement phonologique des consonnes», in Blanquert E., Pée W. (eds.), *Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences Held at the University of Ghent. 18-22 July 1938*. Ghent, Laboratory of Phonetics of the University: 34-41.
- , 1939 [1962]: «Un manuel de phonologie générale», in Jakobson 1962b: 315-316.
- , 1962a: «Retrospect», in Jakobson 1962b: 631-658.
- , 1962b: *Selected Writings*, vol. I: *Phonological Studies*. The Hague, Mouton & Co. – 'S-Gravenhage.

- , 1986: «Réponses», in Todorov T. (éd.), *Roman Jakobson. Russie, folie, poésie*. Paris, Le Seuil: 19-47.
- JAKOBSON R., FANT G., HALLE M., 1952: *Preliminaries to Speech Analysis. The Distinctive Features and Their Correlates*. Cambridge Mass., Massachusetts Institute of Technology. Acoustic Laboratory.
- KOERNER E.F.K., 1997: «Remarks on the sources of R. Jakobson's linguistic inspiration», in Gadet, Sériot (éds), 1997: 159-176.
- MEILLET A., 1925: «[compte rendu de] F. Fortunatov. *Kratkij očerk sravnitel'noj fonetiki indoevropskix jazykov. Peterburg, 1922*», in *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1925, 25: 44-45.
- MOUNIN G., 1967 [1975]: *La linguistique du XXe siècle*. Paris, Presses universitaires de France, 1975.
- NADESCHDIN N., 1841: «Mundarten der russischen Sprache», in *Jahrbücher der Literatur*, 1841, 95 (Juli-August-September): 181-240.
- SÉRIOT P., 1997: «Des éléments systémiques qui sautent les barrières des systèmes», in Gadet, Sériot (éds), 1997: 213-236.
- , 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- , 2010: *Les langues ne sont pas des choses. Discours sur la langue et souffrance identitaire en Europe centrale et orientale*. Paris, Éditions Petra.
- (éd.), 1996: *N.S. Troubetzkoy. L'Europe et l'humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques*. Sprimont, Mardaga.
- (éd.), 2006: *N.S. Troubetzkoy. Correspondance avec Roman Jakobson et autres écrits*. Lausanne, Payot.
- TROUBETZKOY N.S., 1931 [1939 (1976)]: «Phonologie et géographie linguistique», in Troubetzkoy 1939 [1976]: 343-350.
- , 1936 [1939]: «Gedanken über das Indogermanenproblem», in *Acta Linguistica*, 1939, I (2): 81-89.
- , 1939 [1976]: *Principes de phonologie*. Paris, Klincksieck, 1976.
- VAN WIJK N., 1939: *Phonologie, een hoofdstuk uit de structurele taalwetenschap*. La Haye, Martinus Nijhoff.
- АВАНЕСОВ Р.И., СИДОРОВ В.Н., 1945: *Очерк грамматики русского литературного языка*, ч. I: *Фонетика и морфология*. Москва, Государственное учебно-педагогическое Издательство Наркомпроца СССР. [Esquisse de grammaire de la langue littéraire russe, vol. I: Phonétique et morphologie]
- ГУДКОВ В.П. (отв. ред.), 1998: *Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф.Ф. Fortunatova*. Москва, Диалог-МГУ. [Recueil philologique international pour commémorer le 150ème anniversaire de F.F. Fortunatov]
- ЖУРАВЛЕВ В.К., 1986: *Диахроническая фонология*. Москва, Наука. [Phonologie diachronique]
- КРУШЕВСКИЙ Н.В., 1893: *Очерки по языковедению. А. Антропфоника*, отдельный оттиск издания *Русский филологический вестник*, Варшава. [Esquisses de linguistique. A. Anthropophonétique]

-
- ПАНОВ М.В., 1967: *Русская фонетика*. Москва, Просвещение. [Phonétique russe]
  - ТРУБЕЦКОЙ Н.С., 1923: «Вавилонская башня и смешение языков», in *Евразийский временник*, 1923, III: 107-124. [La tour de Babel et la confusion des langues]
  - ШАХМАТОВ А.А., 1913 [1925]: *Очерк современного русского языка*. Ленинград, Государственное издательство, 1925. [Esquisse de la langue littéraire russe contemporaine]
  - ЩЕРБА Л.В., 1912: *Русские гласные в качественном и количественном отношении*. Санкт-Петербург, Ю.Н. Эрлих. [Les voyelles russes du point de vue de la qualité et de la quantité]
  - ЯКОБСОН Р.О., 1921: *Новейшая русская поэзия (Набросок первый)*. Подступы к Хлебникову. Прага, Типография Политика. [La toute nouvelle poésie russe (Esquisse première). Approches de Xlebnikov]
  - , 1931: *К характеристике евразийского языкового союза*. Париж, Издательство евразийцев. [Pour une caractérisation de l'union des langues eurasiennes]

Роже Комте

Университет Тулузы – Жан Жорес

О фонологии в *Структуре и целостности*

Аннотация:

В *Структуре и целостности* о фонологии речь заходит постоянно: даже в большей степени, чем отсутствие политонии, она лежит в основе амбициозной концепции евразийского языкового союза, разработанной Якобсоном вместе с Трубецким. Патрик Серио показывает, что фонология эта в данном случае оказывается фонетикой. В статье этому предлагается несколько объяснений, как то: традиционная среда Московского университета, где экспериментальные фонетические исследования преобладали в то время, когда там учился Якобсон; близость Якобсона в поэзии к футуризму, который отдавал предпочтение «грубому» фонетическому аспекту языка; необходимость «доказательств» существования Евразии.

Ключевые слова: Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, Ф.Ф. Фортунатов, фонология, фонетика, евразийство, языковой союз, футуризм, В.В. Хлебников

Roger Comtet

University of Toulouse – Jean Jaurès

About phonology in *Structure and the Whole*

Abstract:

In Patrick Sériot's *Structure and the Whole*, phonology is omnipresent since, even more than the absence of polytony, it is at the basis of the ambitious Eurasian language union that Jakobson set up in agreement with Trubeckoj. Sériot shows that this phonology is actually, in this case, phonetics. Several explanations are proposed here, whether in the traditional environment of the University of Moscow, where experimental phonetic studies predominated at the time when Jakobson studied there – or in Jakobson's proximity to Futurism in poetry, which privileged the crude, phonetic aspect of language without neglecting the needs of the Eurasian demonstration.

Keywords: N.S. Trubeckoj, R.O. Jakobson, F.F. Fortunatov, phonology, phonetics, Eurasianism, *Sprachbund*, futurism, V.V. Xlebnikov

Скрытая история структурализма: между «метафорой организма» и «точкой зрения»

Сергей ЧУГУННИКОВ
Университет Бургундии

Аннотация:

Реконструкция «скрытой», «неизвестной» истории структурализма, осуществленная Патриком Серио, приводит к выводам о важности сравнительного анализа историко-эпистемологических контекстов русской и немецкоязычной науки, равно как и о решающей роли эпистемы девятнадцатого века в последующих теоретических построениях языкознания. Отсюда вытекает идея о двух структурализах, о двух моделях формальной или структуральной ориентации. Объектом первого является форма или структура как логическая организация и выражение определенной «точки зрения», объектом второго является форма или структура как выражение. В основе этого разделения лежат столь характерные для немецкой морфологической традиции дискуссии об органической и механической форме, о принципах органического и механического формообразования. Именно они определили эстетику немецкого классицизма и немецкого романтизма. Органическая модель и след немецкой натурфилософии в основании русского структурализма позволяют распространить этот сравнительно-генеалогический подход на весь корпус русского формализма и конкретизировать идею романтической генеалогии русского формализма. Реконструкция П. Серио позволила приложить генетический и исторический подход к запальчиво отрицавшим само его существование формализму и структурализму, тем самым превратив их в то, чем оба они по сути являются – в исторические и эпистемологические объекты.

Ключевые слова: формализм, структурализм, органическая метафора, немецкий романтизм, родство, внутренняя форма

Tout n'a pas été dit sur le structuralisme. Des pans entiers de l'histoire de son émergence et de ses origines intellectuelles restent en attente d'investigation. En particulier, le fait qu'une large part de cette histoire se soit déroulée en Europe centrale et orientale dans l'entre-deux-guerres reste largement méconnu dans le monde francophone. C'est à reconstituer cette histoire ignorée, occultée, qu'est consacré ce livre¹.

«ЕЩЕ НЕ ВСЕ БЫЛО СКАЗАНО О СТРУКТУРАЛИЗМЕ...»

Исходя из убеждения, что «еще не все было сказано о структурализме», книга Патрика Серио ставила перед собой задачу реконструировать «скрытую», «неизвестную» историю структурализма: историю его интеллектуальных истоков. Это исследование утверждает наличие радикального различия между «онтологическим структурализмом», в основание которого Николай Трубецкой и Роман Якобсон положили метафору организма, и структурализмом, основанным на понятии оппозиций и негативных определений системообразующих элементов, как он был концептуализирован в западной эпистемологической традиции. Речь идет о двух эпистемологических проектах, первый из которых отсылает к идее «скрытого порядка», собственного самой реальности, а второй – к понятию модели, сконструированной на основе определенной «точки зрения»².

Эта книга – приглашение к путешествию, к нисхождению в палеонтологические отложения дискурса о языке. Так же, как палеонтология датирует отложения через окаменелости, которые содержат эти слои, так же и П. Серио изучает напластования русского / советского дискурса о языке, исходя из анализа находящихся в нем концептуальных окаменелостей.

Одна из главных идей этого исследования состоит в том, что, согласно автору, в русско-советском контексте существует гипертрофированное отношение к языку и языковой деятельности [*langage*], и именно оно определяет некоторые специфические черты, свойственные русскоязычной научной культуре. В центре анализа находится научный дискурс «отцов-основателей структурализма» – Трубецкого и Якобсона, – характерный для периода их участия в идеологическом движении евразийства. Среди идейных источников евразийства П. Серио выявляет органическую модель немецкой натурфилософии; вслед за понятием номогенеза или ориентированной эволюции, предложенным советским биологом Львом Бергом в двадцатые годы прошлого века, объект анализа переносится из области лингвистики в область биологии. Биологическая литература о происхождении видов, где организм понимается в романтической традиции как переход от формы к структуре через функциональную роль органов, заполняет «новую полку идеальной библиотеки рождающегося структурализ-

¹ Sériot 1999a, quatrième de couverture.

² *Ibid.*: 312-313.

ма»³. Читатель переносится в романτικο-органическую атмосферу «избирательного сродства». Действительно, именно этот роман Гете, один из источников теоретического вдохновения Якобсона, содержит ключи ко многим положениям его теории языка и литературы. Логика «избирательного сродства» ведет от алхимии к химии и далее, посредством «симпатии», понимаемой как «выраженная тенденция к объединению», в область лингвистики, к понятию языкового союза [*Sprachbund*], сформулированному Трубецким и Якобсоном в тридцатые годы.

Именно анализ этого понятия и его роли в конструировании «новой русской науки» фонологии составляет содержательное ядро книги. П. Серию соотносит генезис фонологической рефлексии с евразийским «монгольским энтузиазмом» и идеалом «прекрасной целостности» евразийцев. В евразийской среде культ Чингисхана и презрение к парламентарной демократии смешиваются с поиском органической целостности, утраченной русским народом вследствие насильственной европеизации страны Петром Великим⁴, равно как и с географической идеологией, ведущей к «ареальной концепции культуры»⁵. Так, евразийская лингвистика приходит к вопросу об «органических» и «механических» границах языковых систем. Согласно этой концепции, «несколько неродственных языковых семей, распространенных на общей географической и историко-культурной территории», объединяются совокупностью общих черт и образуют «языковой союз»⁶. Позднее Якобсон определил существенные черты «сродства», в соответствии с которыми объединяются все существующие в евразийском пространстве языки – корреляция по мягкости согласных и отсутствие политонии⁷. Исходя из этих «надсистемных» черт, которые, по образу «масляных пятен», распространяются за пределами систем⁸, Якобсон вводит понятие сродства, являющееся аргументом в споре между врожденными и приобретенными чертами⁹. Якобсон описывает «сродство» как «результат конвергентной эволюции», именно механизм конвергенции является для него главной проблемой «сравнения смежных языков»¹⁰. В русском структурализме ключевыми понятиями являются понятия общих приобретенных черт и конвергенции, этот последний термин понимается как «процесс интеграции языковых явлений и как совместное приобретение новых характерных черт»¹¹.

---

³ *Ibid.*: 193.

⁴ *Ibid.*: 64.

⁵ *Ibid.*: 51.

⁶ *Ibid.*: 86.

⁷ *Ibid.*: 90.

⁸ *Ibid.*: 94.

⁹ *Ibid.*: 101.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.*: 102.

Согласно принципам палеонтологии, сохраняются только твердые фрагменты органических существ (например, кости, роговые покровы), мягкие части исчезают. Книга П. Серио анализирует именно «твердые фрагменты» русского / советского дискурса о языке и литературе, «окаменелые» дискурсивные конфигурации, настойчиво воспроизводимые в изучаемом им корпусе. Изучая «окаменелости» в анатомии определенного типа дискурса, это исследование ставит перед собой задачу установить его «мускульные центры» – определить, какой «мускул» является ответственным за определенный тип движения. Именно органическая метафора с ее телеологическими и холистическими составляющими является «мускулом», приводящим в движение русский дискурс о языке. В палеонтологии фактор среды (тина, песок, слой воды) обусловливают процесс фоссилизации, сохраняя твердые части организма. Именно среда, в которой артикулировались изучаемые концепты, «фактор времени» и «фактор места», составляет главный сюжет этой книги, внимательной к концептуальным и культурным границам «самобытного» дискурса о языке и литературе, дискурса, вписанного в «большое время» национальной научной традиции.

УРОКИ КОНВЕРГЕНЦИИ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПАРАДИГМ

Исследование П. Серио неустанно подчеркивает важность сравнительного анализа историко-эпистемологических контекстов русской и немецкоязычной науки, равно как и важность эпистемы девятнадцатого века в последующих теоретических построениях. Именно сравнительная эпистемология позволяет выявить важнейшие линии развития русской – и шире, европейской теории прошлого века, равно как и ее генетическую связь с теоретическими построениями предшествующего столетия.

В своей реконструкции истории понятия родства у Якобсона П. Серио подчеркивает, что именно конвергентная перспектива в эволюции систем определяет теоретическое мышление Якобсона. В русском структуральном проекте конвергенция является ключевым понятием, она понимается как процесс интеграции отдельных явлений в систему, как модель параллельного развития и как совместное приобретение новых характерных черт. П. Серио указывает, что антикаузальное понятие родства, генетически связанное с биологическими дискуссиями о конвергенции и миметизме, имеет своим объектом некую глубинную и тайную реальность, которая предшествует любому анализу. Прагматика этого понятия состоит в соединении разрозненных рядов явлений. Данный объект исследования составляет часть самой реальности, этот объект предполагает особый тип исследователя, особо чувствительного к соответствиям телеологического типа.

В основание своего объекта Якобсон кладет геометрические отношения между центром и периферией, он выстраивает эти отноше-

ния в соответствии с принципом удвоенной симметрии. П. Серию видит в этом геометрическом эмпиризме Якобсона наследие немецкой натурфилософской традиции. Именно эта традиция обосновала необходимость приписать смысл геометрическим отношениям, чтобы привести к геометрической онтологии исследовательского объекта. В языковедении Якобсона симметрия предстает как упорядочивающий принцип, как принцип гармонизации мира. Идея конвергенции в якобсоновской теории языка обычно сочетается с телеологическими убеждениями, которые обуславливают его интерес к понятию цели или внутренней тенденции языковых и литературных явлений.

В этом контексте Якобсон описывает языковое заимствование как особый случай гибридизации. Для него отсылка к заимствованию не может исчерпывающе объяснить факт, имеющий место в жизни языковой системы. Якобсон рассматривает случай заимствования как чисто подражательный (в качестве примера он приводит аканье юго-западных белорусских говоров¹²). Иногда Якобсон соотносит конвергенцию с «заражением», а также с явлением биологического миметизма¹³. Так, Якобсон утверждает, что анализ фонологической эволюции русских говоров двенадцатого и тринадцатого веков показывает доминирующий характер конвергентного развития и отсутствие всякого «фонологического сепаратизма»¹⁴. Или другой случай, когда Якобсон замечает по поводу заимствования фонемы и фонетических изменений в системе, что отношение диахронического закона к закону синхроническому может быть определено как отношение «средства» к полученному «результату». При этом термин *результат* оказывается аналогичен термину *цель*¹⁵. Здесь же Якобсон утверждает тенденциозную или телеологическую природу диахронических законов – в случае заимствования заимствующий язык пытается воспроизвести определенные особенности другого языка, это воспроизведение является следствием предрасположенности к другому языку. Якобсон видит здесь характерный пример языковой гибридизации и добавляет, что «гибридизация представляет собой синтез, а не механическую спайку»¹⁶. В своем исследовании фонологической эволюции русского языка Якобсон замечает, что «заражение» возможно без предрасположенности к конвергентной эволюции, что еще не дает основания противопоставлять «заражение» и «конвергенцию»¹⁷.

Якобсон не останавливается перед откровенно биологическими метафорами. Для него механизм заимствования и конвергенции в языке весьма напоминает явление миметизма в концепциях современной биологии. В обоих случаях факторы сходства с самого начала су-

¹² Jakobson 1929 [1962: 106-107].

¹³ *Ibid.*: 107.

¹⁴ *Ibid.*: 106.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Ibid.*: 107.

¹⁷ *Ibid.*

ществовали и у имитатора, и в имитируемой модели; для их проявления достаточно определенного импульса¹⁸. Якобсон ссылается также на «убедительную теорию биологов», согласно которой миметизм является особым случаем конвергенции. Наличие предрасположенности имитирующего говора к данному мутационному циклу позволяет ему усвоить измененную и более рациональную серию нововведений¹⁹.

В области поэтики Якобсон сближает понятия конвергенции, сродства и структуры поэтического текста. Для него всякая индивидуальная поэтическая система базируется на естественных внутренних тенденциях языковой системы. Якобсон подчеркивает роль индивидуальных инноваций, которые влияют на систему в том случае, если они соответствуют внутренним тенденциям системы²⁰. В частности, роль предшественника может играть один их функциональных типов или стилей языка, впоследствии форма подчиняет себе функцию, изначальная особенность стиля сообщается другим стилям.

По Якобсону, в случае заимствования и распространения индивидуальных языковых изменений существен не сам факт заимствования, но его функция с точки зрения заимствующей системы. Существенно то, что существует потребность в данных нововведениях, и что система принимает их как соответствующие возможностям и потребностям собственной эволюции. Роль индивидуальных «начинателей» состоит лишь в том, что они ускоряют филогенез: иными словами, онтогенез предшествует филогенезу²¹.

Конвергентная модель эволюции Якобсона типична для релятивистской и негенетической идеологии начала двадцатого века. Как и модель языка в советском марризме, она также является порождением антидетерминистской и антигенетической установки, одной из научных идеологий прошлого века. Якобсоновская модель эволюции и функционирования языковых и литературных систем остается релятивистской и негенетической, то есть основанной на несистематических критериях, превосходящих пределы закрытой языковой системы и, следовательно, ведущих к открытию систем.

ГЕРМАНСКИЙ СЛЕД В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Таким образом, можно говорить о двух моделях формальной или структуральной ориентации, или о двух структурализмах. Объектом первого является форма или структура как логическая организация и выражение определенной «точки зрения», объектом второго является форма или структура как выражение. Органическая метафора развива-

---

¹⁸ Jakobson 1973b: 48-50.

¹⁹ Jakobson 1929 [1962: 106-107].

²⁰ *Ibid.*: 108.

²¹ *Ibid.*

ет этот лейтмотив выразительной или выражающей формы – говоря языком русского формализма, она составляет его «мотивировку». В основе этого разделения лежат столь характерные для немецкой морфологической традиции дискуссии об органической и механической форме, о принципах органического и механического формообразования. Именно они определили эстетику немецкого классицизма и немецкого романтизма.

Действительно, выразительность формы может быть интерпретирована как указание на ее органичность или жизненность. Именно это качество составляет основу выразительного потенциала формы. Характерно германское понятие внутренней формы отсылает к потенциалу повышенной выразительности и пластичности данного объекта. Такая «выразительная форма», форма, понятая как выражение, противопоставит чисто логической форме, понимаемой как пропорциональная формула объекта.

Вопрос о «выразительной форме» возникает в немецкоязычном культурно-идеологическом контексте (позиции Лафатера, Гердера, Гете), позднее он приводит к расхожему противопоставлению «немецкой» выразительной и динамической формы (готика, барокко) классической статичной форме романских народов (на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков это положение активно обсуждается в немецкоязычной эстетике и литературоведении А. Риглем, Г. Вельфлином, В. Воррингером, О. Вальцелем и многими другими). Здесь уместно вспомнить указание П. Серию на германскую составляющую положения Валентина Волошинова и шире – на укорененность теорий Волошинова и «бахтинского кружка» в германоязычную культурную традицию; в историко-типологической перспективе П. Серию формулирует это обстоятельство как «Германия против Франции, отказ от Просвещения»²². П. Серию подчеркивает европейскую генеалогию идей Волошинова и других авторов так называемого «кружка Бахтина»²³.

В этом и состоит другой важный вклад книги П. Серию. Его исследование акцентирует и тематизирует германский след в русской интеллектуальной истории. Именно эта сравнительная русско-немецкая ориентация стала в последнее время ведущей в исследовательской работе в области эпистемологии и истории русской науки²⁴.

Действительно, именно сравнительный анализ историко-эпистемологических контекстов русской и немецкоязычной науки позволяют выявить важнейшие линии развития европейской теории двадцатого века, равно как и ее генетическую связь с теоретическими построениями девятнадцатого века.

---

²² Sériot 2010: 59-61.

²³ *Ibid.*: 93.

²⁴ См., например, Dmitriev 2002; Romand, Tchougounnikov 2008; 2009; 2010; Espagne 2009; 2010a; 2010b; Мэнье 2009; Tchougounnikov 2009.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ РУССКОГО ФОРМАЛИЗМА

Органическая модель и след немецкой натурфилософии в основании русского структурализма позволяют распространить этот сравнительно-генеалогический подход на весь корпус русского формализма. Случай Якобсона в этом смысле не только эмблематичен, но и весьма типичен для русского формалистического движения. Он является связующим звеном между теориями немецкого романтизма и русского формализма. Это теоретическое «средство» проявляется прежде всего в самом определении формы и в органической философии формообразования. Анализ, продолженный в перспективе этой сравнительной типологии, позволяет конкретизировать идею романтической генеалогии русского формализма.

Формалисты увековечили в истории русской литературы ситуацию борьбы между классицизмом и романтизмом, ситуацию, которую немецкоязычный эстетический формализм зафиксировал в терминах противостояния ренессанса и барокко. Литературная эволюция определяется отныне через борьбу двух формообразующих сил, представленных «одой» и «элегией», или же «романской» классической статичной формой и «германской» выразительной формой. Этот выбор ситуации естественен в той мере, в какой это противостояние обладает морфогенетическим потенциалом. Действительно, эта оппозиция проявляется в истории литературы как лаборатория жанров. Именно «жанромахия» этого пограничного периода дает формалистам – как в русском, так и в немецкоязычном контекстах – основную фигуру концепции «литературной» или «эстетической» эволюции: «борьба» как двигатель литературных поколений, скачкообразная смена литературных парадигм.

Формалистическое открытие расхождения «литературного генезиса» и «литературной эволюции» связано с анализом переходной «ситуации элегии». Эволюция воплощает внутреннее изменение, вытекающее из самой природы объекта. Другими словами, «литературная эволюция» является объектом «естественной истории» литературы, проект которой формулируют немецкие романтики и, в частности, А. Шлегель.

Весьма популярный в конце восемнадцатого века термин *естественная история* означал выделение и регистрацию важнейших стадий развития. Если просто «история» подразумевала фиксацию отдельных событий, независимых от некоей глубинной структуры, «естественная история» должна была обнажить фундаментальные структуры и показать необходимость или закон, в соответствии с которым один период следует за другим. Поэтому, по Шлегелю, «естественная история искусств» не может быть выведена из одного исторического опыта. Исторический опыт может объяснить лишь случайные события, в то время как «естественная история» должна сформулировать закон, управляющий сменой стадий. Но последовательность есте-

ственно-исторических этапов не исключительно «сукцессивна» или диахронна, явления «естественной истории» могут сосуществовать в «симультанности» или синхронии. «Естественная история» искусства должна установить необходимые источники искусства как в индивидуальной жизни, так и в окружающей индивида среде²⁵.

Смысл романтической поэтики состоит в синтезе или систематическом смешении жанров в рамках «универсальной романтической поэзии», которая в конце концов оказывается эквивалентной «Роману», этому «современному», «синтетическому» и «полифоническому» жанру. Несмотря на попытку историзации жанров, в частности, Ф. Шлегелем²⁶, романтизм сохраняет их натуралистическое видение. Меняется лишь пространство жанровых тенденций: у классиков они «живут» в природе и составляют ее часть; у романтиков они живут в истории и принадлежат области исторических фактов. Так романтизм предвосхищает формалистическое понятие литературного факта²⁷.

Натурализация жанров романтизмом отчетлива в их жанровой палеонтологии. Палеонтологична сама романтическая тенденция датировать литературное явление в соответствии с его морфологией. Для всех романтиков поэзия является «естественным», «первичным» жанром. Все другие жанры исторически развились из этого «примитивного» жанра. В этом смысле поэзия скрывает совокупность «рудиментарных органов» литературы и указывает на первичный источник литературных явлений.

Вопрос о «примитивности» фундаментален в морфологической рефлексии «классиков» и «романтиков». Тем самым предвосхищаются успехи эмбриологии (основной биогенетический закон Э. Геккеля, определяемый как воспроизведение филогенеза в онтогенезе). Романтическое понятие внутренней формы связано с этим палеонтологическим видением. Этимологический анализ предстает как способ преодоления дистанции между «наивной» и «сентиментальной» эпохами. Это – доступ к непосредственной, то есть до-языковой, «естественной» или «примитивной» поэзии. «Внутренняя форма» есть непосредственное выражение самого языка как системы, без посредства «внешних» эстетических приемов.

Корреляция между жанрами и языковыми средствами их выражения, предложенная Якобсоном²⁸, руководствуется принципами романтической философии. Так, референциальная функция эпической поэзии проявляется в ее обращении к местоимению третьего лица; лирическая поэзия первого лица обладает эмотивной функцией, а поэзия, оперирующая местоимением второго лица, маркирована конативной

---

²⁵ Цит. в: Barasch 1990: 173-175.

²⁶ См. Lacoüe-Labarthe, Nancy (éds), 1978: 88.

²⁷ Тынянов 1924 [1977].

²⁸ Якобсон 1960 [1975].

функцией²⁹. По Якобсону, переход от первого лица и настоящего времени к третьему лицу и прошедшему времени равнозначен переходу от лирики к эпосе. У Якобсона метафора становится доминантой поэзии, в то время как метонимия является доминантой прозы³⁰.

Якобсоновская оппозиция «поэзия – проза» обусловлена самой историей литературы³¹. Речь идет не столько о функциональном, сколько об историческом переходе, о смене литературных эпох. Неудивительно, что «поэтический» романтизм и символизм оказываются у Якобсона под знаком метафоры, а «прозаический» реализм – под знаком метонимии. Якобсон продолжает традицию немецкой идеалистической эстетики, начатой классицизмом, подхваченной романтизмом и нашедшей законченное выражение в *Эстетике* Гегеля (1837-1842). Доминирующий стиль в искусстве (музыка, драма, поэзия) отражает «возраст Духа», исторически материализовавшийся в морфологии искусств. История «эстетического Духа» выражается как ступени его последовательного освобождения от материи (например, переход от скульптуры к музыке). Это также снятие противоречия между объективными и субъективными полюсами развития духа: переход от эпоса к лирике и к драме означает переход от объективного духа к субъективному и, наконец, к объективно-субъективному.

Таким образом, «функциональный анализ» в русском формализме оказывается анализом «палеонтологическим». Формалистическая поэтика продолжает разрабатывать феноменологический мотив «становления Духа» в исторически ограниченных формах. Феноменология истории переопределяется формалистами в терминах «литературной эволюции». В гегелевской феноменологии история духа в искусстве выражается как прогресс в иерархии жанров. История является для Гегеля идеальным полем реконструкции становления духа, это пространство формальной стратификации его возрастов. Требование формалистов ввести диахроническое измерение в литературный и лингвистический анализ (против сосюрровской синхронии) обусловлено гегелевским принципом палеонтологической философии. История понимается как пространство становления и проявления литературного и языкового факта. Диахроническая систематика совпадает с областью феноменологии языка и литературы. История есть формальная материализация этапов их становления. Естественно поэтому, что история национального языка и национальной литературы оказывается историей «национального духа».

Именно романтики обосновали идею анонимности литературного процесса. Романтическая коллективная концепция творчества генетически связана с понятиями национального духа и психологии народов. Вместе с тем йенские романтики воплотили идею коллектив-

---

²⁹ Jakobson 1963: 219.

³⁰ Jakobson 1973a: 130.

³¹ Combe 1992: 118-120.

ной теории («син-философия», «син-поэзия» братьев Шлегелей). У формалистов первая тенденция выразилась в понятиях анонимной литературной эволюции, а вторая – в понятии кружковой семантики и в принципе теоретических писем, адресуемых друг другу членами ОПО-ЯЗА³².

Эта «кружковая семантика» имеет двойственный план: с одной стороны, это уровень выработки коллективного метаязыка новой поэтики, с другой стороны, это явление представляет собой объект изучения в классических работах ОПОЯЗА (работы Тынянова, посвященные архаистам-новаторам, сосредоточены именно на этой проблеме). Романтики и формалисты практикуют литературную критику как «мета-поэзию»: они исходят из идеи, что поэзия может быть объектом критического анализа лишь со стороны самой поэзии. Так, по Ф. Шлегелю, в области искусства суждение, само по себе не являющееся искусством, не может принадлежать его сфере³³. Так стирается граница между объектом и метаязыком его описания.

Возможность постулировать преемственность между поэтиками немецкого романтизма и русского формализма основывается на следующих пунктах:

1. Отказ от миметической традиции и переопределение «мимезиса» в терминах «поэзиса», то есть постулирование «поэтического мимезиса».
2. Утверждение имманентности литературы и языка, постулирование внутренних законов, управляющих эволюцией систем изнутри, то есть органическим образом.
3. Историзация и релятивизация понятий, относящихся к теории литературы: акцент на становлении системы, на динамических, то есть исторически изменчивых чертах художественных конструкций; привязка литературоведческих понятий (*жанр, прием, тематика*) к языковым средствам их выражения.
4. Замена в эволюционном (диахроническом) плане метафоры «организма» (романтики) понятием системы (формалисты). Тем не менее, обе концепции основываются на предпосылке релевантности диахронии для синхронного состояния системы и внутрисистемной телеологии. Это дает возможность постулировать сохранение органического субстрата в обеих концептуальных системах.
5. Перенос объекта исследования с графического уровня (буквы, письмо, изучение этимологии) на звуковой уровень (звук и фонема). Романтики и формалисты противопоставляют анализу материальных графических знаков анализ эволюции элементов в системе. Тем самым формалисты завершают в литературоведении и лингвистике переворот, начатый романтиками в области гуманитарных наук. Другими словами, речь идет о переходе от графемы к фонеме, от «визуальной филологии» [*Augenphilologie*] к «слуховой филологии» [*Ohrenphilologie*].

---

³² См. Tchougounnikov 2005b.

³³ Gorceix 1977: 9.

6. Бинарная или полярная модель теоретических конструкций, элементы которых взаимодействуют согласно принципу «изменения тона» [*Tonwechsele*], то есть трансмутации элементов (романтики) или «доминанты» (формалисты). Принцип дополнительности теоретических моделей, выражающийся в оппозициях типа «наивное» искусство – «сентиментальное» искусство; органическое – механическое (романтики); ритмический принцип – семантический принцип; одическая установка – элегическая установка; сюжетная проза – бессюжетная проза (формалисты).

7. В области классификации жанров оба течения характеризуются сходной двойственностью позиций: они сохраняют «классическое» аристотелевское видение жанровых доминант (ода – эллегия) как архетипических, надвременных тенденций (в морфологической поэтике это – позиция Ф. Шиллера и Г. Вельфлина). Смысл историоризации жанров у романтиков и у формалистов выражается в переносе этой универсальной тенденции из внеисторической перспективы в историю (привязка к месту и к эпохе). Это означает переход от «естественной» или «природной» концептуализации жанров к их «сентиментальному», «историческому» или «динамическому» определению. Статичная универсальность природы противопоставляется динамичной универсальности поэзии. Вместе с тем сохранение понятия возраста или эпохальности жанров приводит и у романтиков и у формалистов к их натурализации.

8. Выделение фрагмента как формы выражения «современной чувствительности», противопоставление фрагмента завершенным формам классицизма (романтики), принцип «монтажа» и «барочной детали» у формалистов.

9. Новый концепт литературной критики, знаменующий наступление «критической современности» (романтики и формалисты). Требование «саморефлексии» [*Selbst-Reflexion*], введение «мета-поэтического» измерения в литературное произведение. В обоих случаях (романтики и формалисты) эта фигура «саморефлексии» подчеркивает техническую, «изготовительную», «произвольную» природу литературного произведения. Это удвоение литературной продукции критической работой становится отличительной чертой этих двух «современных» – романтической и формалистической – литературных ситуаций.

10. «Ирония» (романтики) и «остранение» (формалисты) как основная характеристика литературного произведения; определение иронии (романтики) и пародии (формалисты) как универсального приема художественного творчества и литературной эволюции.

11. Обе поэтики основываются на идее «продуктивной гибридации». Это означает, что новое литературное явление описывается как эффект смешения (гибридации) предшествующих литературных элементов. У романтиков это – «смешение жанров»; у формалистов – концептуальные метафоры «младшей и старшей ветвей» литературной эволюции, «установки» «литературной жизни» как смешение внешней и им-

манентной серий. Взаимодействие литературных и языковых систем воспринимается под влиянием биологических и органических моделей как «продуктивный прием», ведущий к появлению новой системы.

12. Использование романтиками и формалистами терминологии из области точных и естественных наук, введение в поэтику теоретических моделей, разработанных в других дисциплинах. Оба проекта основываются на проективной и телеологической моделях, имеющих отношение к будущим состояниям литературной и языковой системы³⁴.

Историки немецкой литературы рассматривают классицизм и романтизм в Германии как две тенденции, представленные в исходной эллинистической модели. Классицизм абсолютизирует аполлонический (гармоничный) аспект древнегреческой цивилизации, в то время как романтизм абсолютизирует дионисийскую сторону греческого идеала. Эта двойственность была сформулирована в известном исследовании Ф. Ницше о рождении греческой трагедии. Ницше различает в греческом искусстве два универсальных вне-исторических начала, объединение которых лежит в основе греческой трагедии.

В этом контексте уместно напомнить, что современники называли формалистов «веселыми филологами» и что сами формалисты открыто хотели «танцевать наукой» (В. Шкловский) и создать «веселое» литературоведение. Таким образом, возможно рассматривать формалистическую релятивистскую доктрину как отголосок русского нищестанства и как продолжение «дионисийской» романтической линии в поэтике. Эта «динамическая» линия становления принадлежит антиномии «аполлонического» и «дионисийского» начал, важнейшей культурологической антиномии серебряного века русской поэзии. Формализм, как и романтизм, пытается моделировать «дионисийский» хаос приемами «аполлонического» метода.

КТО БОИТСЯ ИСТОРИИ ИДЕЙ?

Известно, что русские формалисты настойчиво противопоставляли «функцию» «генезису». В этом они видели особую характерную черту «современности» и актуальности своих собственных теорий. Некоторые исследователи формализма некритично восприняли это противопоставление как чисто методологическое, не замечая его идеологических составляющих. Между тем таковые имеются: так, Jakobson клеймит генетический подход как черту «провинциальной науки» и противопоставляет историзму телеологический аспект теоретических построений. Историзму и генетизму Jakobson противопоставляет «отношение языкового коллектива». Именно поэтому он замечает, что «в социологическом плане понятие класса давно уже заменило понятие

---

³⁴ См. Tchougounnikov 2005a.

касты; в национальном плане идея самоопределения вытеснила идею происхождения»³⁵.

Итак, формализм охотно афиширует и идеологизирует свои антигенетические и антиисторические позиции, представляя их как актуальные и соответствующие тенденциям «современной науки». Но что скрывается за этим страхом историзма и генетизма? Не простое ли недоверие или даже боязнь в отношении истории идей и любой сравнительной эпистемологии? В этом смысле – параллельно с критикой младограмматического историзма – формализм изобрел талантливый «прием»: это идеологизированное разграничение «генезиса» и «функции» позволило ему представить самого себя как случай теоретического спонтанного порождения вне связи с научными традициями как в России, так и за ее пределами. Это позволило ему также избежать в собственных исследованиях области истории идей и сравнительной эпистемологии. Это является одной из причин того, что эпистемологический и сравнительный анализ европейского формализма представляет собой достаточно недавнее направление в уже весьма обширной формалистической литературе. Русский формализм смог таким образом изобрести идеальную защиту от анализа собственного генезиса и собственной истории – именно поэтому историки и комментаторы формализма смогли долго замалчивать его немецкоязычные морфологические и психологические корни.

В этом нам также видится важность исследования П. Серио, который смог показать необходимость именно исторического и генетического подхода к явлению формализма и структурализма как единственно научной возможности понимания его смысла и исторической роли. Таким образом, реконструкция П. Серио позволила приложить генетический и исторический подход к запальчиво отрицавшим саму его возможность формализму и структурализму, тем самым превратив их в то, чем оба они по сути являются – в исторические и эпистемологические объекты.

© Сергей Чугунников

---

³⁵ Jakobson 1929 [1962: 108-109].

БИБЛИОГРАФИЯ

- МЭНЬЕ К., 2009: «Формальная эстетика Гербарта и ее отражение в русском формализме», in Дмитриева Е., Земский А., Эспань М. (отв. ред.), *Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия)*. Москва, ИМЛИ РАН: 55-76.
- ТЫНЯНОВ Ю.Н., 1924 [1977]: «Литературный факт», in Тынянов Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва, Наука, 1977: 255-270.
- ЯКОБСОН Р.О., 1960 [1975]: «Лингвистика и поэтика», in Басин Е.Я., Полякова М.Я. (ред.), *Структурализм: «за» и «против»*. Москва, Прогресс, 1975: 193-230.
- BARASCH M., 1990: *Modern Theories of Art*, vol. I: *From Winckelmann to Baudelaire*. New York – London, New York University Press.
- COMBE D., 1992: *Théories du genre*. Paris, Hachette.
- DMITRIEV A., 2002: «Le contexte européen (français et allemand) du formalisme russe», in *Cahiers du monde russe*, 2002, 43 (2/3): 423-440.
- ESPAGNE M., 2009: «Les sources allemandes des poétiques psychologiques en Russie du XIXe siècle: Veselovski, Buslaev, Jirmunski», in Romand D., Tchougounnikov S. (dir.), *Psychologie allemande et sciences humaines en Russie. Anatomie d'un transfert culturel (1860-1930)* [*Revue d'histoire des sciences humaines*, 2009, 21]: 55-68.
- , 2010a: «De la philologie allemande à l'anthropologie russe (1880-1920)», in Berelowitch W., Espagne M. (éds), *Sciences humaines et sociales en Russie à l'Âge d'argent: quelques figures de transferts* [*Cahiers du Monde russe*, 2010, 51 (4)]: 493-506.
- , 2010b: «Les racines allemandes du comparatisme de Propp et sa théorie du comique», in Espagne M. (éd.), *Transferts culturels et comparatisme en Russie* [*Slavica Occitania*, 2010, 30]: 77-94.
- GORCEIX P., 1977: *Les grandes étapes de l'histoire littéraire allemande*. Paris, Presses universitaires de France.
- JAKOBSON R., 1929 [1962]: «Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves», in Jakobson R. *Selected Writings*, vol. I: *Phonological Studies*. The Hague, Mouton & Co. – 'S-Gravenhage, 1962: 7-116.
- , 1963: *Essais de linguistique générale*. Paris, Minuit.
- , 1973a: *Questions de poétique*. Paris, Seuil.
- , 1973b: «Relations entre la science du langage et les autres sciences», in Jakobson R. *Essai de linguistique générale*, vol. II: *Rapports internes et externes du langage*. Paris, Minuit: 9-76.
- LACOUÉ-LABARTHE Ph., NANCY J.-L. (éds), 1978: *L'absolu littéraire. Théorie de la littérature du romantisme allemand*. Paris, Seuil.
- ROMAND D., TCHOUGOUNNIKOV S., 2008: «Quelques sources psychologiques allemandes du formalisme russe: le cas des théories de

- la conscience», in Sériot P., Friedrich J. (éds), *Langage et pensée: Union soviétique années 1920-1930* [Cahiers de l'ILSL, 2008, 24]: 223-236.
- , 2009: «Aux origines allemandes du cognitivisme, introduction», in Romand D., Tchougounnikov S. (dir.), *Psychologie allemande et sciences humaines en Russie: anatomie d'un transfert culturel (1860-1930)* [Revue d'histoire des sciences humaines, 2009, 21]: 3-27.
- , 2010: «Le formalisme russe, une séduction cognitiviste», in Berelovitch W., Espagne M. (éds), *Sciences humaines et sociales en Russie à l'Âge d'argent: quelques figures de transferts* [Cahiers du Monde russe, 2010, 51 (4)]: 521-546.
- SÉRIOT P., 1999a: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris, Presses universitaires de France.
- , 1999b: «The linguistics of geographers and the geography of linguistics», in Бирнбаум Х. et al. (ред.), *Роман Якобсон: Тексты, исследования, документы / Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies*. Москва, Российский государственный гуманитарный университет: 348-353.
- , 2010: «Vološinov, la philosophie de l'enthymème et la double nature du signe. Préface», in Vološinov V. *Marxisme et philosophie du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage* (traduction: P. Sériot, I. Tylkowski-Ageeva). Lambert-Lucas: 59-75.
- TCHOUGOUNNIKOV S., 2005a: *Entre «organicisme» et «post-structuralisme»: deux âges du discours russe-soviétique sur le langage et la littérature (1914-1993)* [Thèse de doctorat de 3ème cycle présentée à l'EHESS, Paris en décembre 2002]. Magnitogorsk, Université d'État de Magnitogorsk.
- , 2005b: «Le formalisme à l'état de siège: la méta-reflexion au sein du cercle formaliste», in *Europe. Revue littéraire mensuelle*, 2005, 911: 129-145.
- , 2009: «La psychologie allemande dans la généalogie du formalisme russe», in Trautmann-Waller C., Maigné C. (éds), *Formalismes esthétiques et héritage herbartien. Vienne – Prague – Moscou – Hildesheim*. Zürich – New York, Olms Verlag: 231-248.

Sergueï Tchougounnikov
Université de Bourgogne

**L’histoire invisible du structuralisme:
entre «métaphore organique» et «point de vue»**

Résumé:

La reconstruction de l’histoire «invisible», «inconnue» du structuralisme réalisée par Patrick Sériot amène à conclure sur l’importance d’une analyse comparée des contextes historico-épistémologiques de la science russe et germanophone, ainsi que sur le rôle décisif de l’épistémè du XIXème siècle dans les constructions théoriques linguistiques ultérieures. Cela implique l’idée de deux structuralismes, de deux modèles d’orientation formelle ou structurelle. L’objet du premier est une forme ou une structure en tant qu’organisation logique et une expression d’un certain «point de vue»; l’objet du second est une forme ou une structure en tant qu’expression. Cette division est basée sur des discussions typiques de la tradition morphologique allemande sur la forme organique et mécanique, sur les principes d’organisation (organique et mécanique) de la forme. Ce sont ces discussions qui ont déterminé l’esthétique du classicisme allemand et du romantisme allemand. Le modèle organique et la trace de la *Naturphilosophie* allemande à la base du structuralisme russe permettent d’étendre cette approche généalogique et comparée à l’ensemble du corpus du formalisme russe et de concrétiser l’idée d’une généalogie romantique du formalisme russe. La reconstruction de P. Sériot a permis d’appliquer une approche génétique et historique au formalisme et au structuralisme qui n’aient catégoriquement la possibilité même d’une telle approche, les transformant ainsi en ce qu’ils sont en réalité: des objets historiques et épistémologiques.

Mots-clés: formalisme, structuralisme, métaphore organique, romantisme allemand, affinité, forme interne

Sergueï Tchougounnikov
University of Burgundy

**The invisible history of structuralism:
between “organic metaphor” and a “point of view”**

Abstract:

Patrick Sériot’s reconstruction of an “invisible” and “unfamiliar” history of structuralism leads to conclusions about the importance of a comparative analysis of the historical-epistemological contexts of Russian and German-speaking research, as well as about the decisive role of the episteme of the 19th century in later linguistic theoretical constructions. This implies the idea of two structuralisms, two models of formal or structural orientation. The object of the first is a form or a structure as a logical organization and an expression of a certain “point of view”; the object of the second is a form or a structure as an expression. This division is based on discus-

sions, very typical to the framework of the German morphological tradition, about the organic and mechanical form and the principles of the organization (organic and mechanical) of the form. It was this discussion that determined the aesthetics of German classicism and German romanticism. The organic model and the trace of the German natural philosophy at the base of Russian structuralism make it possible to extend this genealogical and comparative approach to the whole corpus of Russian formalism and to concretize the idea of a romantic genealogy of it. The reconstruction of P. Sériot allowed for the application of a genetic and historical approach to formalism and structuralism that categorically denied the very possibility of such an approach, in this way transforming formalism and structuralism into what they really are: historical and epistemological objects.

Keywords: formalism, structuralism, organic metaphor, German romanticism, affinity, internal form

«Объект реальный – объект построенный»

Ирина ИВАНОВА
Лозаннский университет

Аннотация:

В статье рассматривается противопоставление «объекта реального» «объекту построенному», которое занимает важное место в лингвистической концепции Патрика Серио. Понимание языка как «объекта построенного», по мнению П. Серио, является важным достижением лингвистической концепции Фердинанда де Соссюра, которое определило развитие лингвистики в XX веке. И именно это положение осталось непонятым как русскими лингвистами бодуэновской школы, так и Романом Якобсоном.

Ключевые слова: оппозиция «объект реальный» vs «объект построенный», «русская» vs «западноевропейская лингвистика» двадцатого века, Л. Альтюссер, Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртене

Этот медленный, трудный и, как таковой, неосмысленный переход платонической мысли об архетипах и эйдосах (скрытых, но нашедших чувственное земное воплощение) к несубстанциалистской идее структуры – один из наиболее увлекательных моментов интеллектуальной истории XX века. Однако, чтобы понять все это, необходимо четко разграничить *реальный объект* и *объект познания*¹.

Противопоставление «объекта данного» (или «объекта реального») и «объекта построенного» рассматривается Патриком Серио в той части книги *Структура и целостность*, которая посвящена основам научного знания.

В своем понимании этого противопоставления П. Серио опирается на концепцию современного французского философа Луи Альтюссера (1918-1990), который делает основательный анализ различия этих двух объектов. Альтюссер возводит начало противопоставления «объекта реального» и «объекта построенного» уже к философии Спинозы (1632-1677), в которой различалось чувственное и рациональное познание – например, в *Этике* (1675). Заимствуя пример Спинозы, Альтюссер отмечает, что «объект познания или сущность сам по себе отличен от реального объекта, так как [...] нельзя смешивать два объекта: идею круга, что является объектом познания, и собственно круг как реальный объект»².

Это противопоставление Альтюссер отмечает и в философии марксизма, где рассматривает его в качестве одного из фундаментальных принципов, согласно которому объект познания подчиняется собственным структурным законам. Причем Альтюссер уточняет, что собственно процесс познания функционирует не как процесс абстрагирования от реального, но именно как конструирование мышлением объекта познания. Другими словами, в концепции Альтюссера объект познания предстает как мысленный конструкт, существующий в границах собственных или автономных порядков.

Оригинальность анализа П. Серио заключается в том, что он использует сопоставление «объекта реального» и «объекта построенного» для выявления сути структурализма Фердинанда де Соссюра (1857-1913), а именно внедрение в лингвистику понятия точки зрения: «В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими»³. В результате этой «эпистемологической революции»⁴ Соссюр фактически вводит в лингвистику принципы гносео-

¹ Серио 2001: 312.

² См. в: Althusser, Balibar, Establet, Macherey, Rancière 1965: 40.

³ Соссюр 1933: 33.

⁴ Серио 2001: 312.

логического подхода, который и определил развитие лингвистики в двадцатом веке.

По мнению П. Серио, именно эта эпистемологическая революция Соссюра оказалась непонятой Романом Якобсоном и Николаем Трубецким: «Якобсон, Трубецкой и Савицкий не проводят никакой границы между реальным объектом и объектом познания, что приводит к постоянной путанице одного и другого»⁵.

Развивая дальше эту мысль П. Серио, можно увидеть, что противопоставление «объекта реального» и «объекта построенного» или «мысленного конструкта» лежит и в основе одного из основных различий, которое можно провести между русской лингвистикой и лингвистикой западноевропейской в первой половине прошлого века. Русская лингвистика первой половины двадцатого века, развивавшаяся во многом по принципам, установленным Иваном Бодуэном де Куртенэ (1845-1929), определяла язык, прежде всего, как речевую деятельность, отдавая предпочтение индуктивному методу анализа, то есть речевые акты рассматривались как реальные объекты, которые надо было наблюдать и анализировать. Поэтому в русской советской лингвистике появился термин *язык-речь*⁶, а основное внимание уделялось анализу функционирования языкового явления (Лев Якубинский, Евгений Поливанов, Лев Щерба и др.). В свою очередь, накопленный материал наблюдения позволял сделать выводы о самом языковом явлении и его внутренних закономерностях.

Думается, что именно поэтому соссюрианская концепция языка встретила в России холодный прием. И поэтому одной из ярких реакций русских лингвистов на теорию Соссюра можно считать статью Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»⁷, где было сформулировано кредо русских советских лингвистов – учеников Бодуэна де Куртенэ.

Соссюрианская теория языка стала основой развития системно-структурного подхода, который во многом определил развитие европейской лингвистики двадцатого века. Понимание объекта лингвистики как «объекта построенного» привело к внедрению в эту науку понятия модели и к созданию метода лингвистического моделирования, который в настоящее время активно применяется и для изучения речевой деятельности.

В русской советской лингвистике активизация структурных исследований относится к середине пятидесятых годов прошлого века, когда стали складываться прикладные отрасли языкознания, такие, как математическая лингвистика, машинный перевод, трансформационный анализ... По мнению Нины Арутюновой и Георгия Климова,

---

⁵ *Ibid.*: 313.

⁶ Волошинов 1929 [1995].

⁷ Щерба 1931.

именно они стимулировали развитие структурной лингвистики в России⁸.

Таким образом, можно сказать, что противопоставление «объекта реального» и «объекта построенного» стало основополагающим для лингвистики двадцатого века и сохранило свою актуальность до сегодняшнего дня, будучи связанным и с определением объекта этой науки, и с формированием ее методологии.

© Ирина Иванова

---

⁸ Арутюнова, Климов 1968: 155-156.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРУТЮНОВА Н.Д., КЛИМОВ Г.А., 1968: «Структурная лингвистика», in Филин Ф.П. (отв. ред.), *Теоретические проблемы советского языкознания*. Москва, Наука: 154-170.
- ВОЛОШИНОВ В.Н., 1929 [1995]: *Марксизм и философия языка. Философия и социология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург, Аста-пресс, 1995: 216-381.
- СЕРИО П., 2001: *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг.* Москва, Языки славянской культуры (перевод: Н.С. Автономова).
- СОССЮР Ф. де, 1933: *Курс общей лингвистики*. Москва, Соцэргиз.
- ЩЕРБА Л.В., 1931: «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», in *Известия Академии наук СССР*, 1931, 1: 113-129.
- ALTHUSSER L., BALIBAR E., ESTABLET R., MACHEREY P., RANCIÈRE J., 1965: *Lire le Capital*, vol. 1-2. Paris, Éditions François Maspero.

Irina Ivanova
Université de Lausanne

«Objet réel – objet construit»

Résumé:

L'article étudie l'opposition entre «objet réel» et «objet construit», qui occupe une place importante dans la conception linguistique de Patrick Sériot. Selon P. Sériot, la compréhension de la langue comme «objet construit» est une conséquence importante de la conception linguistique de Ferdinand de Saussure, qui a déterminé le développement de la linguistique au XXème siècle. C'est précisément cette thèse qu'aussi bien les linguistes russes de l'école d'I.A. Baudouin de Courtenay que Roman Jakobson n'ont pas su comprendre.

Mots-clés: opposition «objet réel» vs «objet construit», linguistique «russe» vs «de l'Europe occidentale» du XXème siècle, L. Althusser, F. de Saussure, I.A. Baudouin de Courtenay

Irina Ivanova
University of Lausanne

“Real object – constructed object”

Abstract:

The article discusses the opposition, which occupies an important place in the linguistic theory of Patrick Sériot, of the “real object” and the “constructed object”. The understanding of language as a “constructed object” is, according to P. Sériot, an important achievement of the linguistic theory of Ferdinand de Saussure, which determined the development of linguistics in the 20th century. It is precisely this thesis that remained incomprehensible to both the Russian linguists of the I.A. Baudouin de Courtenay's school and R. Jakobson.

Keywords: opposition “real object” vs “constructed object”, “Russian” vs “Western European” linguistics of the 20th century, L. Althusser, F. de Saussure, I.A. Baudouin de Courtenay

Между Евразией и Ближним Востоком: анализ связей индоевропейской языковой семьи с помощью квазиареальной модели

Александр КОЗИНЦЕВ
*Музей антропологии и этнографии РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Аннотация:

На базе двумерной (квазиареальной) модели методом неметрического многомерного шкалирования по матрице попарных лексических соответствий изучены связи между 104 языками, относящимися к 16 семьям, из базы *The Global Lexicostatistical Database*. Хотя принадлежность индоевропейской семьи к ностратической макросемье в узком смысле слова (евразийской, по Гринбергу) не вызывает сомнений, она обнаруживает небольшой сдвиг в направлении семитской семьи, видимо, вызванный ареальными контактами праиндоевропейского языка.

Ключевые слова: Н.С. Трубецкой, языковой союз, языковые семьи и макросемьи, индоевропейские языки, квазиареальная модель

La notion de *Sprachbund*, opposée à «famille de langues», était pour Troubetzkoy fondamentalement liée au mode de pensée eurasiste¹.

Н.С. Трубецкой считал, что индоевропейские языки, некогда принадлежавшие к «средиземноморскому языковому союзу», к которому он причислял также северокавказские, картвельские и афроазиатские языки (а возможно, и баскский), эволюционировали по ряду фонологических, морфологических и синтаксических признаков в сторону «евразийского», или «туранского» (урало-алтайского) союза². Вызвано это было, согласно Трубецкому, географической промежуточностью индоевропейских языков, а также тем, что он считал большим совершенством евразийских языков по сравнению со средиземноморскими. Политическая подоплека данного учения была двоякой – с одной стороны, протест против дискредитации идеи *Urvolk*'а нацистами, с другой – евразийство.

В настоящее время теория Трубецкого отвергнута практически всеми. Правда, факты, на которых она основана, признаются в значительной степени реальными – однако интерпретируются они в духе альтернативной теории, предложенной К. Уленбеком: праиндоевропейский язык, будучи родствен прауральскому и праалтайскому, проник в Европу из арало-каспийских степей вместе со своими носителями и впитал некий субстрат, скорее всего, северокавказский³. К сходной точке зрения склоняются ведущие современные макрокомпаративисты – Ф. Кортландт⁴ и А. Бомхард⁵.

Многу была предпринята статистическая обработка матрицы лексических соответствий языков из базы *The Global Lexicostatistical Database* по 50-словному списку⁶. Анализ этих данных с помощью двумерной (т.е. квазиареальной) модели показал, что индоевропейская семья, представленная 12 языками, обнаруживает по сравнению с сестринской семьей – уральской, представленной 8 языками⁷, – маленький, но статистически достоверный сдвиг в сторону семитской, которая в этих работах была представлена лишь двумя языками (реконструированным северо-западным семитским и аккадским). Сдвиг в сторону других «южных» семей – картвельской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской – зафиксировать таким способом не удалось.

---

¹ Sériot 1999 [2012: 82].

² Трубецкой 1937 [1987].

³ Uhlenbeck 1937.

⁴ Kortlandt 1990.

⁵ Bomhard 2018: 717. Идею северокавказского субстрата в праиндоевропейском разделял и С.А. Старостин (Старостин 1988).

⁶ Козинцев 2018; Kozintsev 2018. За предоставление неопубликованных данных я признателен Г.С. Старостину, А.С. Касьяну и М.А. Живлову.

⁷ Последнее обоснование того, что индоевропейская и уральская семьи, образующие ядро ностратической макросемьи, могут рассматриваться в качестве сестринских, см. в работе Kassian, Zhivlov, Starostin 2015.

Лексические контакты индоевропейского праязыка с семитским были известны давно⁸, однако касались они культурной лексики. В данном же случае речь идет о базовой лексике, причем о сильно сокращенном ее списке, включающем лексемы, заимствуемые крайне редко. Правда, «семитский» сдвиг индоевропейской семьи по сравнению с уральской на первый взгляд кажется ничтожным – максимум два слова, одно из которых может отражать не заимствование, а сверхглубокое родство⁹. Но, во-первых, этот сверхслабый сигнал амплифицируется и становится «слышимым» благодаря тому, что каждая семья представлена несколькими языками. Во-вторых, даже если слово представляет собой общее наследие, почему оно сохранилось именно в индоевропейской и семитской семьях, а не в уральской? Ареальный фактор и в этом случае исключить невозможно.

В настоящей работе число языков из базы *The Global Lexicostatistical Database* увеличено до 104, в частности, добавлены остальные три ветви семитской семьи – арабская, южноаравийская и эфиосемитская, а также все остальные ветви афразийской макросемьи. Взаимоположение языков и семей показано на рис. 1.

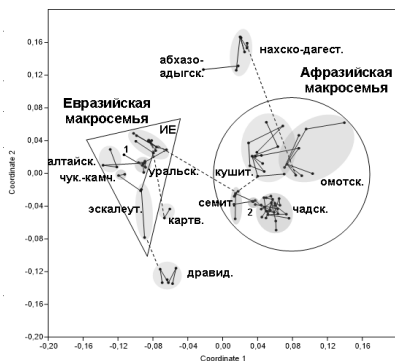

Рис. 1. Взаимоположение групп в пространстве двух координат неметрического многомерного шкалирования. Точки обозначают языки, пятна – семьи, линии – ребра минимального остовного дерева (кратчайший путь между точками в многомерном пространстве). Евразийская и афразийская макросемьи выделены путем кластерного анализа. Пунктиром показаны самые слабые связи (между семьями и макросемьями). 1 – югагирский язык, 2 – берберские языки и среднеегипетский.

⁸ См., например, Иллич-Свитыч 1964.

⁹ См. обсуждение первоначального наброска этой работы на сайте *Academia.edu*: <https://www.academia.edu/s/d8be18e175/proto-ie-meets-semitic-more-details-2019pdf?source=work> (сайт просмотрен 29.04.2019). Благодарю всех участников этой очень полезной для меня дискуссии, особенно М.А. Живлова и А. Бомхарда.

Полученная группировка¹⁰ вполне подтверждает ту, которую постулировал Дж. Гринберг, говоря о принадлежности индоевропейской семьи к евразийской макросемье, куда входят также урало-юкагирская, алтайская, чукотско-камчатская и эскалеутская семьи¹¹. «Южные» языки, которые В.М. Иллич-Свитыч причислил к ностратической макросемье наряду с индоевропейскими, уральскими и алтайскими – афразийские, картвельские и дравидийские¹², – сюда не входят.

Привлечение остальных четырех (или пяти) ветвей афразийской макросемьи показало, что «южный» сдвиг индоевропейских языков по сравнению с уральскими наиболее отчетлив при использовании данных семитской семьи (рис. 1). Более того, он яснее всего обнаруживается при использовании данных именно тех двух наиболее северных семитских языков, которые были интуитивно выбраны на предшествующей стадии анализа из-за их возможного контакта с праиндоевропейским. В пределах же индоевропейской семьи «южное» тяготение распределено довольно равномерно. Следовательно, контакты (если они действительно имели место) происходили до распада этой семьи.

Выделим из евразийской макросемьи три семьи, теснее всего связанные посредством географии – индоевропейскую, урало-юкагирскую и алтайскую. Привлечем также семитскую семью. Многомерный анализ приводит к следующему результату (рис. 2):

---

¹⁰ См. ее же, отображенную в виде генеалогического древа, на сайте *The Global Lexicostatistical Database* Г.С. Старостина http://starling.rinet.ru/new100/eurasia_long.jpg (сайт просмотрен 29.04.2019).

¹¹ Greenberg 2000-2001, vol. 1: 2-6; vol. 2: 190-193. Гринберг включил сюда еще японско-корейско-айнскую семью и нивхский язык, но в нашей работе соответствующие данные не использованы.

¹² Иллич-Свитыч 1971.

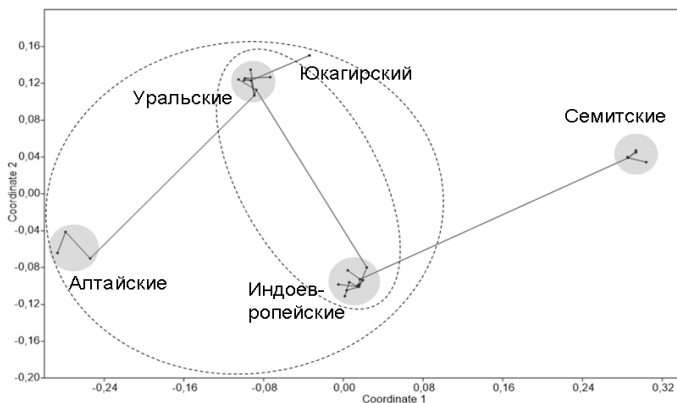

Рис. 2. Взаимоположение индоевропейской, алтайской, урало-юкагирской и семитской семей в пространстве двух координат неметрического многомерного шкалирования (обозначения те же, что на рис. 1). Пунктирные овалы обозначают группировки, выделенные путем кластерного анализа (внешний овал – евразийская макросемья, внутренний – индоевропейская).

Как видим, последовательность семей вдоль горизонтальной оси соответствует той, которую можно было бы ожидать на основании их географического положения. О том же свидетельствуют и ребра минимального остовного дерева, показывающие кратчайший путь между языками и семьями в многомерном пространстве. Выясняется – и этого не показывают генеалогические деревья! – что не только пространственно, но и лексически уральская семья (если не считать отошедшей от нее далеко на восток юкагирской ветви) занимает промежуточное положение между алтайской и индоевропейской, а индоевропейская – между уральской и семитской.

На первый взгляд, полученная картина лишней раз опровергает теорию Трубецкого, ведь родство индоевропейских языков с евразийскими, а не с афразийскими сейчас не подлежит сомнению. И если теоретически еще можно было бы допустить конвергентную эволюцию индоевропейской семьи в сторону евразийской по фонологическим, морфологическим и синтаксическим признакам, которыми он пользовался, то по отношению к лексике это исключается.

Но посмотрим, как распределено сходство между семьями (доля совпадающей лексики в порядке убывания):

- индоевропейская – урало-юкагирская: 0,133 (6-7 слов из 50-словного списка)
- урало-юкагирская – алтайская: 0,102 (5 слов)
- индоевропейская – алтайская: 0,077 (3-4 слова)
- индоевропейская – семитская: 0,057 (2-3 слова)
- урало-юкагирская – семитская: 0,034 (1-2 слова)
- алтайская – семитская: 0,013 (не более 1 слова).

Убывание идет очень плавно, ни в одном случае мы не видим резкого разрыва ни внутри евразийской семьи, ни между нею и семитской семьей. Это противоречит впечатлению, возникающему при взгляде на рис. 1, но надо учесть, что групп там гораздо больше, а потому и искажения при передаче общей картины сильнее. Крупномасштабное отображение фрагмента общей картины, как на рис. 2, более адекватно, и оно не противоречит идее Трубецкого о промежуточности индоевропейской семьи. Что же касается причин, то сейчас они рисуются совсем иначе: сдвиг индоевропейских языков происходил не от афразийской макросемьи к евразийской, а в противоположном направлении, и не конвергентно, а вследствие ареальных контактов¹³.

Квазиареальная модель, которая казалась пригодной лишь для изучения диалектов, в лучшем случае ветвей одной семьи¹⁴, практически никогда не применялась на более высоком таксономическом уровне. Полученные результаты показывают, что и здесь она открывает довольно интересные перспективы.

© Александр Козинцев

---

¹³ Идея эта, разумеется, не нова (см., например, Starostin 2007).

¹⁴ Dyen, Kruskal, Black 1992.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В.М., 1964: «Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты», in Топоров В.Н. (отв. ред.), *Проблемы индоевропейского языкознания*. Москва, Наука: 3-12.
- , 1971: *Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)*. Введение. Сравнительный словарь (b–k). Москва, Наука.
- КОЗИНЦЕВ А.Г., 2018: «Южный адстрат в праиндоевропейском языке и древнейший этап индоевропейской истории», in *Этнография*, 2018, 1: 143-174.
- СТАРОСТИН С.А., 1988: «Индоевропейско-северокавказские изоглоссы», in Бонгард-Левин Г.М. (отв. ред.), *Древний Восток: этнокультурные связи*. Москва, Наука: 112-164.
- ТРУБЕЦКОЙ Н.С., 1937 [1987]: «Мысли об индоевропейской проблеме», in Трубецкой Н.С. *Избранные труды по филологии*. Москва, Прогресс, 1987: 44-59.
- BOMHARD A.A., 2018: *Comprehensive Introduction to Nostratic Comparative Linguistics. With Special Reference to Indo-European*, vol. 1. Florence, S.C.
- DYEN I., KRUSKAL J.B., BLACK P., 1992: «An Indoeuropean classification: a lexicostatistical experiment», in *Transactions of the American Philosophical Society*, 1992, 82 (5): 1-132.
- GREENBERG J.H., 2000-2001: *Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasiatic Language Family*, vol. 1: *Grammar* (2000), vol. 2: *Lexicon* (2001). Stanford, Stanford University Press.
- KASSIAN A.S., ZHIVLOV M.A., STAROSTIN G.S., 2015: «Proto-Indo-European-Uralic comparison from the probabilistic point of view», in *Journal of Indo-European Studies*, 2015, 43 (3/4): 301-347.
- KORTLANDT F., 1990: «The spread of the Indo-Europeans», in *Journal of Indo-European Studies*, 1990, 18 (1/2): 131-140.
- KOZINTSEV A.G., 2018: «On certain aspects of distance-based models of language relationships, with reference to the position of Indo-European among other language families», in *Journal of Indo-European Studies*, 2018, 46 (1/2): 173-205.
- SÉRIOT P., 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- STAROSTIN S.A., 2007: «Indo-European glottochronology and homeland», in Старостин С.А. *Труды по языкознанию*. Москва, Языки славянских культур: 821-826.
- UHLENBECK Ch.C., 1937: «Indogermanic mother language and mother tribes complex», in *American Anthropologist*, 1937, 37 (3): 385-393.

Aleksandr Kozincev

Musée d'ethnographie et d'anthropologie
de l'Académie des sciences de Russie,
Université d'État de Saint-Petersbourg

**Entre l'Eurasie et le Proche-Orient:
analyse des rapports de la famille linguistique indo-européenne
à l'aide du modèle quasi-aréal**

Résumé:

Sur la base du modèle bidimensionnel (quasi-aréal), ont été étudiés, selon la méthode de mise à l'échelle multidimensionnelle non métrique supposant l'utilisation d'une matrice de correspondances lexicales par paires, les liens entre 104 langues appartenant à 16 familles, les données correspondantes ayant été prises dans la base de données *The Global Lexicostatistical Database*. Bien que l'appartenance de la famille indo-européenne à la macro-famille nostratique au sens étroit du terme (eurasiatique, selon Greenberg) ne fasse aucun doute, cette famille révèle un léger rapprochement avec la famille sémitique, apparemment dû aux contacts géographiques de la protolanguage indo-européenne.

Mots-clés: N.S. Trubeckoj, union linguistique, familles et macro-familles de langues, langues indo-européennes, modèle quasi-aréal

Alexander Kozintsev

Museum of Ethnography and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg State University

Between Eurasia and the Near East: analysis of Indo-European language family relations using the quasiareal model

Abstract:

On the basis of the two-dimensional (quasiareal) model, with the method of non-metric multidimensional scaling using the matrix of pairwise lexical correspondences, we studied the connections between 104 languages belonging to 16 families using data from *The Global Lexicostatistical Database*. Although there is no doubt that the Indo-European family belongs to the Nostratic macro-family in the narrow sense of the word (Eurasian, according to Greenberg), it reveals a slight shift in the direction of the Semitic family, apparently caused by areal contacts of the proto-Indo-European language.

Keywords: N.S. Trubeckoj, *Sprachbund*, linguistic families and macro-families, Indo-European languages, quasiareal model

Об универсалиях *органической формы*

Калеви КУЛЛЬ
Тартуский университет

Аннотация:

Органическая форма – это форма, необходимая для жизни. *Органическая форма* является одновременно и продуктом жизненного процесса, и тем, что способствует функционированию жизни. Рассматривая *органическую форму* как понятие общей семиотики, можно утверждать, что вклад в ее изучение могут вносить разные научные дисциплины, в том числе лингвистика и искусствоведение. В статье анализируются принципы *органической архитектуры*, сформулированные К. Александером как универсалии *органической формы*.

Ключевые слова: биосемиотика, К. Александер, *органическая архитектура*, морфология, романтизм, семиосфера

При этом они утверждают, что это *новое знание* имеет *локальное* происхождение¹.

Когда Юрий Лотман впервые говорил о семиосфере, особенно удивительным показалось то, что он характеризовал семиосферу как геометрическую форму. Ведь совсем не очевидно, что семиотические процессы вообще могут иметь какие-то взаимосвязи с пространственными категориями – с центром-периферией, асимметрией, границами... Доклад этот прозвучал 7 мая 1982 года на Восьмой эстонской весенней школе по теоретической биологии, организованной на тему «Теория поведения» и состоявшейся в Пухту, в бывшем доме Якоба фон Иксюля – одного из предшественников биосемиотики². Как в опубликованной впоследствии статье³, так и в других работах Ю. Лотмана описание семиосферы в геометрических категориях имеет важное значение: различие между участниками диалога, асимметрия, которую диалог подразумевает, непременно имеет морфологическую составляющую. Тем самым морфология и семиотика оказываются взаимосвязаны⁴. Семиосфера – это не только виртуальное «пространство» значений и представлений, но и пространство, обладающее формой. Идея эта, конечно, не нова: текст имеет определенную морфологию (ведь семиосфера у Лотмана является обобщением понятия текста); сфера жизни, сфера значений и даже сфера красивого связаны с морфологией; наконец, существуют универсалии *органической формы*.

ОРГАНИЧЕСКАЯ ФОРМА: СУТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Органической формой обычно называют форму, которая обладает определенными качествами, приписываемыми живым телам. Например, может говориться о том, что форма не соблюдает каких-то внешних правил, но «вырастает изнутри»⁵ – или же о том, что каждая часть формы обладает свойствами данной формы в целом⁶. Все это – эмпирически проверяемые, а не метафизические качества, и именно это определение и будет принято в нашей работе.

---

¹ Серю 2001: 31. Благодарю своего друга Патрика Серю за интереснейшие разговоры, которые мы вели с ним начиная с нашего знакомства в Тарту в 2002 году. Приводимой выше цитатой мне хочется подчеркнуть важность пространственного аспекта, связь с определенным *местом* тех идей, о которых идет речь в этой статье.

² Об этом докладе Ю. Лотмана см. также Kull 2006.

³ Лотман 1984.

⁴ Упомянем в этой связи о том, что Центр по семиотике в Урбино под руководством Пино Пайони раньше назывался Центром семиотики и морфологии (CISISM: *Centro Internazionale di Studi Interculturali di Semiotica e Morfologia – International Center for Intercultural Studies on Semiotics and Morphology*).

⁵ Это свойство подчеркивалось в определениях *органической формы* Августа Вильгельма Шлегеля и Сэмюэла Тейлора Кольриджа (см., например, Park 2006: 23-24).

⁶ Это свойство – возможность реконструировать целое, исходя из его части, – особенно подчеркивалось Жоржем Кювье.

Такой подход к понятию формы был весьма распространен в науке и искусстве в период романтизма – в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века⁷. В более общем виде это – холистический подход к живому. В конце девятнадцатого века холистическая биология вновь стала популярной. К примеру, автор термина *симбиоз* Антон де Бари, критикуя так называемую клеточную теорию Маттиаса Шлейдена, писал о том, что не клетка образует растение, но растение образует клетку⁸. А тартуский гистолог Август Раубер утверждал, что «целое создавало части, а не части целое. Последнее объединяло части, а не наоборот»⁹. Подобные утверждения общего характера были не просто свидетельствами особой метафизики романтизма, но составляли часть общей биологии той эпохи.

Исходной же точкой нашего исследования станет положение о том, что изучение свойств *органической формы* с позиций как биологии, так и искусствоведения, литературоведения и семиотики может способствовать выявлению общих аспектов или закономерностей того, к чему отсылает это понятие. Иными словами, даже искусствоведение может дать общей биологии нечто важное.

Органическая форма – это форма целостного живого организма; это форма, созданная жизнью. Сюда относятся организмы и артефакты: тела и коллективы организмов, многие артефактные системы (например, произведения искусства), тексты. Артефакты могут быть включены сюда естественным образом, потому что даже тело организма по отношению к жизненному процессу соответствующего организма в значительной степени является артефактом. В той мере, в какой все живое имеет что-то общее, можно предположить, что найдутся и достаточно универсальные характеристики продуцируемых жизнью форм. Это и позволяет говорить об *органической форме* и ее универсалиях одновременно в области культуры и живых организмов.

С другой стороны, *органическая форма* – это форма, которая необходима для жизни. Это форма, которая способствует жизненному процессу, будучи для него своего рода «строительными лесами»¹⁰: ведь для жизни подходят не все формы. Например, строгие геометрические формы минералов-кристаллов не соответствуют формам живых систем.

Итак, под *органической формой* понимается совокупность качеств (причем качеств значимых), свойственных большинству живых организмов и некоторым артефактам. Но для того, чтобы понять, в чем именно эти качества состоят, необходимы специальные исследования.

---

⁷ Об истории биологии периода романтизма см. Richards 2002.

⁸ Bary 1879: 222; о контексте этого выражения у де Бари см. Reynolds 2007: 86.

⁹ «Das Ganze lieferte die Theile, nicht die Theile das Ganze. Letzteres setzte die Theile zusammen, nicht diese jenes» (Rauber 1883: 272; перевод мой. – К.К. См. также Thompson 1942: 345; Esposito 2013: 1).

¹⁰ См. Hoffmeyer 2008: 138.

Можно сказать, что *органическая форма* – это морфологический аспект биологической автономности¹¹. Как писал Эдмунд Синнотт, «[о]рганическая форма является [...] видимым выражением внутренней связности, характерной для жизни на каждом уровне. [...] Форма может считаться [...] душой всей биологии»¹². Или же, по выражению Эрнста Кассирера, структурализму в лингвистике в биологии соответствует морфология¹³.

Изучение общих свойств *органической формы* – область весьма обширная. Сюда относятся работы Иоганна Вольфганга Гете, Фридриха Шеллинга¹⁴, Сэмюэля Тэйлора Кольриджа, Карла Эрнста фон Бэра, Ханса Дриша¹⁵, Джованни Скиапарелли¹⁶, Дарси Томпсона¹⁷, Адольфа Мейера¹⁸, Курта Гольдштейна¹⁹, Рене Тома²⁰, Брайана Гудвина²¹ – но не только: в настоящей статье мы не ставим целью дать обзор этой темы в целом²². Мы намереваемся лишь обратить внимание на некоторые аспекты *органической формы*, кажущиеся релевантными и интересными с точки зрения биосемиотики – чьей проблемой универсалии *органической формы* явно являются²³.

Когда понятие органической формы (или органического целого) используется в искусстве или в гуманитарных науках, оно действительно часто представляет собой нечто большее, чем метафору, указы-

¹¹ Биологическую автономность мы понимаем здесь в смысле, например, Moreno, Mossio 2015: это организация, которая делает возможным самовосстановление и развитие живых организмов.

¹² «Organic form is [...] the visible expression of an inner relatedness characteristic of life at every level. [...] Form may be thought [...] as the soul of all biology» (Sinnott 1960: 2; перевод мой. – К.К.).

¹³ Cassirer 1945.

¹⁴ Например, Брюс Мэттьюс пишет о Шеллинге следующее: «Только относительная категория *сообщества и взаимной причинности* может выразить порождающую оппозицию дизъюнктивного единства, которое Шеллинг видит в отношениях идентичности. Только органическая форма позволяет проанализировать единство различий, которое порождает отношение идентичности» («Only the relational category of *community and reciprocal causation* can articulate the generative opposition of the disjunctive unity Schelling sees in the relationship of identity. Only organic form can parse the unity of difference that animates the relationship of identity») [Matthews 2011: 185; перевод мой. – К.К.]. П. Серно упоминает Шеллинга, говоря об истоках пражского «органического структурализма» (Серно 2001: 230).

¹⁵ Driesch 1921.

¹⁶ Schiaparelli 1898; о нем см. Giorello, Guzzardi 2011; Любичев 1982: 65.

¹⁷ Thompson 1942; 1926 [1969]; Gould 1971.

¹⁸ См., например, Meyer 1926.

¹⁹ Goldstein 1934 [2000].

²⁰ Thom 1974; Wildgen, Brandt (eds.), 2010; De Luca Picione, Freda 2016.

²¹ См. Webster, Goodwin 1996; Belousov 2010.

²² Об истории концепции *органической формы* см., например, Rousseau (ed.), 1972; Burwick (ed.), 1987; Webster, Goodwin 1996; Whyte (ed.), 1951 [1968].

²³ По этой теме – «Semiotics of organic form» – 18 февраля 2010 года в Тарту был организован семинар, на котором с докладами выступили Скотт Гилберт, Йеспер Хоффмейер и Калеви Кульв.

вающую на сходство с органическими телами, биоморфность²⁴. Как пишет Мадлен Шехтер, «понятие органической формы [...] описывает не только совокупность взаимосвязанных частей, воспринимаемых как *гештальт* в акте эстетического созерцания, но и парадоксальную одновременность целого и его бесконечной открытости как формы-становления»²⁵.

Однако то, что целостность, которая описывается в явлениях культуры и языка, имеет общность с живым или даже биологические корни, может восприниматься одновременно и как нечто естественное, и как нечто неожиданное. Говоря об открытиях неожиданных взаимосвязей, нельзя не упомянуть цитируемую выше работу Патрика Серию, в которой показано, что важные идеи Романа Якобсона и других членов Пражского лингвистического кружка восходят к работам Карла фон Бэра и Льва Берга²⁶ – то есть, можно говорить о биологических корнях структурализма²⁷, что является существенным дополнением к работам по истории структурализма²⁸.

Явления жизни столь разнообразны, что сама идея о существовании каких бы то ни было универсалий в этом отношении не является тривиальной. Более того: жизнь характеризует общий механизм диверсификации, и поэтому организмы, скорее, различны, а не схожи между собой. Организмы – и *органические формы* – индивидуальны. Каждое целое само организует свою структуру, и результатом этого является некоторая *несовместимость* или несоответствие между разными целостными структурами²⁹. Конечно, с другой стороны, те же самые аспекты или свойства (диверсификация, индивидуальность, несовместимость) могут быть интерпретированы и как универсалии *органической формы*. Но главное, видимо, в том, что жизненный процесс возможен только на базе определенной морфологии.

Жизненный процесс, с одной стороны, сам зависит от *органической формы*, а с другой – он создает и поддерживает *органические формы*. Таким образом, *органическая форма* – это не сама жизнь, хотя определяется она только в отношении жизни. Поэтому семиотика *органической формы* более близка структурализму и семиотике Фердинанда де Соссюра (в основном исследующей знаковую природу текста, артефактов и языка – продуктов семиозиса), чем семиотике Пирса (фокусирующей внимание на самом семиозисе или на знаковом

---

²⁴ См. Geiger 2005.

²⁵ «[T]he concept of organic form [...] describes not only the manifold of interrelated parts apprehended as a *Gestalt* in the act of aesthetic contemplation, but also the paradoxical simultaneity of the whole and its endless openness as a form-in-becoming» (Schechter 2008: 110; перевод мой. – К.К.).

²⁶ Серию 2001.

²⁷ См. также Seriot 2018; Kull 2014.

²⁸ См., например, Piaget 1968.

²⁹ Как, впрочем, это отмечают Николай Трубецкой – а также Борис Гаспаров, – сравнивая фонологические системы разных языков (см. Серию 2001: 129).

процессе, т.е. на речи). Однако обе они необходимы для общего понимания формы живого.

Видимо, общие свойства *органических форм* могут иметь главным образом тройное происхождение: это (а) мерономическая функциональность, (b) морфогенез и (с) коммуникация.

(а) Функциональная дифференциация частей в целом и организующее начало целого – это система отношений, на основе которой организм функционирует.

(b) Морфогенетический процесс основан, в частности, на авторепродукции (часто частичной и сдвинутой или модифицированной). Это автокаталитическое восстановление и воспроизведение с разными видами обратной связи, ведущее к морфологической самоорганизации. Результатом является как повторение, так и дифференциация форм.

(с) Коммуникативные (в том числе автокоммуникативные) процессы в значительной степени ответственны за взаимоположение, дифференциальность и модифицированность форм. Внутриорганизменные коммуникационные процессы обеспечивают постоянное соответствие между отдельными частями, гармонизируя систему. Это пространственные предпосылки коммуникации, организующие пространство коммуникацией.

Если же допустить, что функциональные отношения всегда коммуникативны, то остаются два больших класса органических механизмов, которые можно идентифицировать как морфодинамические (b) и телеодинамические (а, с)³⁰. Первые – несемиотические (хотя и необходимые для жизни), вторые – семиотические. Процессы обоих видов участвуют в динамике *органических форм*, и поэтому при анализе последних их необходимо учитывать.

УНИВЕРСАЛИИ ОРГАНИЧЕСКОЙ ФОРМЫ: К РАБОТАМ КРИСТОФЕРА АЛЕКСАНДЕРА

Во время своего пребывания в Тарту в течение академического семестра в 2003 году американский специалист по семиотике из Университета Пердью Мюрдин Андерсон обратила внимание тартуских семиотиков на работы архитектора Кристофера Александра³¹. Помимо работ, посвященных непосредственно архитектуре, Александр опубликовал четыре больших тома под общим названием *The Nature of Order*³². Анализируя богатый материал, он выделил 15 фундаментальных характеристик «жизненности» (или «живучести») формы³³.

³⁰ Пользуясь терминологией из работы Deacon 2011.

³¹ См. также Anderson 2016: 270, 280. К. Александр родился в 1936 году в Вене. В общем контексте американских гуманитарных наук его исследования кажутся не обычными. Хотя о семиотике он практически не говорит, структуралистская семиотика очевидно имела для него важное значение (см. также Быстрова 2011).

³² Alexander 2002a; 2002b; 2004; 2005.

³³ Alexander 2002a: 143-242.

Главное наше утверждение (или, скорее, гипотеза) состоит в том, что многие (если не все) из этих характеристик в действительности являются описаниями универсалий *органической формы*: представляется важным это подчеркнуть, так как именно в работе К. Александра эти универсалии представлены и описаны очень подробно.

Рассмотрим кратко выделенные К. Александром характеристики форм с точки зрения биологии, обращая внимание на возможные аспекты морфогенеза и биосемиотических процессов, следствиями которых данные свойства могут являться. Сущность этих характеристик состоит, прежде всего, в их общем характере.

(1) «Уровни градации» (масштаба) [*levels of scale*]. Это свойство иногда описывается как фрактальная морфология органических форм³⁴. Итеративные процессы (являющиеся предпосылкой фрактальной геометрии) обыкновенны в живых системах. Однако из-за неточности органических процессов фрактальность является только приблизительной, и поэтому число уровней ограничено.

(2) «Сильные центры» [*strong centers*]. К. Александр придает центрам особое значение, но природа их не совсем ясна. Автокаталитические (мультипликативные) циклы являются важными центрами в живых системах. Это точки роста (меристемы), которые непременно и постоянно организуют пространство вокруг себя. Живая структура создается (генерируется, продуцируется) из «центров» как целая³⁵.

(3) «Границы» [*boundaries*]. Фундаментальная роль границ (в том числе поверхностей, двумерных границ) для биологических и семиотических систем описана Й. Хоффмейером и Ю. Лотманом³⁶. Границы являются продуктами естественной категоризации.

(4) «Переменное повторение» (чередование повторений) [*alternating repetition*]. Это естественно следует из копирования (в частности, зеркального). Копирование – это необходимый процесс-предпосылка функционирования как биологических, так и семиотических систем.

(5) «Позитивное (положительное) пространство» [*positive space*]. Так К. Александр называет эффект, когда близкие друг другу центры взаимно усиливаются, «питаются» друг от друга. Автокаталитические циклы, которые снабжают друг друга субстратом, действительно усиливаются в случае близости: можно говорить о симбиозе.

(6) «Хорошая фигура» [*good shape*]. Пространство между (организующими) центрами также находится под влиянием центров. Форма в целом организуется центрами, совокупностью центров, точками роста.

(7) «Локальные симметрии» [*local symmetries*]. Любой организм – «стая» [*swarm*]³⁷, и симметрии в нем генерируются множественно и локально³⁸.

³⁴ См. также Harris 2012; Longo, Montévil 2014.

³⁵ См. также Petruševski 2012.

³⁶ Hoffmeyer 2008: 17-28; Lotman 1990: 131-142.

³⁷ Hoffmeyer 2008: 49, 258.

³⁸ О симметрии *органической формы* см. также Sinnott 1960: 149 и дал.

(8) «Глубокое переплетение и двусмысленность» (неоднозначность) [*deep interlock and ambiguity*]. Узнавание как общий процесс семиотических взаимозависимостей является доиндексальным, т.е. иконическим и морфологическим. Это предполагает механизм «ключа-замка», на который данное свойство похоже, или же взаимную «пригонку» и «приладку» между частями в более общем случае.

(9) «Контраст» [*contrast*] – это морфологическое представление отношения оппозиции³⁹.

(10) «Градиенты» [*gradients*]. Постепенное изменение размера и фигуры в ряду элементов формы очень распространено и, вероятно, связано с невозможностью гомеостатизировать уровень ресурса, от которого формирование данного признака зависит.

(11) «Шероховатость» [*roughness*]. Это во многом объясняется природой границ в коммуникативных системах. Так как границы в отношении центров вторичны, являясь результатом категоризации или членения целого (а не наоборот), то обычно они и не должны быть точными, резкими или геометрически строгими.

(12) «Эхо» [*echoes*]. Эхо может быть результатом как волнообразных процессов распространения внутри системы, так и коммуникативных процессов.

(13) «Пустота» [*the void*]. Полости, незаполненные промежутки – это общее свойство биологических систем. Раздельность благодаря промежуткам пустоты является одной из предпосылок коммуникации – однако в этом можно увидеть и более глубокое явление: отсутствие как аспект значения⁴⁰.

(14) «Простота и внутреннее спокойствие» [*simplicity and inner calm*]. Живые системы – а следовательно, и их форма – в значительной степени нейтральны; они не характеризуются постоянным стремлением к оптимуму.

(15) «Не-раздельность» [*not-separateness*], связанность с субстратом. Организм является открытой системой, а это значит, что он непосредственно связан со своими ресурсами. Органическая форма локальна, она связана с определенным местом.

По нашему мнению, эти пятнадцать свойств не только являются тем, благодаря чему объекты *кажутся* нам живыми, но они *действительно* присущи *органическим формам*. Поэтому и биологи, и семиотики должны обратить на них самое серьезное внимание. Конечно, как замечает и сам К. Александер, этот перечень не полон и лишен какой бы то ни было систематичности.

Разумеется, идея о том, что некоторые общие принципы строения «хорошей» формы не исходят (только) из закономерностей перцепции, но являются универсалиями, присущими органической форме

³⁹ Ряд примеров контраста как общебиологического явления приведен в исследовании Stebbing, Heim 2011.

⁴⁰ Deacon 2011.

как таковой, высказывалась и другими исследователями. К примеру, Петер Стеббинг и Стефан Хейм⁴¹ выделили четыре основных принципа композиции в дизайне – контраст, ритм, баланс и пропорция – и сформулировали гипотезу, что они являются основными принципами и универсалиями организации *органической формы*, имеющими биологическое происхождение. Никос Салингарос и Кеннет Масден⁴² перечислили семь характеристик *органической архитектуры*: (1) организованная сложность, (2) метаболизм, (3) репликация, (4) адаптация, (5) вмешательство, (6) локализация и (7) связность.

Здесь нам кажется уместным отметить, что некоторые общие характеристики, выявленные в общей семиотике, также могут оказывать универсалиями органических форм. Особенно важным кажется в этой связи описание семиосферы, данное Ю. Лотманом⁴³. Семиосфера является «организмическим» обобщением понятий текста и культуры⁴⁴, которые мы относим к категориям живого. Но примечательно, что Лотман говорит о морфологии семиосферы. Следовательно, основные свойства семиосферы, которые выделены Лотманом – границы, центр и периферия, гетерогенность, – могут считаться универсалиями *органической формы*⁴⁵.

Здесь также напрашивается параллель с научным подходом Яна Вальсинера, представленным, в частности, в его книге *Ornamented Lives*⁴⁶: его понятие орнамента близко к *органической форме*. Само построение формы живого на глубинном уровне представляет собой динамично орнамента, одновременно являющегося «строительными лесами» [*scaffold*] семиотического (или психического) развития. Тем самым подходы Я. Вальсинера и К. Александера – морфологические подходы к семиотике – имеют много общего.

Современная общая биология интересуется подобным редко. Классическая морфология организмов обращает основное внимание на классификацию (типологию и мерономию) органических форм (причем речь идет, прежде всего, о классификации методом гомологизации), в меньшей мере занимаясь общими свойствами этих форм⁴⁷. Представители же эволюционного подхода во многом забыли об универсалиях формы. Однако биосемиотика открывает возможности заново подойти к исследованию органических универсалий, а тем самым и к более эффективному диалогу наук о понимании форм жизни.

© Калеви Куль

---

⁴¹ Stebbing, Heim 2011.

⁴² Salingeros, Masden 2006. Об *органической архитектуре* см. также Beesley, Bonnemaision 2008.

⁴³ Лотман 1984.

⁴⁴ Nöth 2015.

⁴⁵ О проблеме универсалий в работах Ю. Лотмана см. также Lepik 2008.

⁴⁶ Valsiner 2019.

⁴⁷ См. Arber 1950 [2012].

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЫСТРОВА Т.Ю., 2011: «Архитектура вне времени: идея шаблонов проектирования К. Александера», in *Академический вестник УралНИИПроект РААСН*, 2011, 1: 47-53.
- ЛОТМАН Ю.М., 1984: «О семиосфере», in *Труды по знаковым системам*, 1984, 17: 5-23.
- ЛЮБИЩЕВ А.А., 1982: *Проблемы формы, систематики и эволюции организмов: Сборник статей*. Москва, Наука.
- СЕРИО П., 2001: *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг.* Москва, Языки славянской культуры (перевод: Н.С. Автономова).
- ALEXANDER Ch., 2002a: *The Nature of Order: An Essay on the Art of Building and the Nature of the Universe*, book 1: *The Phenomenon of Life*. Berkeley, The Center for Environmental Structure.
- , 2002b: *The Nature of Order: An Essay on the Art of Building and the Nature of the Universe*, book 2: *The Process of Creating Life*. Berkeley, The Center for Environmental Structure.
- , 2004: *The Nature of Order: An Essay on the Art of Building and the Nature of the Universe*, book 4: *The Luminous Ground*. Berkeley, The Center for Environmental Structure.
- , 2005: *The Nature of Order: An Essay on the Art of Building and the Nature of the Universe*, book 3: *A Vision of a Living World*. Berkeley, The Center for Environmental Structure.
- ANDERSON M., 2016: «My half-century saturated in semiotics: A spiralling confessional», in *Sign Systems Studies*, 2016, 44 (1/2): 267-288.
- ARBER A., 1950 [2012]: *The Natural Philosophy of Plant Form*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012.
- BARY A. de [dBy], 1879: «Litteratur. Lehrbuch der Botanik für mittlere und höhere Lehranstalten», in *Botanische Zeitung*, 1879, 37 (14): 222-223.
- BEESLEY Ph., BONNEMAISON S., 2008: *On Growth and Form: Organic Architecture and Beyond*. Toronto, Riverside Architectural Press.
- BELOUSSOV L., 2010: «The primacy of organic form (to the memory of professor Brian Goodwin)», in *Rivista di biologia*, 2010, 103 (1): 13-18.
- BURWICK F. (ed.), 1987: *Approaches to Organic Form: Permutations in Science and Culture*. Dordrecht, D. Reidel Publishing Company.
- CASSIRER E., 1945: «Structuralism in modern linguistics», in *Word*, 1945, 1 (2): 99-120.
- DE LUCA PICIONE R., FREDI M.F., 2016: «The processes of meaning making, starting from the morphogenetic theories of René Thom», in *Culture and Psychology*, 2016, 22 (1): 139-157.
- DEACON T., 2011: *Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter*. New York, W.W. Norton & Company.

- DRIESCH H., 1921: *Philosophie des Organischen*. Leipzig, W. Engelmann.
- ESPOSITO M., 2013: *Romantic Biology, 1890-1945*. London, Routledge.
- GEIGER A., 2005: «Georges Bataille und der Diskurs der organischen Form: Zur Gestaltungsphilosophie von Auge, Ei und grossem Zeh», in Hülk W., Renner U. (Hrsg.), *Biologie, Psychologie, Poetologie: Verhandlungen zwischen den Wissenschaften*. Würzburg, Königshausen & Neumann: 129-148.
- GIORELLO G., GUZZARDI L., 2011: «G.V. Schiaparelli: from scientific observations to scientific imagination», in *Memorie della Società Astronomica Italiana*, 2011, 82: 219-224.
- GOLDSTEIN K., 1934 [2000]: *The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man*. New York, Zone Books, 2000.
- GOULD S.J., 1971: «D'Arcy Thompson and the science of form», in *New Literary History*, 1971, 2 (2): 229-258.
- HARRIS J., 2012: *Fractal Architecture: Organic Design Philosophy in Theory and Practice*. Albuquerque, University of New Mexico Press.
- HOFFMEYER J., 2008: *Biosemiotics: An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs*. Scranton, Scranton University Press.
- KULL K., 2006: «“Semiosfäär”, 1982: kommentaariks», in *Acta Semiotica Estica*, 2006, 3: 222-224.
- , 2014: «At the creative diversity of borders, for understanding the structure and the whole», in Sériot P. *Structure and the Whole. East, West and Non-Darwinian Biology in the Origins of Structural Linguistics*. Boston – Berlin, Walter de Gruyter: ix-xiv (перевод: А. Jacobs-Colas).
- LEPIK P., 2008: *Universals in the Context of Juri Lotman's Semiotics*. Tartu, Tartu University Press.
- LONGO G., MONTÉVIL M., 2014: *Perspectives on Organisms: Biological Time, Symmetries and Singularities*. Berlin, Springer.
- LOTMAN Ju., 1990: *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. London, I.B. Tauris.
- MATTHEWS B., 2011: *Schelling's Organic Form of Philosophy: Life as the Schema of Freedom*. Albany, State University of New York Press.
- MEYER A., 1926: *Logik der Morphologie im Rahmen einer Logik der gesamten Biologie*. Berlin, Verlag von Julius Springer.
- MORENO A., MOSSIO M., 2015: *Biological Autonomy: A Philosophical and Theoretical Enquiry*. Dordrecht, Springer.
- NÓTH W., 2015: «The topography of Yuri Lotman's semiosphere», in *International Journal of Cultural Studies*, 2015, 18 (1): 11-26.
- PARK R.H.-Ch., 2006: *Organic Homiletic: Samuel T. Coleridge, Henry G. Davis, and the New Homiletic*. New York, Peter Lang.
- PETRUŠEVSKI I., 2012: «Fifteen rules of Christopher Alexander and the methods of generative design as the practical application of the “the

- nature of order” in architecture», in *Serbian Architectural Journal*, 2012, 3: 254-279.
- PIAGET J., 1968: *Le structuralisme*. Paris, Presses universitaires de France.
- RAUBER A., 1883: «Neue Grundlagen zur Kenntnis der Zelle», in *Morphologisches Jahrbuch*, 1883, 8 (2): 233-338.
- REYNOLDS A., 2007: «The theory of the cell state and the question of cell autonomy in nineteenth and early twentieth-century biology», in *Science in Context*, 2007, 20 (1): 71-95.
- RICHARDS R.J., 2002: *The Romantic Conception of Life: Science and Philosophy in the Age of Goethe*. Chicago, The University of Chicago Press.
- ROUSSEAU G.S. (ed.), 1972: *Organic Form: The Life of an Idea*. London, Routledge and Kegan Paul.
- SALINGAROS N.A., MASDEN K.G. II, 2006: «Architecture: Biological form and artificial intelligence», in *The Structurist*, 2006, 45/46: 54-61.
- SCHECHTER M., 2008: «Conclusions – the paradoxes of organic form», in Schechter M. *Semiotics and Art Theory: Between Autonomism and Contextualism*. Würzburg, Königshausen and Neumann: 109-116.
- SCHIAPARELLI G., 1898: «Forme organiche naturali e forme geometriche pure: studio comparativo», in Vignoli T., Schiaparelli G.V. *Peregrinazioni antropologiche e fisiche. Studio comparativo tra le forme organiche naturali e le forme geometriche pure*. Milano, Ulrico Hoepli: 267-367.
- SÉRIOT P., 2018: «Biology for linguists: An obstacle or a royal path to concept building?», in *Sign Systems Studies*, 2018, 46 (1): 117-125.
- SINNOTT E.W., 1960: *Plant Morphogenesis*. New York, McGraw-Hill Book Company.
- STEBBING P.D., HEIM S., 2011: «The creative quartet: contrast, rhythm, balance and proportion: universal principles of organic and aesthetic creativity», in Herrmann K. (Hrsg.), *Neuroästhetik: Perspektiven auf ein interdisziplinäres Forschungsgebiet. Beiträge des Impuls-Workshops am 15. und 16. Januar 2010 in Aachen*. Kassel, Kassel University Press: 14-31.
- THOM R., 1974: *Modèles mathématiques de la morphogénèse*. Paris, Union générale d'éditions.
- THOMPSON D'A.W., 1926 [1969]: «Introduction», in Berg L.S. *Nomogenesis; or, Evolution Determined by Law*. Cambridge, Mass., M.I.T. Press, 1969: xiii-xvi.
- , 1942: *On Growth and Form*. Cambridge, At the University Press.
- VALSINER Ja., 2019: *Ornamented Lives*. Charlotte, Information Age Publishing.

- WEBSTER G., GOODWIN B.C., 1996: *Form and Transformation: Generative and Relational Principles in Biology*. Cambridge, Cambridge University Press.
- WHYTE L.L. (ed.), 1951 [1968]: *Aspects of Form: A Symposium on Form in Nature and Art*. London, Lund Humphries, 1968.
- WILDGEN W., BRANDT P.A. (eds.), 2010: *Semiosis and Catastrophes: René Thom's Semiotic Heritage*. Bern, Peter Lang.

Kalevi Kull
Université de Tartu

Sur les universaux de la *forme organique*

Résumé:

La *forme organique* est une forme nécessaire à la vie. La *forme organique* est à la fois un produit du processus de la vie et ce qui contribue au fonctionnement de la vie. En considérant la *forme organique* comme un concept de la sémiotique générale, on peut affirmer que diverses disciplines académiques, y compris la linguistique et l'histoire de l'art, peuvent contribuer à son étude. L'article analyse les principes de l'*architecture organique* formulés par K. Alexander comme les universaux de la *forme organique*.

Mots-clés: biosémiotique, K. Alexander, *architecture organique*, morphologie, romantisme, sémiosphère

Kalevi Kull
University of Tartu

About universals of the *organic form*

Abstract:

The *organic form* is that which is essential for life. The *organic form* is both a product of the life process and a contributor to the functioning of life. Considering the *organic form* as a concept of general semiotics, it can be argued that various academic disciplines, including linguistics and the history of art, can contribute to its study. This article analyzes the principles of *organic architecture* formulated by K. Alexander as universals of the *organic form*.

Keywords: biosemiotics, K. Alexander, *organic architecture*, morphology, Romanticism, semiosphere

Sur le tournant visuel (eurasiste et en général)

Michaïl MAIATSKY
Université de Lausanne

Résumé:

Dans cette laconique réplique, faisant écho à un bref passage de l'ouvrage de P. Sériot, l'auteur indique les correspondances thématiques entre les eurasistes et certains de leurs contemporains, notamment en ce qui concerne le dit «tournant visuel» qui a marqué certains domaines scientifiques dans les années 1910-1920. Cela confirme la thèse avancée par P. Sériot selon laquelle les eurasistes, malgré toutes leurs particularités, faisaient bel et bien partie intégrante du paysage intellectuel européen (ou plutôt justement «eurasiste») de l'époque.

Mots-clés: tournant visuel / scopique, eurasisme, intuition / spéculation vs concept

L'activité scientifique est ainsi l'image de la révélation, de ce qui s'impose au regard. En regardant une carte, les écailles tombent des yeux de ceux qui veulent bien apprendre à *voir autrement*¹.

La science synthétique eurasiste avait pour finalité d'embrasser la géo-réalité donnée par un *regard* censé dépasser et réunir toutes les analyses possibles. Le concept (par définition partiel et rationnel) devait céder la place à une approche sur-rationnelle, puisque *spéculative*, à la fois visuelle et intuitive, la seule capable de saisir la réalité dans son ensemble. Un nombre impressionnant des citations glanées par Patrick Sériot démontre cette prééminence donnée à la vue. En voici quelques exemples: «il faut savoir englober dans un seul et même regard le milieu socio-historique et le territoire qu'il occupe»²; «la possibilité de voir, comme à travers un "cristal magique", l'espace dans toutes les directions»³; «la capacité de voir ce qui autrefois restait dans l'ombre»⁴. Patrick Sériot arrive logiquement à Platon, avec, à l'arrière-plan, son idée que, à la différence de l'Occident, dans l'espace culturel russe Platon est resté plus important qu'Aristote: «Pour Platon, l'image sensible dépend ontologiquement de son modèle intelligible; cela n'implique pas sa ressemblance, mais sa déficience»⁵.

On s'approche, là, de la raison de mon choix de la citation à gloser: pendant que P. Sériot travaillait sur son ouvrage, dans la deuxième moitié des années 1990, j'avançais péniblement dans ma thèse que j'ai finalement soutenue en 2002. Sortie trois ans plus tard sous le titre tapé à l'œil de *Platon penseur visuel*, la thèse avait été, à l'origine, intitulée de façon moins alléchante, mais plus précise, *L'oeil de l'âme: recherches sur les métaphores visuelles de la connaissance chez Platon*⁶. Pour le texte de cet article, je ne retiendrai que deux points de croisement de nos ouvrages respectifs.

1. En effet, Platon rejette l'image sensible et déficiente en faveur de son modèle, *paradeigma*, ou son *idea* intelligible. C'est bien connu. Ce qui l'est un peu moins, c'est que l'intelligence elle-même (celle qui est censée être *opposée* à la vision, imparfaite et cause d'illusions) est pensée et surtout formulée chez Platon en des termes également visuels! La formule platonicienne serait en gros celle-ci: la vue, la vision étant le sens corporel supérieur (ou le moins imparfait), on peut dire que, s'étant affranchie du corporel, la raison (*noûs*) «*voit*» les idées. Ce sont les guillemets qui sont importants ici: c'est une «*comme-si-vision*». De la vision corporelle (et littérale), il fallait s'élever vers la «*vision*» spirituelle (et métaphorique). Cette métaphorique sera déterminante pour toute l'épistémologie postérieure. Quant à l'apprentissage de cette nouvelle vision, P. Sériot a donné à son sous-chapitre le titre «*une pédagogie du regard*», tandis que moi, j'ai intitulé deux

¹ Sériot 1999 [2012: 253].

² Савицкий 1927; cité d'après Sériot 1999 [2012: 251].

³ Савицкий 1931; cité d'après Sériot 1999 [2012: 253].

⁴ *Евразийство* 1926; cité d'après Sériot 1999 [2012: 253].

⁵ Sériot 1999 [2012: 255].

⁶ Maiatsky 2005.

sous-chapitres «spectacle, gloire, éducation» et «le visible comme incitation à l'invisible».

2. Bien sûr, l'importance de la visualité chez Platon est connue des platonisants. Tellement connue qu'ils croient (et c'est une faute épistémique fréquente) que «ça a toujours été connu», puisque c'est dit chez «Platon lui-même». Je me suis intéressé à cette fausse «éternité», et j'ai résumé mes découvertes dans la partie de l'introduction que j'ai intitulée «Pour une histoire de la visualité platonicienne». Il aurait fallu mettre en italique le mot *histoire*, parce que mon idée consistait justement à historiser la lecture de Platon. J'ai découvert que, loin d'être «toujours là», la visualité platonicienne a été un produit très tardif (somme toute, assez récent), puisque c'est au milieu des années 1920 (avec quelques signes précurseurs remontant jusqu'en 1914) que naît la lecture «scopique» de Platon, qui fait partie d'un «tournant visuel» plus large. Avant, personne n'avait jamais fait quelconque cas d'une visualité chez Platon. Mais, au milieu des années 1920, des penseurs qu'il est difficile de soupçonner d'être influencés l'un par l'autre, comme John Dewey et Martin Heidegger, parlent, avec des références à Platon, de la vue comme d'une alternative souhaitable face à la tendance analytique, discursive et rationnelle (c'est le positivisme et le néo-kantisme qui sont visés). Même la phénoménologie husserlienne se «redécouvre» à ce moment-là, c'est-à-dire plus de 20 après sa fondation, comme une philosophie foncièrement visuelle et du coup très platonicienne (les débats s'ouvrent en ce moment s'il faut juger ce fait positivement ou non).

D'ailleurs, après avoir soutenu ma thèse, j'ai continué mes recherches dans cette historisation et cette *archéologisation* paradoxale (parce qu'elle concerne des temps pas si lointains) des études platoniciennes ou, il vaut mieux dire, de l'imaginaire platonologique. J'ai trouvé tout un phénomène oublié sinon refoulé de cet imaginaire: le culte de Platon auquel se vouaient les membres de l'association groupée autour du poète allemand Stefan George («George-Kreis»). Ce culte avait pour effet secondaire une activité de recherche assez frénétique: des livres et des articles ont été produits en une quantité impressionnante. Ce qui est particulier dans cette histoire, c'est qu'ils sont aujourd'hui pratiquement tous oubliés et en tout cas pas cités, mais leur impact est très grand. De nombreux thèmes développés par la partie platonisante du George-Kreis ont été accueillis et absorbés par les études platoniciennes universitaires actuelles – dont la visualité platonicienne! En effet, *die Schau* ('vue', 'vision', 'contemplation') est un des concepts-clé de l'idéologie et de l'esthétique georgéennes, et ce terme sert de véritable devise dans le combat que le George-Kreis livre au positivisme universitaire. *Die Schau* est seule capable de résister et de s'opposer efficacement aux *Begriffe*, donc la vue aux notions.

L'analyse de P. Sériot montre que les eurasistes faisaient partie intégrante de ce tournant visuel paneuropéen (en le transformant en *paneurasiste*) et qu'ils ne vivaient donc pas, comme il le dit ailleurs, sur une autre planète que leurs collègues occidentaux.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

- MAIATSKY M., 2005: *Platon penseur du visuel*. Paris, L'Harmattan.
- SÉRIOT P., 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- *ЕВРАЗИЙСТВО*, 1926: *Евразийство. Опыт систематического изложения*. Париж, Издание евразийцев. [L'eurasisme. Essai d'exposé systématique]
- САВИЦКИЙ П.Н., 1927: *Географические особенности России*, т. I. Прага, Евразийское книгоиздательство. [Les particularités géographiques de la Russie]
- , 1931: «Оповещение об открытии (Евразия в лингвистических аспектах)», in *Евразия в свете языкознания*. Прага, Издание евразийцев: 1-6. [Information sur une découverte (l'Eurasie dans ses caractéristiques linguistiques)]

Михаил Маяцкий
Лозаннский университет

О визуальном повороте (евразийском и в общем смысле)

Аннотация:

В этом лаконичном тексте – реплике на отрывок из работы П. Серио – мы указываем на тематические соответствия между евразийцами и некоторыми их современниками, особенно в отношении так называемого «визуального поворота», который отмечался в некоторых научных направлениях в 1910-1920-ых гг. Это подтверждает выдвинутый П. Серио тезис о том, что, несмотря на все их особенности, евразийцы действительно составляли часть европейского (точнее, «евразийского») интеллектуального ландшафта того времени.

Ключевые слова: визуальный / скопический поворот, евразийство, интуиция / спекуляция vs концепт

Michail Maiatsky
University of Lausanne

On the visual turn (Eurasian and in general)

Abstract:

In this laconic article, echoing a brief passage in P. Sériot's work, we indicate the thematic correspondences between the Eurasianists and some of their contemporaries, especially with regard to the so-called "visual turn" that marked some academic fields in the years 1910-1920. This confirms the thesis advanced by P. Sériot that Eurasianists, despite all of their peculiarities, were indeed an integral part of the European (or rather "Eurasian") intellectual landscape of the time.

Keywords: visual / scopic turn, Eurasianism, intuition / speculation vs concept

О «закрытости культур»... и «литературном билингвизме»

Маргарита МАКАРОВА
Лозаннский университет

Аннотация:

Вопреки стремлению евразийцев к разграничению «западной» и «незападной» культур, в настоящее время в лингвистике, литературоведении и других областях гуманитарного знания отмечается стирание границ между ними – в частности, при изучении авторов-билингвов. В данной статье проводится критический анализ результатов диссертационной работы *Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина)*, подготовленной К.В. Балеевских – одной из российских исследовательниц, занимающихся так называемым литературным билингвизмом.

Ключевые слова: евразийство, литературный билингвизм, интерференция, стиль

Исходя из мысли о невозможности и бесплодности универсальной культуры, Трубецкой утверждает, что культуры должны быть «национально ограниченными»¹. Эти отдельные культуры являются органическими сущностями или «целостностями»: Савицкий и Трубецкой называли их «системами». При этом Трубецкой утверждал, что эти системы чужды друг другу: ведь каждая система внутренне едина, единственна и в другие системы непереводима [...]»².

В книге *Структура и целостность* П. Серию комментирует взгляды представителя евразийского движения Н.С. Трубецкого, который считал, в частности, что и «западная», и «незападная» «культуры» являются уникальными и самобытными, тогда как «заимствования из западной культуры имеют отрицательные последствия для незападных народов»³. Как можно воспринимать утверждения подобного рода сегодня – прежде всего, в контексте современного академического гуманитарного знания? С одной стороны, такие понятия, как *культура* и *народ* в научных работах должны получать определения; с другой стороны, в «парадигме» сегодняшнего гуманитарного знания само суждение Трубецкого о закрытости и ограниченности систем воспринимается критически – например, в свете работ о «литературном билингвизме», подразумевающем взаимопроникновение двух языковых «культур» (для Трубецкого понятия языка и культуры были связаны). Однако если современные исследования литературного билингвизма противоречат логике мыслей Трубецкого о «закрытости культур», некоторые особенности его рассуждений остаются свойственными и соответствующему современному научному дискурсу.

В нашей статье мы покажем это на примере одной из недавних работ – как нам кажется, достаточно характерной для сегодняшних исследований, посвященных «литературному билингвизму» и ведущихся в России. Речь пойдет об автореферате кандидатской диссертации⁴ К.В. Балеевских, преподавателя перевода (французский – русский языки) на кафедре теории языка и перевода Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. Работа носит название *Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина)*, она была выполнена на кафедре иностранных языков и литератур того же университета и защищена в ноябре 2002 года.

---

¹ Трубецкой 1923: 111.

² Серию 2001: 68.

³ *Ibid.*

⁴

Как известно, автореферат представляет саму диссертационную работу; однако в будущем – в более развернутом исследовании – мы предполагаем обратиться и к анализу этого диссертационного текста как такового, сравнивая его с другими аналогичными работами.

В самом начале общей характеристики своей работы автор обозначает границы исследования: анализ творчества писателя А. Макина с «лингвистических и культурологических позиций»⁵. Впоследствии слово *культура* и его производные не раз появляются в тексте автореферата: «представитель двух культур»⁶, «присутствия российских культурных реалий»⁷, «воздействие двух культурных систем»⁸, «конфликт двух культурологических систем»⁹, «культурологические аллюзии»¹⁰. Но как определить русскую или французскую культуру, как понять, есть ли у них четкие границы и кого можно считать их представителями? Можно ли рассматривать культуру как систему, по примеру Б. Малиновского¹¹? Ответа на эти вопросы анализируемая работа не дает.

Исследуя творчество А. Макина, К.В. Балеевских говорит и о различии русского и французского «менталитетов»; при этом она опирается на тексты, написанные на соответствующих языках. В последнее десятилетие появилось не только множество работ о «менталитете» и «картине мира»¹² в рамках популярной сегодня в России лингвокультурологии, но и критика в отношении этого раздела науки¹³. Сколько – и как именно – нужно обработать текстов на определенном языке, чтобы всеобъемлюще изучить «национальный менталитет»? С намерением выявить «представления обоих народов друг о друге и о себе»¹⁴ К.В. Балеевских анализирует работы живших в разные эпохи авторов, которых можно отнести к различным областям гуманитарного знания; при этом она не объясняет критерии своего выбора. Приведем лишь некоторые имена: Д.С. Лихачев (1906-1999), И.А. Ильин (1883-1954), Г.Д. Гачев (1929-2008), В.В. Воробьев (1929-2003), С.Г. Тер-Минасова (род. в 1938), А. де Кюстин (1790-1857), А. Фулье (1838-1912) и В.В. Ерофеев (1938-1990).

Многое из того, о чем идет речь в работе К.В. Балеевских, уже обсуждалось в прошлом – хотя сама исследовательница на это не указывает. Так, к примеру, говоря о противопоставлении «французского рационализма» «русскому иррационализму» (К.В. Балеевских пишет о них), можно провести параллель с принципом сравнения «национальных характеров» и их зависимости от политического строя, религии и климата Ж. де Сталь (например, веселость, изящество и безупречность вкуса французов уже более двух веков назад противопо-

---

⁵ Балеевских 2002.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*: 4.

⁸ *Ibid.*: 8.

⁹ *Ibid.*: 12.

¹⁰ *Ibid.*: 20.

¹¹ Malinowski 1944 [2009].

¹² Среди самых недавних – Линь 2018; Петрова 2017.

¹³ Прожилов 2015.

¹⁴ Балеевских 2002: 13.

ставлялись их отсутствию у остальных наций из-за различий в формах правления)¹⁵. А разница в климате влияет, по мнению де Сталь, на поведение народов и устройство национального мышления¹⁶.

Интересно, что в анализируемой работе практически не заходит речь об анализе содержания романов А. Макина. Например, русские реалии, имена собственные или особенности «национального колорита»¹⁷ могут быть связаны, прежде всего, с темой произведений, а не с принадлежностью Макина к «русской культуре» (как выходца из России, наделенного «русским менталитетом»). Возможно, присутствие «русского» в его книгах связано с намерением автора поделиться с читателем своими историко-политическими взглядами на Россию; в романе *Дочь Героя Советского Союза*, например, он напрямую делать этого не хочет: объяснение заимствованных слов, советских имен и т.п. предоставлено вымышленной переводчице Франсуазе Бур (Françoise Bour)¹⁸.

Что же касается понятия билингвизма (или двуязычия, рассматриваемого как ему синонимичное)¹⁹, по утверждению исследовательницы, литературный билингвизм не достаточно хорошо изучен, особенно в русскоязычной научной литературе²⁰. С другой стороны, она ссылается на труды о нелитературном билингвизме, говоря о таких «законах», как, например, интерференция, применительно к литературе²¹. Именно русский субстрат, пишет К.В. Балеевских, обуславливает появление синтетических черт во французском языке А. Макина: «наличие инверсии подлежащего, безличных оборотов [...], глагольных цепочек, инфинитивных конструкций, субстантивированного инфинитива, пропуска глагола-связки, тире, вопросов-инверсий, явлений сегментации, употребления наречий [...]»²². Во введении к диссертации исследовательница отмечает, что Ю.Д. Дешериев (1918-2005), И.Ф. Протченко (1918-2004) и А.В. Федоров (1906-1997), исследователи не только обычного, но и писательского билингвизма, говорят о возможности свободного владения языками не только в устной, но и в письменной речи. Однако большинство лингвистов, согласно К.В. Балеевских, рассматривают интерференцию в художественной литературе как нарушение стилистической нормы. У. Вайнрайх, на работы которого К.В. Балеевских опирается в первую очередь, приводит примеры нескольких типов интерференции (фонетической, грамматической,

---

¹⁵ Де Сталь 1989: 243.

¹⁶ De Staël 1807: 217.

¹⁷ Балеевских 2002: 20.

¹⁸ McCall 2006.

¹⁹ Как отмечается в автореферате, классификация билингвизма, а также обзор литературы на эту тему, представлены непосредственно в тексте диссертации.

²⁰ Граница между *литературным* и *повседневным письменным языком* в работе К.В. Балеевских не проведена; эти понятия оказываются для нее взаимозаменяемыми.

²¹ Формулировка этого «закона» автореферат не содержит.

²² Балеевских 2002: 19.

лексической и т.д.) в устной речи²³. В само название его главного труда (*Languages in Contact: Finding and Problems*) вынесена идея языкового контакта, а метод исследования включает в себя преимущественно работу с информантами. Однако К.В. Балеевских, говоря об особенностях французского литературного языка А. Макина (в одном из положений диссертации, вынесенных на защиту, утверждается, что «лингвокультурный компонент» литературного языка Макина вносит в него «определенное своеобразие»²⁴), не обращается к проблеме «индивидуального стиля», который, в отличие от языка [*langue*], реализующегося в речи [*parole*], с трудом поддается классификации²⁵. Именно поэтому проявление интерференции в книгах писателя не будет эквивалентно проявлению интерференции на письме у билингва, специально литературным творчеством не занимающегося. В очередной раз, введение необходимых определений («индивидуальный стиль», «язык» и т.д.) позволило бы уточнить многие исследовательские проблемы еще до постановки основных вопросов исследования.

Несомненная заслуга работы К.В. Балеевских – в попытках исследовательницы проанализировать творчество А. Макина как «литературного билингва», подразумевающее – вопреки тому, о чем писала Трубецкой, – незамкнутость и открытость «культур». Однако наличие более точных определений хотя бы для наиболее часто упоминаемых в тексте понятий (что понимается под *культурой*? *менталитетом*? *сознанием*? и т.д.) кажется необходимым²⁶. В этом смысле обращение

²³ Cf. Weinreich 1963 [1970].

²⁴ Балеевских 2002: 4.

²⁵ Зенкин 2018: 190-227. Одной из задач диссертации было проследить «языковые прогрешности» в грамматике и синтаксисе текстов А. Макина. Исследовательница отмечает использование тире, отсутствие сказуемого или разделение предложения на два независимых, второе из которых вводится союзом *и* и не имеет главного члена предложения (Балеевских 2002: 18). При этом, правда, К.В. Балеевских считает, что во французском языке такие случаи возможны, хоть и редки – здесь она опирается на *Сравнительную типологию французского и русского языков* В.Г. Гака (Гак 1977 [2010]). Отметим, однако, что типология Гака включает анализ литературных текстов на русском (11 текстов) и французском языках (27 текстов) XIX и XX веков и их переводов, причем до 1970-х гг. Если учесть, что семь романов А. Макина, перечисленных в начале автореферата, появились в печати с 1990 по 2001 гг., возможно ли применить к текстам А. Макина такое общее понятие нормы французского языка? Норму Гак определяет как «совокупность конкретных, закрепленных обычаем форм означаемого», а нарушения нормы – как «ошибки, которые [...] создают представление о неправильности речи» (*ibid.*: 20). (Интересно, что среди французских книг, анализируемых Гаком, фигурирует роман *Розы в кредит* Э. Триоле, французской писательницы русского происхождения, такого же «литературного билингва», как и А. Макин.)

Каждый раз, когда К.В. Балеевских употребляет такие наречия, как *типично*, *часто*, *редко* и оценочные слова *своеобразие* (Балеевских 2002: 4), *положительное*, *оригинальность* (*ibid.*: 5), возникает вопрос, где находится, по ее мнению, «отметка» нормы, и существует ли она в принципе. В отличие от Гака, к статистическим методам для ее установления она не прибегает.

²⁶ Возможно, этого можно было бы избежать при более широком освещении диссертации. Практически все конференции, на которых была представлена работа, проходила в Ярославле – за исключением одной, которая состоялась в Москве. Упоминаемые в авто-

к книге П. Серио, в которой анализируются работы, написанные почти столетие назад, позволяет задуматься о том, насколько определенные черты научного дискурса в гуманитарных науках меняются во времени – даже при постановках совсем других проблем, порой противоположных тем, которые обсуждались евразийцами.

© Маргарита Макарова

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАЛЕЕВСКИХ К.В., 2001a: «Писатель-билингв: свой среди чужих?», in *Ярославский педагогический вестник: Научно-методический журнал*, 2001, 3/4: 15-20.
- , 2001b: «Писатель-билингв: смена языка – смена культуры?», in *Лингвистические и лингводидактические исследования в контексте межкультурной коммуникации*, Материалы конференции факультета иностранных языков ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Ярославль, Издательство ЯГПУ: 13-15.
- , 2001c: «Русский французский писатель Андрей Макин», in *Язык, политика и литература: психолингвистический аспект. Сборник научных трудов*. Ярославль: 87-96.
- , 2002: *Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (https://vivaldi.nlr.ru/bd000036706/details/embed?show_access=true&show_actions=true&show_signin=true&page=; сайт просмотрен 14.06.2019).
- БАЛЕЕВСКИХ К.В., АФАНАСЬЕВА Л.В., 2002: «Некоторые особенности перевода на русский язык романа Андрея Макина *Французское завещание*», in *Essais sur le discours de l'Europe élatée*, 2002, 18: 64-74.
- ГАК В.Г., 1977 [2010]: *Сравнительная типология французского и русского языков*. Учебник. Москва, Книжный дом «Либроком», 2010.
- ДЕ СТАЛЬ Ж., 1989: *О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями*. Москва, Искусство.
- ЗЕНКИН С.Н., 2018: *Теория литературы: проблемы и результаты*. Москва, НЛО.
- ИГНАТЬЕВА К.В., 1998: «Лингвистические и композиционные особенности романа А. Макина *Французское завещание*», in *Тезисы докладов 6-й конференции молодых ученых*, ч. 2. Ярославль, Издательство ЯГПУ: 318-319.
- , 2000: «Феномен Андрея Макина: ключ к проблеме билингвизма?», in *Языковое сознание: содержание и функционирование, XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1-3 июня 2000 г.* Москва: 94-95.
- ЛИНЬ Е., 2018: «Ментальность и неологическая картина мира (на материале тамбовских СМИ)», in *Неофилология*, 2018, 15 (<https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnost-i-neologicheskaya-kartina-mira-na-materiale-tambovskih-smi>; сайт просмотрен 13.06.2019).
- ПЕТРОВА Л.Н., 2017: «Различия языковой ментальности», in *Вестник ВУиТ*, 2017, 2 (<https://cyberleninka.ru/article/n/razlichiya-yazykovoy-mentalnosti>; сайт просмотрен 13.06.2019).

- ПРОЖИЛОВ А.В., 2015: «Лингвоконцептология: триумфальный подъем или бег по “Языковому кругу”?», in *Политическая лингвистика*, 2015, 1 (<https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokontseptologiya-triumfalnyu-podem-ili-beg-po-yazykovomu-krugu>; сайт просмотрен 15.05.2019).
- СЕРИО П., 2001: *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг.* Москва, Языки славянской культуры (перевод: Н.С. Автономова).
- ТРУБЕЦКОЙ Н.С., 1923: «Вавилонская башня и смешение языков», in *Евразийский временник*, 1923, 3: 101-124.
- DE STAËL G., 1807: *Corinne ou l'Italie*, t. I, l. VI. Paris, La librairie stéréotype.
- MALINOWSKI B., 1944 [2009]: *A Scientific Theory of Culture and Other Essays*. London, Routledge, 2009.
- MCCALL I., 2006: «Translating the pseudotranslated: Andreï Makine's *La Fille d'un héros de l'Union soviétique*», in *Forum for Modern Language Studies*, 2006, 42 (3): 287-297 (<https://doi.org/10.1093/fmls/cql013>); сайт просмотрен 16.05.2019).
- WEINREICH U., 1963 [1970]: *Language in Contact: Finding and Problems*. The Hague, Mouton, 1970.

Margarita Makarova
Université de Lausanne

Sur la «fermeture des cultures»... et le «bilinguisme littéraire»

Résumé:

Contrairement à la volonté des eurasistes de distinguer entre les cultures «occidentale» et «non occidentale», on remarque actuellement dans la linguistique, l'analyse littéraire et d'autres domaines des sciences humaines une volonté d'effacer les frontières entre elles, en particulier lors de l'étude d'auteurs bilingues. Cet article propose une analyse critique des résultats de la thèse *La langue en tant qu'explication de l'expérience culturelle d'un écrivain bilingue (A. Makin)* rédigée par K.V. Baleevskix, une chercheuse russe qui étudie ce qu'on appelle le bilinguisme littéraire.

Mots-clés: eurasisme, bilinguisme littéraire, interférence, style

Margarita Makarova
University of Lausanne

On “closed cultures”... and “literary bilingualism”

Abstract:

Contrary to the desire of Eurasianists to distinguish between “Western” and “non-Western” cultures, linguistics, literary criticism and other areas of the humanities are able, at present, to speak about the disappearance of boundaries between them – in particular in cases where bilingual authors are at the focus of a study or discussion. This article provides a critical analysis of the results of the PhD work *Language as an Explication of the Cultural Experience of a Bilingual Writer (A. Makin)*, prepared by K.V. Baleevskix, a Russian researcher studying the so-called literary bilingualism.

Keywords: Eurasianism, literary bilingualism, interference, style

«Sur le problème ukrainien»: une discussion entre Nikolaj Trubeckoj et Dmytro Dorošenko

Yuliya MAYILO
Université de Lausanne

Résumé:

Nikolaj Trubeckoj a publié l'article «Sur le problème ukrainien» en 1927. Cet article, qui traitait des influences et des liens historiques russo-ukrainiens, posait, entre autres, la question de la langue littéraire ukrainienne. Rédigé à l'époque de l'ukrainisation en URSS et après des tentatives d'établissement d'un État ukrainien indépendant, cet article suscita les critiques de représentants de la diaspora ukrainienne. L'un des auteurs de ces critiques fut l'historien et homme politique Dmytro Dorošenko. À son tour, Trubeckoj répondit à l'article de Dorošenko en expliquant plus en détail son attitude relative au «problème ukrainien». Dans cet article, nous aborderons les thèses principales de cette discussion dans son contexte historique.

Mots-clés: «culture ukrainienne», «culture pan-russe», langue littéraire ukrainienne, N.S. Trubeckoj, D.I. Dorošenko

Relativiste et partisan du respect de toutes les cultures, il [N.S. Trubeckoj. – Yu.M.] déniait aux Ukrainiens le droit d'avoir une langue de culture¹.

Dans son livre *Structure et totalité*, Patrick Sériot mentionne la discussion portant sur l'Ukraine entre Nikolaj Trubeckoj et l'historien et homme politique ukrainien Dmytro Dorošenko (1882-1951)². La discussion a commencé avec l'article de Trubeckoj «Sur le problème ukrainien», écrit en 1926 et publié en 1927, auquel Dorošenko a réagi par son propre article, avant que Trubeckoj n'écrive, à son tour, une réponse à Dorošenko³.

Il est intéressant d'examiner les détails de cette discussion et son contexte historique afin de comprendre la position de Trubeckoj concernant l'Ukraine, son histoire et sa langue.

Trubeckoj et Dorošenko étaient tous deux des aristocrates et ils ont émigré en Europe occidentale après la révolution de 1917. Avant son émigration en 1919, Dorošenko était membre du Parlement ukrainien, la *Central'na Rada*⁴ (1917), et ministre des Affaires étrangères de l'Hetmanat⁵ (1918). Après son départ, Dorošenko mena des recherches dans des établissements scientifiques et éducatifs, organisés à l'étranger par les émigrés ukrainiens, comme l'Université libre ukrainienne, l'Académie libre ukrainienne des sciences et l'Institut scientifique ukrainien à Berlin⁶. Dorošenko était engagé dans des travaux scientifiques historiques et enseigna l'histoire dans des universités en Autriche, en Tchécoslovaquie, en Allemagne, en Pologne et au Canada.

Le débat entre Trubeckoj et Dorošenko eut lieu quelques années seulement après la fin de la guerre civile en Russie et la brève existence d'un État ukrainien indépendant. En 1922, l'Union des républiques socialistes soviétiques fut formée et engloba l'Ukraine parmi ses républiques.

1. L'INFLUENCE DE LA «CULTURE UKRAINIENNE» SUR LA «CULTURE PAN-RUSSE»

Trubeckoj commence son article par l'analyse des réformes du tsar Pierre le Grand, qui visaient à européaniser la Russie. Les Ukrainiens participèrent activement à ce processus d'européanisation. Ayant fait antérieurement partie de la Pologne-Lituanie, ils étaient les porteurs des idées euro-

¹ Sériot 1999 [2012: 17].

² *Ibid.*: 93.

³ Трубецкой 1928.

⁴ La *Central'na Rada* était l'organe représentatif des Ukrainiens, et subséquentement le Parlement de la République populaire ukrainienne, qui fonctionna de 1917 à 1918. Le 22 janvier 1918, la *Central'na Rada* a proclamé l'indépendance de la République populaire ukrainienne.

⁵ L'*Hetmanat* ou, selon le nom officiel, l'État ukrainien, c'est l'État qui exista en 1918 sous la forme d'une monarchie constitutionnelle, avec, à sa tête, l'hetman Pavlo Skoropads'kyj (1873-1945).

⁶ Ohloblyn 2001.

péennes en Moscovie. Trubeckoj a écrit sur l'influence importante de la «culture» et du système d'enseignement ukrainiens sur la formation d'une «culture pan-russe»⁷ et sur le fait qu'elle a effectivement «détruit» l'ancienne «culture grand-russienne»: «C'est ainsi que mourut la vieille culture grand-russienne, moscovite, sous le règne de Pierre le Grand. La culture qui depuis cette époque vit et se développe en Russie est le prolongement organique et direct non pas de la culture moscovite, mais de la culture kiévienne, ukrainienne»⁸.

Trubeckoj a décrit en détail en quoi consistait l'influence des Ukrainiens sur la création d'une nouvelle langue et d'une nouvelle «culture» grand-russiennes. Cela inclut l'influence sur la réforme de l'Église, qui a été réalisée par Pierre Ier. En outre, l'Ukraine, ayant son propre système scolaire et universitaire, dirigeait les personnes éduquées vers Moscou pour accélérer l'eupéanisation de la Russie:

L'attitude envers la religion et l'évolution de la pensée ecclésiastique et théologique devaient naturellement se fondre dans la tradition russe occidentale, une fois que la version russe occidentale de la liturgie fut reconnue comme seule correcte sous le patriarcat de Nikon, que l'Académie Mohylev de Kiev⁹ devint le foyer pan-russe des plus hautes lumières spirituelles, au point que la majorité des dignitaires de l'Église russe furent pendant longtemps issus de cette Académie. C'est aussi à la tradition russe occidentale qu'était redevable la pédagogie après Pierre le Grand [...] ¹⁰.

2. L'INTERDICTION DE L'UKRAINIEN ET L'UKRAINISATION

Dorošenko a nié dans sa réponse une quelconque influence significative de la «culture ukrainienne» sur la «culture pan-russe»¹¹. Selon lui, l'unité avec la Moscovie s'est terminée pour l'Ukraine avec l'interdiction de la langue ukrainienne et par le départ de personnalités talentueuses de culture vers Moscou: «Pour l'Ukraine elle-même, ce flux des forces culturelles vers le

---

⁷ Pour Trubeckoj la culture pan-russe est «la culture russe de l'époque post-pérovienne» qui a été formée sous l'influence ukrainienne: «[...] la création d'une culture pan-russe dans la période post-pérovienne a eu pour base l'ukrainisation de la Grande-Russie, [...] cette culture pan-russe n'a des liens de continuité qu'avec la culture russe occidentale, ukrainienne, d'avant Pierre le Grand, et non avec l'ancienne culture grand-russienne, dont la tradition a été interrompue à la fin du XVIIe siècle. On ne peut nier ce fait absolument évident que les Ukrainiens ont pris une part active non seulement à la création, mais encore au développement de cette culture pan-russe [...]» (Troubetzkoy 1927 [1996: 161-162]).

⁸ *Ibid.*: 155. Dans cet article, nous citons Trubeckoj traduit du russe par P. Sériot. Les citations de Trubeckoj pour lesquelles aucune traduction française n'a été trouvée, ainsi que toutes les citations de Dorošenko, sont traduites par nous.

⁹ L'Académie Mohyla de Kiev est une institution éducative historique, fondée en 1615 en tant qu'école des frères de Kiev, qui a obtenu plus tard le statut d'académie, ce qui correspondait au statut des universités européennes de l'époque, comme celle de Cracovie. Le nom Mohyla donné à cet établissement provient du nom du fondateur de l'académie, le métropolite orthodoxe Petro Mohyla (1596-1646). – *Yu.M.*

¹⁰ Troubetzkoy 1927 [1996: 157-158].

¹¹ Дорошенко 1928.

nord, ainsi que les mesures prohibitives par rapport à la culture ukrainienne (la limitation de la typographie et l'interdiction d'imprimer toute sorte de livres en ukrainien en 1720), n'a eu évidemment que des conséquences négatives [...]»¹².

Trubeckoj a donné également une évaluation négative de l'interdiction de la langue ukrainienne, car elle a provoqué une réaction opposée à celle souhaitée ou prévue, à savoir, au lieu d'une transition complète vers la langue russe et au lieu de se percevoir en tant qu'une partie de la «culture pan-russe», les Ukrainiens ont commencé à s'y opposer¹³: «En forçant les Ukrainiens à oublier qu'ils ne sont pas seulement des Russes, mais également des Ukrainiens, le gouvernement russe pré-révolutionnaire a violé la nature, et une telle violence ne pouvait pas aboutir à ses fins, car "chasse la nature par la porte, elle reviendra par la fenêtre"»¹⁴.

Trubeckoj percevait l'interdiction de la langue ukrainienne comme la raison pour laquelle les Ukrainiens tentaient de répondre par des mesures similaires en ce qui concerne la langue russe: «Actuellement, l'erreur inverse est en train d'être commise: le gouvernement ukrainien contemporain, en accord avec les nationalistes extrémistes ukrainiens, force les Ukrainiens à oublier qu'ils ne sont pas seulement des Ukrainiens, mais également des Russes»¹⁵.

Ici, Trubeckoj a commenté la politique linguistique de l'ukrainisation en URSS¹⁶, qui a commencé en décembre 1919¹⁷ et se poursuivait dans les années 1920. Cette politique a été dictée par la nécessité de rendre populaires les autorités bolcheviques en Ukraine¹⁸, en particulier parmi les paysans qui, pendant la guerre civile, avaient soutenu l'Armée blanche contre-révolutionnaire¹⁹. L'ukrainisation a été confirmée par un grand nombre de décrets²⁰ visant l'emploi actif de l'ukrainien dans les écoles, l'administration, les médias, ainsi que dans les domaines politique et culturel.

Il est possible que l'une des raisons de la rédaction de l'article de Trubeckoj fut la nomination en 1925 de Lazar' Kaganovič comme Premier secrétaire du Parti communiste d'Ukraine. La politique d'ukrainisation de Kaganovič est devenue plus active qu'auparavant. Les résultats de cette po-

---

¹² *Ibid.*

¹³ La résistance était fondée, entre autres, sur le fait que les livres en ukrainien étaient publiés à l'étranger, principalement en Autriche-Hongrie et importés clandestinement en Russie.

¹⁴ Трубецкой 1928.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ Avant l'ukrainisation des années 1920 la République populaire d'Ukraine et l'Hetmanat ont aussi mené une politique d'ukrainisation en 1917-1918 (Данилевська 2009).

¹⁷ Алпатов 2000: 39.

¹⁸ Данилевська 2009: 151.

¹⁹ Martin 2001: 78.

²⁰ *Ibid.*: 80.

litique ont commencé à être contrôlés par les comités d'ukrainisation nouvellement créés par le Parti communiste²¹.

3. L'«ÉTAGE SUPÉRIEUR» ET L'«ÉTAGE INFÉRIEUR» DE LA CULTURE

En écrivant sur les fonctions de la culture, Trubeckoj introduit les concepts d'«étage supérieur» et d'«étage inférieur» de la culture:

Toute culture doit avoir deux composantes, l'une orientée vers son fondement ethnographique concret enraciné dans le peuple, et l'autre vers les hauteurs de la vie spirituelle et intellectuelle. Pour assurer la stabilité et la vitalité de la culture, il faut d'abord un lien organique entre ces deux composantes, et ensuite que chacune accomplisse sa fonction inhérente, c'est-à-dire que celle qui est du côté des racines populaires reflète les traits individuels de son fondement ethnographique concret, et que celle qui est orientée vers les hauteurs spirituelles corresponde aux aspirations spirituelles des plus éminents représentants de la nation²².

Dans le même temps, Trubeckoj s'est délibérément distancié du fait que les termes *supérieur* et *inférieur* pouvaient être perçus comme évaluatifs:

Pour éviter tout malentendu, nous devons immédiatement préciser que nous ne mettons aucun jugement de valeur dans les termes «supérieur» et «inférieur». Non seulement nous ne voulons pas répondre à la question de savoir lequel de ces deux étages a le plus de «valeur», mais encore nous pensons que cette question est mal posée. L'image de l'étage «supérieur» et «inférieur» ne renvoie pas à des degrés différents de perfection ou de valeur culturelle, mais seulement à deux fonctions différentes de la culture. Les degrés de valeur et de perfection ne dépendent pas de ces fonctions, mais de l'activité des créateurs individuels, qu'ils travaillent à l'étage «supérieur» ou «inférieur»²³.

Trubeckoj a estimé que la «culture ukrainienne» pouvait constituer l'««étage inférieur» de l'édifice culturel»²⁴. Mais pour la «haute» culture, les Ukrainiens devaient utiliser la «culture pan-russe», car elle continuait la tradition commune²⁵.

Trubeckoj accordait l'importance de la langue de l'«étage supérieur» de la culture à la langue pan-russe, qui devrait être commune à tous les Slaves orientaux et qui permettrait aux auteurs de talent d'avoir pour leurs œuvres un public aussi grand que possible²⁶.

En ce qui concerne Dorošenko, il a perçu la thèse de Trubeckoj sur «l'étage supérieur» et «inférieur» de la culture comme le retour de la pré-

---

²¹ *Ibid.*: 85-86.

²² Troubetzkoy 1927 [1996: 162].

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.*: 163.

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Ibid.*: 166.

sentation, typique du XIXème siècle, de la littérature ukrainienne comme une «littérature à usage domestique»:

En d'autres termes, le prince Trubeckoj répète la recette de la «littérature à usage domestique» présentée plusieurs fois aux Ukrainiens: qu'ils apprennent l'ukrainien dans les écoles populaires, qu'ils créent une littérature scientifique populaire en ukrainien, développent enfin des belles-lettres ukrainiennes, en particulier une poésie, mais majoritairement tirées de la vie populaire; et tout ce qui se situe au-dessus de l'école populaire et tout ce qui devrait servir les besoins les plus élevés d'une personne instruite, sans parler de la science, tout cela utilise la langue pan-russe²⁷.

Selon Dorošenko, l'utilisation de l'ukrainien uniquement pour des besoins de l'«étage inférieur» pouvait conduire à l'isolement des intellectuels du reste de la population²⁸.

4. LA CULTURE DE L'INTELLIGENTSIA ET DES MASSES POPULAIRES

Trubeckoj a expliqué sa position concernant les différences entre la culture «haute» et la culture «basse» de l'intelligentsia et des masses populaires:

Ce malentendu est l'une des dernières phrases de l'article de D.I. Dorošenko, dans lequel il m'accuse de vouloir ériger une barrière [*sredostenie*] entre l'intelligentsia ukrainienne et les masses populaires ukrainiennes. [...] la revendication d'éliminer cette barrière et l'écart entre l'intelligentsia et les masses populaires constituent l'un des principaux slogans de l'ensemble du mouvement eurasiste. Après tout, si les eurasistes [...] blâment les générations précédentes de l'intelligentsia russe pour avoir suivi aveuglément le culte européen, c'est principalement parce que l'eupéanisation a creusé un gouffre entre le «haut» et le «bas» de la culture russe, aliénant l'intelligentsia des masses populaires, et a ainsi détruit l'ancienne unité culturelle de la totalité nationale russe²⁹.

Trubeckoj a affirmé que les intellectuels ukrainiens tentaient de rendre la langue ukrainienne littéraire aussi éloignée que possible du pan-russe:

Quel que soit le discours du prof. D.I. Dorošenko, la langue scientifique et littéraire ukrainienne a été jusqu'à présent principalement un outil de dissociation de la culture russe. La manière de créer et de développer une terminologie scientifique, un vocabulaire abstrait et spécifiquement hautement littéraire pour l'élite intellectuelle du mouvement ukrainien ne peut être justifiée par aucune autre raison pertinente interne que l'aspiration à se distancier de la culture russe par tous les moyens, à rendre aussi difficiles que possible la communication et la

²⁷ Дорошенко 1928.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ Трубецкой 1928.

découverte [oznakomlenie] mutuelles entre les Ukrainiens et les Grands-Russes éduqués³⁰.

Mais Dorošenko a nié l'idée que la «culture ukrainienne» se développe à l'encontre de la «culture russe»: «La culture ukrainienne a été créée et développée sans aucune hostilité ni opposition à la culture russe; elle a poursuivi des tâches positives indépendantes: passer par l'intermédiaire du national à l'universel [...]»³¹. Dorošenko souligne que la protestation et la différenciation par rapport à la «culture russe» ne sont pas essentielles pour la «culture ukrainienne», mais que c'est une auto-expression dans le cadre de sa propre culture qui est importante. Cela devrait permettre à la «culture ukrainienne» d'exprimer des idées universelles et communes à tous les hommes par le biais de sa propre culture, et non à travers la «culture pan-russe», comme l'a suggéré Trubeckoj.

Trubeckoj et Dorošenko ont convenu que l'héritage pan-russe avait été créé par les deux peuples et était précieux pour les deux. Trubeckoj avait averti que la séparation de l'Ukraine de ce patrimoine aurait des conséquences négatives, et il estimait que le développement de leur propre «haute» culture entraînerait un appauvrissement important des Ukrainiens, dans la mesure où une grande partie de la «culture pan-russe» serait perdue.

Ici Trubeckoj distinguait les langues pan-russe, grand-russe, ukrainienne et biélorusse, considérant que la langue et le patrimoine pan-russes étaient communs aux trois peuples:

Mais si les Grands-Russes considèrent à juste titre Gogol', Potebnja, Kostomarov, etc. non pas comme des étrangers mais comme les leurs, les Ukrainiens ont, après tout, aussi le droit de considérer comme les leurs les auteurs pan-russes Puškin, Tolstoj, Dostoevskij, Mendeleev, Šaxmatov, etc.; car, premièrement, ce contexte général de la culture russe, sans lequel ces créateurs auraient été impossibles, a été créé avec la participation active des Ukrainiens, et deuxièmement, tous ces auteurs ont créé des valeurs culturelles non seulement pour les Grands-Russes, mais pour tous les Russes, considérant comme tels également les Ukrainiens. Pendant ce temps, les Ukrainiens sont maintenant invités à abandonner cette part de l'héritage de la culture pan-russe du XIXème siècle, et se font persuader qu'ils n'ont pas droit à cette part!³²

Du point de vue de Dorošenko, l'Ukraine a sa propre longue histoire culturelle qui ne se sépare pas de l'héritage pan-russe. Dorošenko a souligné que, du côté ukrainien, une telle délimitation n'est pas souhaitable, du moins parmi les personnes instruites:

Même si les Ukrainiens s'étaient fixé un objectif aussi étrange que de se dissocier artificiellement dans le domaine de la culture de tout ce qui est russe, il serait absolument impossible d'y parvenir, car les liens d'origine commune, de religion,

---

³⁰ *Ibid.*

³¹ Дорощенко 1928.

³² Трубецкой 1928.

de cohabitation séculaire se font et se feront toujours sentir. Mais, outre cela, une telle dissociation reviendrait à renoncer à tout le fonds de valeurs culturelles accumulées avec la participation des forces ukrainiennes et liées à l'histoire, à la philologie, à l'hagiographie ukrainiennes, etc. Après tout, on ne peut pas traduire en ukrainien tout ce que Maksimovič, Kostomarov, Potebnja, Antonovič et un nombre infini d'autres spécialistes de l'Ukraine ont écrit en russe³³.

5. L'«INFLUENCE EUROPÉENNE»

Une différence significative entre Trubeckoj et Dorošenko réside aussi dans leur attitude envers l'Europe occidentale et l'influence européenne. Trubeckoj évalue négativement l'influence européenne parce qu'elle a éloigné l'élite des masses populaires:

Plus tard, l'engouement aveugle pour la culture européenne, sécularisée, athée, anti-chrétienne, caractéristique de l'époque post-pétroviennne, a sapé et détruit chez l'élite culturelle de la nation cet ancien pilier de la vie russe hérité des ancêtres, sans le remplacer par quoi que ce soit d'autre. Et, dans la mesure où l'attitude de cette élite culturelle a pénétré les masses populaires avec son rejet des principes orthodoxes, elle y a provoqué une véritable dévastation culturelle³⁴.

En revanche, Dorošenko souligne l'influence positive de l'Europe sur l'Ukraine et l'oppose à «l'autosuffisance» de Moscou:

«Au cours du XVème, du XVIème et de la première moitié du XVIIème siècle, la culture de l'Ukraine et la culture de la Moscovie se sont développées de manière si différente qu'au milieu du XVIIème la différence entre ces deux cultures était devenue extrêmement profonde. La culture de l'Ukraine a déjà assimilé certains éléments de la culture européenne (dans la version polonaise de cette dernière) et a montré une tendance à évoluer dans la même direction, tandis que la culture de la Moscovie portait un caractère prononcé d'europhobie et indiquait une tendance à l'autosuffisance»³⁵.

6. CONCLUSION

Les idées de Trubeckoj sur l'Ukraine exprimées pendant la période de l'ukrainisation en URSS étaient contradictoires. D'une part, il notait l'influence de la «culture ukrainienne» sur la «culture pan-russe» et percevait la composante européenne de la «culture ukrainienne». D'un autre côté, il s'est opposé à ces influences européennes, mais il reconnaissait également que la «culture pan-russe» créée ensemble avec les Ukrainiens était la seule culture acceptable pour les «besoins spirituels supérieurs».

³³ Дорошенко 1928.

³⁴ Troubetzkoy 1927 [1996: 169].

³⁵ Дорошенко 1928.

Contrairement à Trubeckoj, Dorošenko trouvait des points positifs dans l'influence de la «culture européenne». Il affirmait que la «culture ukrainienne» a une base historique solide pour son développement indépendant.

© Yuliya Mayilo

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

- MARTIN T.D., 2001: *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca – London, Cornell University Press.
- OHLOBLYN O.P., 2001: «Doroshenko, Dmytro», in *Internet Encyclopedia of Ukraine* (<http://www.encyclopediaofukraine.com/display.asp?linkpath=pages%5CD%5CO%5CDoroshenkoDmytro.htm>; site consulté le 5.04.2019).
- SÉRIOT P., 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- TROUBETZKOY N.S., 1927 [1996]: «Sur le problème ukrainien (1926)», in Sériot P. (éd.), *L'Europe et l'humanité*. Sprimont, Mardaga, 1996: 153-173.
- АЛПАТОВ В.М., 2000: *150 языков и политика: 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва, Краф. [150 langues et la politique: 1917-2000. Les problèmes sociolinguistiques de l'URSS et de l'espace post-soviétique]
- ДАНИЛЕВСЬКА О.М., 2009: *Мова в революції та революція в мові: мовна політика Центральної Ради, Гетьманату, Директорії УНР*. Київ, Інститут української мови НАН України. [La langue dans la révolution et la révolution dans la langue: la politique linguistique du Tsentralna Rada, de l'Hetmanat, du Directoire de la République populaire ukrainienne]
- ДОРОШЕНКО Д.И., 1928: «“К украинской проблеме”, по поводу статьи Н.С. Трубецкого», in *Павло Гай-Нижник, доктор історичних наук, особистий сайт* (<http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1928.doroshenko.php>; site consulté le 5.04.2019). [«Sur le problème ukrainien», à propos de l'article du prince N.S. Trubeckoj]
- ТРУБЕЦКОЙ Н.С., 1928: «Ответ Д.И. Дорошенко», in *Павло Гай-Нижник, доктор історичних наук, особистий сайт* (http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1928.trubeckoi_otvet.php; site consulté le 5.04.2019). [Réponse à D.I. Dorošenko]

Юлия Маило

Лозаннский университет

**«Об украинской проблеме»:
дискуссия между Николаем Трубецким и Дмитрием Дорошенко**

Аннотация:

Николай Трубецкой опубликовал статью «Об украинской проблеме» в 1927 году. В этой статье, посвященной русско-украинским историческим связям, ставился, в частности, вопрос об украинском литературном языке. Написанная во время украинизации в СССР и после попыток создания независимого украинского государства, эта статья вызвала критику со стороны представителей украинской диаспоры. Среди критикующих был историк и политик Дмитрий Дорошенко. В свою очередь, Трубецкой ответил на статью Дорошенко, более подробно объяснив свое отношение к «украинской проблеме». В статье обсуждаются основные положения этой дискуссии в ее историческом контексте.

Ключевые слова: «украинская культура», «панрусская культура», украинский литературный язык, Н.С. Трубецкой, Д.И. Дорошенко

Yuliya Mayilo

University of Lausanne

**“On the Ukrainian problem”:
a discussion between Nikolaj Trubeckoj and Dmytro Dorošenko**

Abstract:

Nikolaj Trubeckoj published the article “On the Ukrainian problem” in 1927. This article, which deals with Russian-Ukrainian historical influences and links, poses, amongst others, the question of the Ukrainian literary language. Written during the period of Ukrainization in the USSR and after attempts to establish an independent Ukrainian state, this article provoked criticism from representatives of the Ukrainian diaspora. One of the authors of this criticism was the historian and politician Dmytro Dorošenko. Trubeckoj, in turn, responded to Dorošenko’s article by explaining in more detail his attitude to the “Ukrainian problem”. In this article, we will discuss the main theses of this dialogue in its historical context.

Keywords: “Ukrainian culture”, “Pan-Russian culture”, Ukrainian literary language, N.S. Trubeckoj, D.I. Dorošenko

Структура, целостность, организм

Роман МНИХ
Варшавский университет

Аннотация:

В статье представлены размышления Патрика Серियो по поводу русскоязычного заглавия его книги – *Структура и целостность*. Мысли швейцарского ученого рассмотрены в контексте идей Донецкой филологической школы.

Ключевые слова: эпистемология, номинализм, лингвистика и литературоведение, М.М. Гиршман, Донецкая филологическая школа, *структура, целостность*

Наша позиция не предполагает ничего революционного. Мы пытаемся понять, можно ли считать «органическое» и «структуральное» в текстах Трубецкого и Якобсона синонимами, является ли постоянно употребляемое ими слово «организм» метафорой или же их мышление действительно было биологическим. Речь идет о том, чтобы показать, как в пражском структурализме и прежде всего у его прославленных русских представителей возникло, в муках рождалось понятие *структуры* из романтического понятия *целостности* и на фоне третьего понятия – *организма*¹.

Принимая приглашение принять участие в этом сборнике, я планировал написать краткое сообщение, которое отражало бы мои размышления по поводу приведенного выше высказывания из авторского «Введения» к книге Патрика Серию *Структура и целостность*. Упоминаемые в этой цитате три понятия – структуры, целостности и организма – были очень важными не только для лингвистов, но и для литературоведов. Для меня же, связанного с Донецкой филологической школой Михаила Моисеевича Гиршмана, они, кроме всего прочего, напоминали о своеобразном противопоставлении / сопоставлении / соизмерении двух подходов к изучению и интерпретации литературного произведения. Во время моей учебы в аспирантуре в Донецке (конец восьмидесятых – начало девяностых годов прошлого века) понятия структуры и целостности / организма обычно соотносились с именами Юрия Лотмана и Михаила Гиршмана: в Тарту смотрели на литературный текст в большей мере как на структуру, а в Донецке – преимущественно как на целостность / организм. Такая ассоциация (между мыслями П. Серию и идеями М. Гиршмана) была для меня тем более правомерной, что книга последнего, посвященная теории художественной целостности², вышла в том же формате и в той же серии («Языки славянской культуры») что и монография П. Серию, только годом позже.

Однако внимательное чтение книги П. Серию убедило меня в том, что понятия структуры и целостности (и в меньшей мере – организма) имеют для швейцарского ученого принципиально другое значение, нежели в научной парадигме Донецкой филологической школы. Чтобы развеять свои сомнения, я обратился к П. Серию с просьбой ответить на два моих вопроса. 14 марта 2019 года я получил ответы, которые приведены ниже вместе с моими вопросами. Думаю, что ответы самого П. Серию объяснят ситуацию лучше всего.

Р. Мних: Как Вы думаете, что Ваша книга (имеется в виду русский ее перевод) приобрела, а что потеряла в связи с тем, что в заглавии появилось понятие целостности?

---

¹ Серию 2001: 32.

² Гиршман 2002.

П. Серюо: Я думаю, что слово *целостность* имеет смысл для русских и немцев (*Ganzheit*) в гораздо большей степени, чем для носителей французского языка слово *totalité*, которое либо ничего не значит, либо значит *сумма*, либо вызывает коннотации с тоталитарной идеологией. Я написал эту книгу для моих наивных коллег, которые все (да, все!) были либо сталинисты, либо троцкисты, либо маоисты и которые видели мир через неразлучную тройку Фрейд / Соссюр / Маркс. Для моих русских коллег все это звучало дико... Поэтому главная цель книги заключалась в том, чтобы провести мостик между двумя интеллектуальными вселенными, которые полностью игнорировали или не понимали друг друга.

Очень советую Вам взглянуть на рецензию Олега Лещака (он украинец из Тернополя, работает в Кельце)³.

Р. Мних: Насколько понятие структуры определяло и определяет языковое мышление современных европейцев? Если это антропологическое понятие вообще, то тогда человек по своей сути является существом, говорящим и мыслящим структурно. Если же *структура* – это понятие историческое, связанное с осмыслением языка, то тогда, очевидно, первым структуралистом нужно назвать Панини. Одним словом, почему понятие структуры оказалось для Вас неким связующим звеном между Европой и Россией (о чем Вы упоминаете на последних страницах своей книги)?

П. Серюо: Выражение «современные европейцы» для меня не имеет смысла. Во-первых, потому что вопрос обращается к интеллигенции, а не к водителям трамвая или дояркам (против которых я ничего не имею); во-вторых, потому что «европейцы» просто не существуют: эстонцы и португальцы имеют между собой мало общего, и большинство из них мало интересуется существованием друг друга.

Я только хотел обратить внимание читателей на то, что не надо принимать слова за чистую монету, что надо читать авторов в их контексте. Поэтому мне было приятно и интересно делать новый перевод книги В.Н. Волошинова *Марксизм и философия языка* – чтобы показать, что не столько «марксизм», сколько Карл Фосслер полезен для понимания книги (можно говорить об идеализме, переведенном на социологическую терминологию), и что *идеология* у него значит не ‘*falsche Bewusstsein*’, а ‘мировоззрение’, и т.д.

В общем, Вы видите, что для меня умеренный номинализм защищает от ловушки принимать слова за вещи. Сейчас я готовлю книгу под названием *Содержание формы*, где буду развивать эти темы.

© Роман Мних

---

³ Лещак 2002.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГИРШМАН М.М., 2002: *Литературное произведение: теория художественной целостности*. Москва, Языки славянской культуры.
- ЛЕЩАК О.В., 2002: «Между единством и множественностью, или спор о методологической позиции русских пражан», in *Studia Methodologica*, 2002, 11: 104-135.
- СЕРИО П., 2001: *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структуриализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг.* Москва, Языки славянской культуры.

Roman Mních
Université de Varsovie

Structure, totalité, organisme

Résumé:

Dans l'article sont présentées les réflexions de Patrick Sériot au sujet du titre russe de son livre – *Struktura i celostnost'*. Les idées du chercheur suisse sont analysées dans le contexte des idées de l'école philologique de Donetsk.

Mots-clés: épistémologie, nominalisme, linguistique et études littéraires, M.M. Giršman, école philologique de Donetsk, *structure, totalité*

Roman Mních
University of Warsaw

Structure, the whole, organism

Abstract:

This article presents Patrick Sériot's reflexions on the Russian-language title of his book – *Struktura i celostnost'*. The ideas of the Swiss researcher are examined in the context of those established by the Donetsk philological school.

Keywords: epistemology, nominalism, linguistics and literary studies, M.M. Giršman, Donetsk philological school, *structure, the whole*

Discours sur la langue, comparaison et anthropologie: en relisant *Structure et totalité* de P. Sériot

Sébastien MORET
Université de Lausanne

Résumé:

Dans le cadre de cette série de commentaires et de lectures destinée à marquer le vingtième anniversaire de la publication de *Structure et totalité*, j'ai choisi une citation qui me permettra, d'une part, de revenir sur la façon de travailler de Patrick Sériot et, d'autre part, d'évoquer ce qu'il y a aussi derrière ses recherches en histoire et épistémologie de la linguistique, à savoir la conviction que les différents «discours sur la langue» qu'il étudie depuis de longues années sont aussi une porte pour faire de l'anthropologie et pour appréhender l'Homme dans sa complexité, ses doutes, ses angoisses, ses interrogations.

Mots-clés: *Structure et totalité*, P. Sériot, discours sur la langue, comparaison, anthropologie

Il n'empêche que ces trois personnages [Staline, Meillet et Troubetzkoy. – *S.M.*], aussi fondamentalement différents entre eux qu'ils fussent, s'inscrivaient dans un même pôle d'opposition: tous les trois refusaient la notion d'hybridation, tous les trois œuvraient à leur façon à la recomposition du paradigme néogrammairien entré en crise vers les années 1880, crise dont les échos n'étaient pas affaiblis en 1950 en URSS¹.

Dans le cadre de cette série de commentaires et de lectures pour marquer le vingtième anniversaire de la parution de la première édition de *Structure et totalité* de Patrick Sériot, j'ai choisi comme base aux propos qui vont suivre la citation donnée plus haut, tirée du chapitre IV intitulé «Continu et discontinu», intégré à la deuxième partie consacrée à «La clôture». Il y a à ce choix deux raisons. La première est d'ordre personnel, puisque la citation en question me permettra de dire quelques mots sur l'histoire de ma collaboration avec P. Sériot. D'un point de vue scientifique, maintenant, les quelques lignes choisies me donneront la possibilité d'évoquer et de rappeler, d'abord, la façon de travailler de P. Sériot et, ensuite, un des objectifs qu'il y a aussi derrière ses recherches en histoire et épistémologie de la linguistique.

«IL N'EMPÊCHE QUE CES TROIS PERSONNAGES»

La première chose qui me relie à cette citation, c'est le fait qu'elle réunit trois personnages importants de l'histoire de la linguistique, qui résument aussi l'histoire de ma collaboration avec P. Sériot. En effet, Staline, Meillet et Trubeckoj peuvent être vus comme les jalons de mon parcours académique et de chercheur, parcours dans lequel P. Sériot a joué un rôle important. Avec Trubeckoj, on a l'eurasisme qui était au centre de mon mémoire de fin d'études. Codirigé par P. Sériot et par le professeur d'histoire François Jequier, ce travail était consacré à l'analyse de l'argumentaire utilisé par les eurasistes pour délimiter et prouver l'Eurasie². Pour ce travail, j'avais exploité les textes eurasistes de Trubeckoj que P. Sériot avait traduits en 1996³. Staline, ensuite, représente la linguistique soviétique, dans le débat et les discussions de laquelle il intervint en juin 1950, et avec laquelle j'ai commencé ma carrière de chercheur dans le cadre d'un projet de recherche dirigé par P. Sériot et financé par le Fonds national suisse de la recherche. Avec mes collègues Ekaterina Velmezova et Elena Simonato, nous avons travaillé sur l'«Épistémologie comparée du discours sur la langue en URSS (1917-1953)»⁴. Quant à Meillet, il a été le personnage principal, mais pas unique, de ma thèse de doctorat (dirigée par P. Sériot)

¹ Sériot 1999 [2012: 126].

² Moret 1999.

³ Troubetzkoy 1996.

⁴ <http://crecleco.seriot.ch/recherche/FNRS%20Proj/02-04%20Epcomp/txtproj.html> (site consulté le 10.07.2019).

en histoire des idées linguistiques, celui qui m'intéressait alors tout particulièrement et à partir duquel mon travail et ma réflexion se sont mis en place⁵.

«[A]USSI FONDAMENTALEMENT DIFFÉRENTS ENTRE EUX QU'ILS FUSSENT»

Du point de vue de la science et de la méthode, cette citation de *Structure et totalité* résume la direction que P. Sériot a donnée à ses recherches. De Staline, Trubeckoj et Meillet il est dit qu'ils étaient «fondamentalement différents entre eux», et les voilà pourtant réunis dans une même citation et dans une même constatation. Car P. Sériot a toujours mis en avant la force et la valeur de la comparaison. Il faut comparer. Mais pas uniquement ce qui semble comparable. Il ne faut pas avoir peur de comparer ce qui paraît à première vue déconnecté et différent ou «des personnages qui devraient n'avoir rien en commun»⁶ comme le grand maître français de la linguistique indo-européenne, le généralissime soviétique et le père de la phonologie à la double vie eurasiste. Il ne faut pas reculer devant «une comparaison à première vue incongrue»⁷ ni renoncer à faire «des *liens anachroniques*»⁸. P. Sériot a ainsi notamment comparé Marr et les philosophes français du langage du XVIIIe siècle⁹, Vološinov et les penseurs conservateurs «“réactionnaires”» opposés «aux idéaux de la Révolution française et de la philosophie des Lumières»¹⁰.

Ce faisant, en comparant ce qui semble incomparable et / ou déconnecté, on arrive à un niveau d'analyse qui «permet de faire apparaître des détails qui resteraient invisibles en éclairage direct», qui permet de «démêler cet écheveau, mettre au jour ces couches enfouies, gratter le palimpseste»¹¹, que forme l'histoire des idées. Il ressort, par exemple, des recherches de P. Sériot que «Marr n'était pas un hapax», qu'il n'a pas «sort[i] du néant un système aussi foisonnant et grandiose»¹², lui qui «reprend, sans jamais les nommer, les spéculations des philosophes du XVIIIe siècle sur l'origine du langage»¹³; qu'«on peut déceler [dans le corpus de Vološinov] les échos de mouvements d'idées plus anciens, plus profonds, parfois échos lointains, parfois rappels criants d'un monde qui a refusé, en bloc, l'individualisme des Lumières, le rationalisme cartésien, l'égalitarisme jacobin, et les catégories “abstraites” et “isolées” de Kant»¹⁴; et que «la linguistique

⁵ Moret 2015.

⁶ Sériot 2014: 608.

⁷ Sériot 2008: 90.

⁸ Sériot 2005: 230.

⁹ Sériot 2005; 2014.

¹⁰ Sériot 2008: 90-91.

¹¹ *Ibid.*: 90.

¹² Sériot 2005: 230.

¹³ *Ibid.*: 234.

¹⁴ Sériot 2008: 107.

soviétique n'est pas un "monde à part" mais une variante locale fort intéressante, originale, de la circulation des courants de pensée dans le monde européen au sens large¹⁵. Quant à l'histoire du structuralisme de Prague élaboré par Trubeckoj et Jakobson qui est l'objet de *Structure et totalité*, «[p]lutôt que de coupure franche [comme le proclamaient Jakobson et Trubeckoj]¹⁶. – S.M.], il faudra parler ici d'avancées et de reculs, de zigzags, mais surtout de reconfigurations incessantes¹⁷, à partir de mouvements d'idées aussi différents que la *Naturphilosophie* ou le légitimisme catholique anti-Lumières¹⁸.

Si la comparaison «permet de faire apparaître des détails qui resteraient invisibles en éclairage direct¹⁹, de donner lieu, parfois, à «des découvertes aussi percutantes qu'impertinentes» qui «font le bonheur de l'analyse²⁰, elle montre aussi que l'histoire des idées est toute faite de «chevauchements, [d']interpénétrations, réinterprétations, décalages, reprises, malentendus et cafouillages²¹.

«[T]OUS LES TROIS REFUSAIENT LA NOTION D'HYBRIDATION»

Le sujet de prédilection des recherches de P. Sériot est ce qu'il a appelé le «discours sur la langue²², cet «ensemble hétéroclite des textes qui n'ont de commun que le fait de contenir le mot "langue"²³. Si l'un des objectifs clairs de P. Sériot a toujours été de considérer et d'expliquer la culture russe et soviétique et le monde de l'Europe centrale et orientale à travers leurs discours sur la langue, à leurs façons d'appréhender et de parler de la langue²⁴, l'objet même de ses recherches – le discours sur la langue – lui permet d'aller plus loin. Comme il l'écrit, «nous sommes des êtres de langue encore plus que des êtres de langage²⁵, ce qui entraîne que «les langues ne sont pas des choses, mais objets d'amour, des causes de souffrances et des supports de fantasmes²⁶. Ainsi, «c'est une interrogation avant tout *anthropologique* qui est à la base de la réflexion sur la langue et le langage²⁷, que ce soit dans le marrisme, le mouvement eurasiste ou ail-

¹⁵ Sériot 2014: 601-602.

¹⁶ Sériot 1999 [2012: 13].

¹⁷ *Ibid.*: 292.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Sériot 2008: 90.

²⁰ Breuillard 1998: 359. Jean Breuillard avait eu ces mots en constatant, à la lecture des textes eurasistes de Trubeckoj traduits et commentés par P. Sériot (Troubetzkoy 1996), que «les diatribes de Troubetzkoy contre les "Romano-Germains" ressemblent à s'y méprendre à celles des... romantiques allemands contre les Lumières françaises» (Breuillard 1998: 359).

²¹ Sériot 1999 [2012: 29].

²² Voir, par exemple, Sériot 1998: 364.

²³ *Ibid.*: note 2.

²⁴ Voir, par exemple, *ibid.*: 363-365.

²⁵ Sériot 2010: 18.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ Sériot 1999 [2012: 162]; voir aussi Sériot 2004 : 231.

leurs. Le discours sur la langue devient donc «ce mode d'accès à une souffrance qui habite chacun au plus profond de lui-même»²⁸, et l'étudier, l'analyser permet aussi de comprendre et d'appréhender l'Homme dans toute sa complexité, ses angoisses et ses interrogations. La linguistique se fait anthropologie, science essentielle d'après P. Sériot: «Après la métaphysique, c'est certainement l'anthropologie qui est le domaine de réflexion le plus fascinant, celui qui touche le plus directement chacun d'entre nous. La condition humaine, voilà l'interrogation la plus urgente, celle qui devrait nous tourmenter en premier lieu, les autres occupations étant largement secondaires»²⁹.

Dans la citation qui a servi de point de départ à ces propos, Meillet, Trubeckoj et Staline se retrouvaient dans le refus de «la notion d'hybridation», mais c'est aussi «le refus classique d'admettre la perte du lien primordial entre forme et sens»³⁰ que P. Sériot a régulièrement relevé dans les différents textes qu'il a lus:

Or il s'agit moins d'une absence de relation à la base matérielle que d'une perte du lien intrinsèque entre la forme et le contenu. Là est le point fondamental, celui qui rassemble des personnages qui devraient n'avoir rien en commun: de Benedetto Croce à Joseph Staline, de Karl Vossler au philosophe Alexei Losev, venant d'horizons opposés s'élèvent des voix concordantes pour proclamer que l'étude de la forme seule est vaine, parce qu'une forme sans contenu n'est pas une forme mais un bruit résonnant dans le vide³¹.

Que ce soit l'hybridation ou la perte du lien, ces deux refus renvoient à notre «condition humaine»³², à des considérations plus primordiales: à cette «révolte devant le fait qu'après la Chute les êtres humains aient été séparés du lien *immédiat*, qu'il s'agisse de la vue de Dieu (cf. la lumière du Mont Thabor) ou du contact du liquide amniotique dans le sein maternel»³³, au fait que «nous soyons des “sujets divisés” (Lacan) ou des êtres déchirés (Pascal)»³⁴ et que nous soyons poursuivis par «un grand désir de fusion originelle, le corollaire de la nostalgie du Paradis terrestre perdu avec la Chute»³⁵ ou avec le «traumatisme de la naissance»³⁶.

L'analyse du discours sur la langue a permis à P. Sériot, d'une part, d'éclairer la Russie et les mondes soviétique et slave et, d'autre part, d'appréhender le rapport de l'Homme à la langue et au langage qui est aussi son rapport au monde et à sa condition:

---

²⁸ Sériot 2010: 18.

²⁹ Sériot 2003: 400.

³⁰ Sériot, Bulgakova, Eržen 2008: 156.

³¹ Sériot 2014: 608.

³² Sériot 2010: 18.

³³ Sériot 2005: 247.

³⁴ Sériot 2003: 401.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ Voir le livre Rank 1924 [1976], souvent évoqué par P. Sériot, que ce soit oralement ou dans des publications (Sériot 2005).

[N]ous avons le bonheur immense de n'être ni des anges ni des bêtes. Les anges au Paradis, êtres diaphanes, transparents les uns aux autres, au point qu'ils peuvent lire directement les pensées des autres, ne peuvent point mentir puisque privés du besoin de parole, les bêtes ne parlant pas encore. C'est notre déchirure essentielle, notre incomplétude qui font de nous des êtres de parole, donc des êtres de désir, donc des êtres vivants³⁷.

© Sébastien Moret

---

³⁷ Sériot 2003: 401.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

- BREUILLARD J., 1998: «[Compte rendu de:] N.S. Troubetzkoy, *L'Europe et l'humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques*, traduction et notes Patrick Sériot, précédé de *Troubetzkoy, linguiste ou historiosophe des totalités organiques?*, par Patrick Sériot, Liège, Mardaga, coll. Philosophie et langage, 1996, 247 p., index, bibliographie», in *Slavica occitania*, 1998, 6: 353-363.
- MORET S., 1999: *L'eurasisme (1921-1931): histoire et analyse d'une idéologie du ressentiment de l'émigration russe*, mémoire de licence sous la direction des professeurs F. Jequier et P. Sériot. Faculté des lettres, Université de Lausanne.
- , 2015: *Les linguistiques de l'Europe nouvelle: analyse comparée de l'utilisation des représentations sur la langue et de la linguistique dans la construction de l'Europe de Versailles et de l'URSS (1914-1953)*, thèse de doctorat sous la direction du professeur P. Sériot. Faculté des lettres, Université de Lausanne.
- RANK O., 1924 [1976]: *Le traumatisme de la naissance. Influence de la vie prénatale sur l'évolution de la vie psychique individuelle et collective*. Paris, Payot, 1976.
- SÉRIOT Patrick, 1998: «La linguistique, le discours sur la langue et l'espace géoanthropologique russe», in Locher J.-P. (éd.), *Contributions suisses au XIIe congrès international des slavisants à Cracovie, août 1998*. Bern et al., Peter Lang: 363-395.
- , 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- , 2003: «Jamais l'un sans l'autre (Bref éloge du manichéisme)», in *Slavica occitania*, 2003, 16: 399-401.
- , 2004: «La langue, le pouvoir et le corps», in Sériot P., Tabouret-Keller A. (éds), *Le discours sur la langue sous les régimes autoritaires [Cahiers de l'ILSL, 2004, 17]: 231-259*.
- , 2005: «Si Vico avait lu Engels, il s'appellerait Nicolas Marr», in Sériot P. (éd.), *Un paradigme perdu: la linguistique marriste [Cahiers de l'ILSL, 2005, 20]: 227-253*.
- , 2008: «Vološinov, la sociologie et les Lumières», in Vauthier B. (éd.), *Bakhtine, Volochinov et Medvedev dans les contextes européen et russe [Slavica occitania, 2008, 25]: 89-108*.
- , 2010: «Introduction», in Sériot P. *Les langues ne sont pas des choses. Discours sur la langue et souffrance identitaire en Europe centrale et orientale*. Paris, Éditions Pétra: 13-18.
- , 2014: «Le monde perdu de Nikolaj Marr: un philosophe du langage du XVIIIe siècle dans la Russie stalinienne», in Archaimbault S., Fournier J.-M., Raby V. (dir.), *Penser l'histoire des savoirs linguistiques. Hommage à Sylvain Auroux*. Lyon, ÉNS Éditions: 601-609.
- SÉRIOT P., BULGAKOVA E., ERŽEN A., 2008: «La linguistique populaire et les pseudo-savants», in *Pratiques*, 2008, 139/140: 149-162.

- TROUBETZKOY N.S., 1996: *L'Europe et l'humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques*, traduction et notes de P. Sériot, précédé de *Troubetzkoy, linguiste ou historiosophe des totalités organiques?*, par P. Sériot. Liège, Mardaga.

Себастьян Морэ
Лозаннский университет

**Дискурс о языке, сравнение и антропология:
перечитывая *Структуру и целостность* П. Серио**

Аннотация:

В рамках этой серии комментариев и чтений, посвященных двадцатой годовщине публикации книги *Структура и целостность*, я выбрал для комментария цитату, которая позволяет мне, во-первых, вернуться к работе Патрика Серио, а с другой стороны, сказать о том, что стоит за его исследованиями в области истории и эпистемологии лингвистики – а именно, убежденность в том, что различные «дискурсы о языке», которые он изучает в течение многих лет, открывают путь в антропологию, постижение человека в его сложности, его сомнениях, его тревогах и вопросах.

Ключевые слова: *Структура и целостность*, П. Серио, дискурс о языке, сравнение, антропология

Sébastien Moret
University of Lausanne

**Discourse on language, comparison and anthropology:
re-reading *Structure and the Whole* by P. Sériot**

Abstract:

As part of this series of comments and readings marking the 20th anniversary of the publication of *Structure and the Whole*, I have chosen a quote that will allow me, on the one hand, to return to Patrick Sériot's manner of working and, on the other hand, to evoke what is behind his research on the history and epistemology of linguistics, namely the conviction that the various "language discourses" that he studies at great length are also a gateway to the study of anthropology and the apprehension of Man in his complexity, his doubts, his anxieties and his interrogations.

Keywords: *Structure and the Whole*, P. Sériot, language discourses, comparison, anthropology

Eurasianism, Marrism and Ukraine: an attempt to discuss some linguistic and cultural ideas through the common theme of Ukraine¹

Laura ORAZI
University of Macerata

Abstract:

The aim of this article is to analyze some aspects of Eurasianism and Marrism, making reference to specific writings concerning the Ukrainian language and “culture”. Despite their differences, it has been already argued that both trends were critical of “Western comparative linguistics” and of “Western culture” in general. The 1927-1928 debate involving the Eurasianist N.S. Trubeckoj and the Ukrainian historian D.I. Dorošenko will be presented in order to discuss the approach to the issue of Ukraine’s cultural independence from Russia. The report by V.M. Babak at the Conference of Young Scholars of the Ukrainian Academy of Sciences (1936) will be summarized to display its total adherence to Marrism, including its methodological shortcomings and contradictions. In conclusion, some similarities which have emerged from the analysis of these texts will be highlighted to show how Eurasianism and Marrism dealt with the topic of Ukrainian language and “culture”.

Keywords: Eurasianism, Marrism, N. Trubeckoj, D. Dorošenko, V. Babak, N. Marr, Ukrainian language, “Ukrainian culture”, Russian language, “Russian culture”

---

¹ We would like to thank V.S. Tomelleri (University of Macerata) for having kindly read this article and given useful comments and bibliographical advice. Any opacity is our own.

Eurasistes et marristes participent pleinement à la linguistique de leur temps. Ils ont en commun une même interrogation sur le changement et la diversité des langues. Ils la traitent dans une même problématique, celle de la répartition du continu et du discontinu dans les entités collectives (qu’il s’agisse de peuples ou de langues). Ils manient la même grande métaphore, celle qui a parcouru tout le XIXe siècle depuis l’époque romantique: “un groupe, c’est comme un individu”.

Cet individu collectif a sa psychologie collective propre, qui est pour les eurasistes déterminée par une symbiose avec un territoire et des groupes voisins, et pour les marristes par la formation socio-économique à laquelle appartient la collectivité parlante et sa place dans une progression évolutionniste de l’histoire.²

INTRODUCTION

The idea of comparing Eurasianism and Marrism is not new.³ Despite the fact that the first trend developed in the context of emigration, whereas the second received state patronage in the USSR, these movements, both at their peak during the 1920s, were critical of “Western comparative linguistics” and “Western culture” in general.⁴ Several theoretical similarities between the two have already been pointed out.⁵

The aim of this paper is to analyze some aspects of these trends, making reference to specific writings concerning the Ukrainian language and “culture”, and show some similarities in their approach. First, the debate of 1927-1928 involving the Eurasianist N.S. Trubeckoj (1890-1938) and the Ukrainian historian D.I. Dorošenko (1882-1951) will be presented in order to highlight the approach to the issue of Ukraine’s cultural independence from Russia. Second, a report by V.M. Babak (1910-?) at the Conference of Young Scholars of the Ukrainian Academy of Sciences in 1936 will be summarized in order to display its total adherence to Marrism, including its methodological shortcomings and contradictions. In conclusion, some parallels will be drawn to demonstrate how Eurasianism and Marrism dealt with the topic of Ukrainian language and “culture”.

---

² Sériot 1999: 145.

³ We refer to the “classical” Eurasianism of the interwar period of the 20th century, and not to the Neo-Eurasianism of A.G. Dugin. On the difference between the two see Bassin 2008.

⁴ In this article the terms *culture* and *identity* are always indicated in quotation marks to highlight the fact that they don’t refer to ontological entities.

⁵ Slezkine 1996: 833-834; Sériot 1999: 139-167; 2000; Shlapentokh 2011.

1. EURASIANISM AND UKRAINE: N.S. TRUBECKOJ VS D.I. DOROŠENKO (1927-1928)

In the context of emigration there is one ideological tendency that deserves our attention, partly because of the eminent figures involved. Eurasianism's official start is considered to be in 1921, with the publication of the manifesto *Isxod k vostoku* [Exodus to the East], signed by N.S. Trubeckoj (linguist and ethnologist), G.V. Florovskij (theologian), P.N. Savickij (geographer and economist), and P.P. Suvčinskij (musicologist).⁶ The fundamental premise of the movement was that Eurasia is a continent entirely on its own, intrinsically distinct from Europe and Asia, although presenting several connections with the "East".⁷ Russia thus constitutes a third continent, Eurasia, whose boundaries correspond roughly to those of the Soviet Union.⁸ The pillars of this third continent can be identified in cultural and historical terms by the legacy of "Byzantine culture" and the Tatar rule,⁹ as well as Orthodoxy.¹⁰

Trubeckoj, eminent linguist, well-known for his *Principles of phonology*, devoted part of his intellectual activity to the development of the ideological side of the movement in its first phase, whereas Savickij focused more on the geographical definition of Eurasia, and Jakobson attempted to describe it in linguistic terms when discussing the notion and features of the Eurasian *Sprachbund* [jazykovej sojuz].

Trubeckoj rejected and despised what he called the fictitious universalistic character of "Western culture", labelled "Romano-Germanic",¹¹ and the man who according to him artificially imposed this alien creation on Russia: Peter the Great. It is precisely with a reference to the Petrine reforms that in 1927 in *EvrAzijskij vremennik* [Eurasian periodical], № V, he started talking about "The Ukrainian problem".¹² It is not accidental that his text was written in the period of Ukrainization or indigenization [*korenizacija*], hence while Moscow's policy was oriented towards the development of the languages and nationalities of the USSR.

Trubeckoj's article could not go unnoticed, and the Ukrainian historian D. Dorošenko¹³ responded with, "K ukrainskoj probleme. Po povodu stat'i kn. N.S. Trubeckoj" [The Ukrainian problem. Concerning Prince

⁶ For further information about the composition and ideological features of this trend see Laruelle 1999 and Половинкин 1995.

⁷ The historical and philosophical background of Eurasianism's fascination for the "East" has been discussed in Laruelle 2007.

⁸ Sériot 1996: 12; Bassin 1991: 14.

⁹ Sériot 1996: 13.

¹⁰ See Trubetzkoy 1927 [1991: 264].

¹¹ See Trubetzkoy 1920 [1991].

¹² Trubetzkoy 1927 [1991].

¹³ Dorošenko was descended from an old Cossack line. During the Hetman government of Pavlo Skoropads'kyj he was Minister of Foreign Affairs (1918), and then emigrated, never to return to Ukraine (see "Doroshenko, Dmytro" s.d.).

N.S. Trubeckoj's article],¹⁴ to which followed, in the same issue of *Evracij-skaja xronika* [Eurasian chronicle], № X, 1928, the sharp reply by Trubeckoj.¹⁵ We will try to understand some of the main points which emerged in this debate and that could be useful for our comparison with Marrism.¹⁶

In his first article, Trubeckoj explains that the Petrine reforms seem to have established a distinct boundary between two epochs of the history of "Russian culture", although as he points out this is just an impression, because "West Russian (Ukrainian) culture" had already begun to penetrate Muscovy before Peter. With his reforms, he opted for the Ukrainian variant, because it had already absorbed certain elements from "European culture", whereas the Great Russian variant was characterized by Europhobia and a tendency towards autonomy. There is no doubt that the "intellectual and spiritual culture" of Great Russia was ukrainized at the beginning of the 18th century. However, Ukraine at that time was a province of Poland, while Poland, from a cultural point of view, was a remote province of Europe. Trubeckoj is convinced that there have been two parallel courses in national "Russian culture" as "Ukrainian" and "Russian cultures" "were two 'variants', two individualizations of a single all-Russian culture".¹⁷

The problem of cultural reform and of the erection of a new "cultural edifice" had arisen in the post-Petrine epoch and still confronted Ukrainians, Belarusians and Great Russians during the 1920s. Trubeckoj explains that in the period in which he is writing, Ukrainian intellectuals are concerned with the dilemma of whether it is worth choosing the "all-Russian culture" or a totally autonomous and new "culture", but this problem merges with the question of Ukraine's political status. Whereas the answer, he believes, is to be found in cultural terms: Germany and India providing the examples of defined "cultures" without a unified form of state.¹⁸

Trubeckoj clarifies: "Every cultural edifice should have two components, one oriented toward the culture's concrete, ethnographic foundations in the people, and the other toward the heights of spiritual and intellectual life",¹⁹ and between those two components, or storeys, there must be an organic connection. In the case of Ukraine, only "all-Russian culture" could

---

¹⁴ Дорошенко 1928 [1995].

¹⁵ Трубецкой 1928 [1995].

¹⁶ In Italy this dispute has been brilliantly summarized and discussed by Dell'Agata (Dell'Agata 1997; 1998a; 1998b). In our article (Orazi 2013) a more modest attempt has been made at a comparison between this debate and a previous one involving P.B. Struve (economist and philosopher) and an anonymous Ukrainian (B. Kistjakivs'kyj, see Shevelov 1989: 49) in 1911-1912 on "Ukrainian particularism" (see Срыве 1912). The influence exerted by Struve over some of the members of the Eurasian movement, especially Savickij and Florovskij, seems to confirm that a parallel Struve-Trubeckoj is possible. Moreover, the similarities in terms of content and cultural approach to the Ukrainian question that have emerged during our comparison are worthy of note.

¹⁷ Trubetzkoy 1927 [1991: 246].

¹⁸ *Ibid.*: 255.

¹⁹ *Ibid.*: 256.

satisfy the needs of Ukrainian intellectuals, because it possesses a richer tradition, and is “the culture of the ethnological whole”, and not “the culture of a part of that whole”.²⁰ Thus, we find confirmation of the specific, organicistic viewpoint adopted by Eurasianism in order to define Russia-Eurasia.

Only “talentless or mediocre creators” or “narrow, fanatical, regional chauvinists [...] who can evaluate the products of cultural creativity only by the extent to which they fall within the boundaries of a particular regional variant of a culture” could opt for a completely independent Ukrainian culture as the culture of the “top storey”.²¹ Trubeckoj clarifies: “There must be no tribal or regional boundaries on the top storey of Russian culture in the future [...]”.²² It is precisely for that reason that Trubeckoj openly criticizes the policy of indigenization adopted in the USSR, that had led Ukraine to make efforts to achieve complete cultural autonomy. In his view, the policies of the Soviet government “pander to such sentiments in order to neutralize political separatism”.²³ He sees this wave of cultural separatism as influenced by Galician intellectuals, “whose national self-awareness has been completely perverted by long association with Catholicism, by Polish servitude, and by the atmosphere created by the provincial, separatist, nationalistic (linguistic) wrangling so typical of the former Austro-Hungarian Empire”.²⁴

In conclusion, for Trubeckoj an autonomous “Ukrainian culture” could exist, but only as an individualized variant of an “all-Russian culture”. Each form of “reactionary separatist tribalism” is thus condemned, as being in contrast with the symphonic unity constituted by Eurasia.²⁵

Dorošenko in his 1928 reply tried to affirm the right of the “Ukrainian culture” to fulfil the role of “high culture” for the intellectuals. He was of the opinion that Ukraine’s tradition and specificities started developing after the Tatar invasion, and were influenced by Poland and therefore “Western culture”. When comparing the social, administrative and educational conditions of Muscovy and those of coeval Ukraine, in his view it appears clear that the former was based on torture as a consequence of the heavy influence exerted by “Eastern culture”, whereas the latter was certainly more democratic. Moreover, the Ukrainization of “culture”, and the imposition of “European culture” by Peter I, sharply criticized by Trubeckoj, were only superficial and formal. Subsequently, in the 19th century, despite the decrees [ukases] that severely restricted the usage of Ukrainian,²⁶ writers and intellectuals continued to produce “high culture”.

---

²⁰ *Ibid.*: 258.

²¹ *Ibid.*: 258-259.

²² *Ibid.*: 263.

²³ *Ibid.*: 266.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ Bassin 2003: 261.

²⁶ Valuev’s 1863 circular banned virtually almost all publication in Ukrainian, and its reinforcement by secret imperial decree, the Ems Ukaz, by Alexander II (1876) proscribed the

After 1918, in the Ukrainian state, V.I. Vernads'kyj organized the Ukrainian Academy of Sciences, and together with many other academicians opted voluntarily for the "Ukrainian culture" as the culture of the "top storey". As for the development of the Ukrainian sciences during the Soviet regime, for Dorošenko it is clear that the question of opting between "Ukrainian" or "all-Russian culture" was only academic; if one were to confine the adoption of "Ukrainian culture" only to the "bottom storey" of the cultural edifice, this would correspond to a jump back in history, precisely to the situation created by the ukase of 1876. The new Ukrainian intelligentsia, educated in Ukrainian schools during the Soviet period, in a generation or two would in any case be fully formed.²⁷

Trubeckoj's reply was certainly less diplomatic. One of the interesting ideas to emerge from it is the different concept of state developed by "Ukrainian" and "Russian" "cultures" throughout history: the first, because of the oppression of Poland, rejected any kind of strong government, and preferred a form of minimalist state that was very close to anarchy; on the contrary, Muscovy felt the importance of constructing a strong state "identity", developing a form of state maximalism, which necessarily sometimes requires strong procedures. Nevertheless, the two "cultures", in spite of their differences, co-operated and supported each other. For Trubeckoj, they were not in a hierarchical relation, as Dorošenko seemed to imply erroneously in his article, by confusing the terms *all-Russian* and *Russian*.²⁸

It seems important to note that Trubeckoj at the end of the article also makes reference to linguistic aspects. The hypothetical language of the "top storey" of the Ukrainian edifice should not be exclusively all-Russian, but he explains: "The language systems used in the top storey of the cultural edifice shall be less differentiated [...] than the language systems used in the bottom storey – thus, this concerns mainly the lexical aspect of the language, [...] to a lesser extent, stylistics and syntax and, far less, morphology and phonetics".²⁹

On the contrary, during the 1920s, Ukrainian intellectuals ("nationalists") used language to build an artificial barrier against the Russians: literary works oriented toward the ethnographic foundations could be easily understood, whereas scientific texts were less comprehensible than if they were written in Bulgarian or even Polish. This situation was unacceptable for Trubeckoj, and in his article he expresses the hope for a rethinking of

---

printing of any texts, original and translated, in Ukrainian, with the exception of *belles-lettres* and historical records. Moreover, its usage in public and teaching was forbidden, as was the importation of any Ukrainian books published abroad (Shevelov 1989: 5-6).

²⁷ See Дорощенко 1928 [1995].

²⁸ Трубецкой 1928 [1995: 395-399]. Nevertheless, it seems legitimate to see this insistence on "all-Russian" nationalism and "culture" as a rhetorical strategy that hides (rather unsuccessfully) a manifest Russian centric and conservative approach (see Bassin 2003: 260-266).

²⁹ Трубецкой 1928 [1995: 403]; here and afterwards the translation of this article is my own. – L.O.

the Ukrainian intelligentsia's behavior, so that the scientific and literary [нау́чно-літературний] Ukrainian language will cease to be an "instrument of narrow national [узко́націона́льний] self-restriction and isolation, as well as the testing ground [опы́тне поле] for the exercises of provincial inventors of words".³⁰

In conclusion, the debate briefly presented and discussed clearly shows Trubeckoj's stance on the Ukrainian question: the Ukrainian language and "culture" could only fulfil the needs of the common people, whereas intellectuals had no choice but to opt for "all-Russian culture". Only blind nationalists, whose aim was to deny the commonality of Russia and Ukraine, would choose to develop an autonomous "Ukrainian culture". This is exactly what happened with the Ukrainization of the 1920s, roundly condemned as an artificial attempt to build boundaries between two organically related units of the Eurasian totality. Finally, Trubeckoj's concern for the future and the role of Russian and Ukrainian intelligentsias can be highlighted. The former especially needed to enhance its *samopoznanie* (Socrates' "know thyself"), and in this respect an in-depth analysis of the Ukrainian question was, in his view, urgently required.

2. MARRISM AND UKRAINE: BABAK'S REPORT (1936)

While in the context of emigration Trubeckoj was disputing with Dorošenko, in the USSR Marrism was expanding and about to become the official trend in linguistics. A few years later, formally, Ukraine adopted Marrism, and nominally the journal *Movoznavstvo* [Linguistics] had a Marrisonist orientation. Moreover, there were translations of works by Russian Marrisonists.³¹ From a theoretical point of view, no publication dared to attack the legitimacy of Marr's theory. In practice, the comparative method, sharply criticized by Marr, was still applied. For instance, L.A. Bulaxovs'kyj (1888-1961), comparatist of pre-revolutionary education, continued to use this method.³² One of the few attempts at an original work in Ukraine is the re-

³⁰ *Ibid.*: 404.

³¹ Shevelov 1989: 160.

³² Kiparsky 1963 [1980: 97]. M. Žovtobrijuх (Жовтобрюх 1991: 222) reports that in the journal *Movoznavstvo* (1936, 7 and 1937, 1) an article in two parts by Bulaxovs'kyj on the Ukrainian accent was introduced by a note by the editorial staff distancing themselves from the comparative method used by the author. We have also found in *Movoznavstvo* (1936, 8), that in Bulaxovs'kyj's article on the genitive of masculine nouns the first footnote reads: "Publishing the article written by Prof. L.A. Bulaxovs'kyj, which contains many relevant facts for the historical study of the genitive declension of masculine nouns, the editorial staff nevertheless does not approve of the formal approach of the author in the explanation of the morphological phenomena" (Булаховський 1936: 49; translation my own. – *L.O.*). Moreover, T. Lukinova (Лукінова 2011: 9-10) reports an episode narrated by one of Bulaxovs'kyj's postgraduates: in 1933 at a meeting at the University of Xarkiv, Bulaxovs'kyj was sharply criticized by Marr's disciples for his refusal to adhere to Marrism. He patiently listened, and then simply stated: "My conscience as a Soviet scholar does not allow me to recognize Marr's works as a scientific linguistic theory" (translation my own. – *L.O.*).

port by V.M. Babak,³³ entitled “Pro dejaki pytannja istoryčnoho rozvytku ukrajins’koji movy” [On some questions regarding the historical development of the Ukrainian language].³⁴

Although we cannot discuss extensively here the main features of Marr’s theory – crucial for Babak’s text – they have been the object of several works.³⁵ Some aspects of this linguistic trend will be considered while presenting Babak’s report, so we will give a brief summary of Marr’s main ideas. In a nutshell, Marr developed a peculiar and controversial theory of language, starting from the premise that Indo-European linguistics was built on the oppression of the peoples of the “East” by Europe’s murderous colonial policy.³⁶ Thus, in his opposition to “Western linguistics”, he proposed a typological, and not genealogical, study of the relations among languages. He proclaimed a crossed character of world languages (pivotal in his theory is the idea of *skreščenie*, the process of crossing or mixing which is both internal and external to a language), and aimed at proving a common ancient Japhetic core in almost every living and dead language. Marr’s theory focused on aspects disregarded by comparatists: the origin of human language, the relationship between language and thought (therefore on semantics), and the process of language development. As about this last point, in Marr’s view it reflected changes in socio-economic structures.

The Marxist character of his theory resided mainly in the definition of language as a superstructure, “the asserted possibility of proving with a typological analysis those traits which reflect class struggles in the historical languages, and the consequent hypothesis of the final merging of the different languages [...]”, into the single language of socialism.³⁷

Babak’s report constitutes an attempt to apply the Marrist approach to the history of the Ukrainian language, in contrast with the so-called “bourgeois” trend of national linguistics, faithful to the “Western comparative model”. The text can be considered a compendium of Marr’s main ideas.

In his writing Babak starts by criticizing two main targets: great power chauvinism and Ukrainian nationalism. The first presented the Ukrainian language as a peasant dialect of Russian, and inspired the oppressive tsarist language policy in Ukraine. As for Ukrainian “bourgeois

³³ Babak collaborated with the Ukrainian Institute of Linguistics (1934-1939) and was one of the compilers of the Russian-Ukrainian dictionary (1937) (see Селігей 2005: 363).

³⁴ Бабак 1936b; mentioned in Shevelov 1989: 160. *Movoznavstvo* (1936, 8) publishes an article by O. Bezkrivnyj, who tries to apply the paleontological analysis in order to discuss the problem of iterative verbs with suffix *-va* in Russian and Ukrainian (Безкровний 1936; mentioned in Жовтобрюх 1991: 222). Moreover, in the same edition of the journal is another article by Babak, which presents the same main ideas as the report, but is more detailed, and richer in terms of bibliographical references. It could be the object of further analysis to point out some divergences between this text and the report (see Бабак 1936a).

³⁵ See, e.g., Thomas 1957; the questionable and criticized L’Hermitte 1987; Алпатов 1991 [2004]; Sériot (éd.), 2005; Velmezova 2007.

³⁶ Alpatov 2011: 25.

³⁷ Formigari 1973: 24; translation my own. – L.O.

nationalists”, Babak identifies them with Kryms’kyj, Ohijenko, Tymčenko³⁸ and others, i.e. some of the linguists who actively contributed to the normalization of the Ukrainian language between the 1920s and the first half of the 1930s, in the period of the indigenization. In his opinion, they tried to reaffirm the existence of an autonomous Ukrainian language and “identity” through nationalist falsification [*nacionalistyčnoju fal’syfikacijeu*]: “They established that the Ukrainian language had already begun to be the national language in the Kievan Rus’ epoch (X-XI c.), therefore supporting Ukraine’s bourgeois nationalist historical scheme formulated by M.S. Hruševs’kyj”.³⁹ Both great power chauvinists and nationalists were wrong, as Marr proved with his theories.

Babak underlines that Marr frequently used Ukrainian terms in his paleontological analysis, especially of the Slavonic languages, and devoted some works also to the specific issue of the Ukrainian language.⁴⁰ Among these, Babak mentions the 1930 article “Jafetičeskie zori na ukrainskom xutore” [Japhetic dawn on the Ukrainian farmstead]⁴¹ (hereafter “Jafetičeskie zori”) several times.⁴² If we read this text, we find that Marr lamented the fact that Ukrainian linguists were not applying his “new theory of language” [*novoe učenie ob jazyke*] to Ukrainian,⁴³ and proposed its bizarre paleontological analysis of some Ukrainian toponyms, zoonyms and other terms, in order to prove their relation with many Japhetic languages.⁴⁴

---

³⁸ Ahatanhel Kryms’kyj (1871-reportedly 1942) was an orientalist, linguist and folklorist. He directed the Institute of the Ukrainian Scientific Language (1921-1929) and was the editor in chief of the first two issues of the Russian-Ukrainian dictionary (1924-1933). He was arrested by the NKVD in 1941 and disappeared (see “Krymsky, Ahatanhel” s.d.). Ivan Ohijenko (1882-1972) was an Orthodox metropolitan, linguist and church historian. He wrote several works on the history of the Ukrainian language and was a representative of the “ethnographic school” in Ukrainian linguistics. He emigrated to Poland, and then to Canada (see “Ohienko, Ivan” s.d.). Jevhen Tymčenko (1866-1948) was a linguist, translator and lexicographer. He is considered the most typical representative of the archaizing ethnographic school. Head of the commission for the compilation of the historical dictionary of the Ukrainian language, he was imprisoned in 1939, then released in 1944 (see “Tymchenko, Yevhen” s.d.)

³⁹ Баба́к 1936b: 184; here and afterwards the translation of this article is my own. – L.O. Ukrainian historian, principal organizer of Ukrainian scholarship, prominent civic and political leader, Myxajlo Hruševs’kyj (1866-1934) was elected chairman of the Central Rada (revolutionary Parliament) in 1917 and then president of the Central Rada of the Ukrainian Nationalist Republic in 1918, year in which Pavlo Skoropads’kyj’s coup d’état overthrew the government (see “Hrushevsky, Mykhailo” s.d.).

⁴⁰ See Баба́к 1936b: 185-186 (footnotes). On the relationship between Marr and Ukrainian see also Зборовский 1937.

⁴¹ This is the translation in Bulakhovsky 1950 [1951: 59]. L. Thomas (Thomas 1957: 67) opts for «Japhetic dawns on the Ukrainian farm».

⁴² Mapp 1930 [1935].

⁴³ *Ibid.*: 227.

⁴⁴ Bulaxovs’kyj ironically referred to “Jafetičeskie zori” in the article that appeared in *Pravda* (13.06.1950) in the context of the discussions which lead to the official debunking of Marr’s theories. He writes: “It has a strange title [...]”, “[t]he very first page is strange [...]”, “[t]he etymologies are very strange”, “[...] I can only quote, it is difficult to retell [...]”, “[t]hus it is affirmed that ‘khyryukat’ [to grunt] and ‘solntse’ [sun] are somehow related through meaning” (Bulakhovsky 1950 [1951: 59]; see Mapp 1930 [1935: 231-234]).

Babak's 1936 report faithfully summarizes the main ideas developed by Marr. First of all, Marr dismissed what he thought was the pseudo-scientific assertion that the ruling [*panujuči*] languages of Europe possess a monolithic, solid character.⁴⁵ He contradicted the idea of an original proto-homeland with its protolanguage by means of his representation of the overturned pyramid. Thus, Marr rejected the classical tree model, according to which the different branches of a language family originate from a protolanguage, and replaced it with the idea that, "from a multitude of languages in the primordial society, which reflected its social and economic fragmentation", we will one day see the merging into the "single language of the future communist society with a single social and economic structure".⁴⁶

Another interesting point of the report is the peculiar explanation of the similarities between Russian and Ukrainian, associated with the importance of the notion of time and of socio-economic factors in Marr's theory. If we embrace the idea that language, being a superstructure, reflects social and productive changes, then Russian and Ukrainian (like other Slavonic languages) are closely related, "not as a consequence of the dissolution of a single Proto-Slavic language [...], but as a consequence of the common social conditions and economic structure of those productive groups of people, which were the premise for the formation of the Slavic peoples, when neither Russians, nor Ukrainians, nor Slavic peoples in general actually existed".⁴⁷ Babak considers it would be incorrect to simply register in the territory of Ukraine the succession of peoples like Scythians, Sarmatians, Goths, Huns, Bulgarians, Avars and then Slavic tribes as if all of them were separate entities: this, he believes, is the classical mistake made by bourgeois historiography, based on the works of ancient historians like Herodotus, and consequently of bourgeois linguistics. They focused only on Slavic tribes settling in the Ukrainian territory.⁴⁸ Conversely, the relation between pre-Slavic and Slavic peoples in Ukraine is crucial for the study of language evolution. The "new theory of language" presents us with a broader perspective and new horizons, revealing that "the Great Wall of China", erected by bourgeois science in order to separate Slavic from previous pre-Slavic populations of Ukraine, is groundless.⁴⁹

Hence, we find in these words the confirmation that for Marr linguistic relationship "is conceived [...] as the historical and sociological integration of a multitude of diverse ethnic languages", also in the case of Ukraine.⁵⁰ Traces of this linguistic crossbreeding and mixing are evident

---

⁴⁵ Баба́к 1936b: 186.

⁴⁶ *Ibid.*: 187 (footnote). It seems interesting to note that also in Trubetzkoy 1939 [2001] the notion of *Ursprache* is brought into question and therefore the Indo-European languages are individuated in typological terms.

⁴⁷ Баба́к 1936b: 187.

⁴⁸ *Ibid.*: 188-189.

⁴⁹ *Ibid.*: 189.

⁵⁰ Matthews 1948: 185.

when applying Marr's famous linguistic paleontology, which purports that there were four primordial elements in language (sound complexes that at the beginning had no meaning), and these represent the primitive materials from which all the words in all the languages of the world developed. As oral language progressed, they produced the lexicon of the world's languages through various semantic processes.⁵¹

Babak explains that the paleontological analysis testifies to the existence of a close relation between Ukrainian and Japhetic languages, especially those of the Caucasus. He quotes some of the semantic laws established by Marr in his "Jafetičeskie zori", which prove that Ukrainian needs to be conceived and then linguistically investigated in the context of the Japhetic system of languages.

- a) 'Spring' [*džerelo*] and 'to ripple / to babble' [*dzjurčaty*] are related to the semantic chain [*semantyčnyj rjad*] 'hand+woman+water' [*ruka+žinka+voda*];
- b) 'fire' / 'bonfire' [*bahattja*], 'to heat' / 'to melt' [*topyty*], 'to burn' [*palyty*], 'warm' [*teplyj*] show their relation with 'fire' / 'light' [*ohon*];
- c) 'rainbow' [*rajduha*], 'kin' / 'tribe' [*rid*] and 'year' [*rik*] are related to 'sky' [*nebo*];
- d) 'to doze' [*drimaty*] shows its relation with 'eye' [*oko*];
- e) 'to work' [*trudytsja*], 'to search for' [*šukaty*] reveal their link with 'hand' [*ruka*].⁵²

Within the paleontological analysis, toponyms and ethnic or tribal terms are of primary importance.⁵³ Babak refers to the analysis of *Rus'* and *slov''janyn*. As for the first term, the two above-mentioned targets of his criticism, i.e. Russian and Ukrainian nationalists, both claimed (wrongly) that *Rus'* designated respectively the original Russian and Ukrainian nations. While "bourgeois linguistics" connected the term *Rus'* to the Scandinavian tribe *Ruotsi*, supporting the Normanist theory, Marr explained that the presence of ethnic groups called *Rusy* was attested also along the Mediterranean coasts and in the Caucasus (in the oral tradition Abkhazians were called *Rusy*). As regards the term *slov''janyn* ("scla-v-us" in Marr's transcription), Marr proved by using his paleontological analysis its relation with the ethnic designations *skif* 'Scythe' and *kimer* 'Cimmerian'.⁵⁴ Tribal mixtures often resulted in a compound tribal name in Marr's conception.⁵⁵ With the reference to these ethnic terms, Babak aims to clarify that they confirm the need for an enhanced historical perspective, and that the study of Ukrainian should not be limited to the context solely of the Slavonic or Indo-European families.

⁵¹ Thomas 1957: 63-65.

⁵² Баба́к 1936b: 188. For a thorough description of Marr's complex semantic laws and the so-called "functional semantics" see Velmezova 2007: 159-218, 237-248; Mapp 2002: 310-376.

⁵³ Thomas 1957: 69; see Mapp 1930 [1935: 227-230].

⁵⁴ Баба́к 1936b: 190-193.

⁵⁵ Thomas 1957: 51.

Finally, it is interesting to note how Marr, and consequently Babak, when trying to reject the “Western model” explain morphological (and phonetic) mutations. Mutations, they argue, cannot be related to a common protolanguage. They are conversely connected to a common Japhetic layer. Babak refers again to Marr’s “Jafetičeskie zori”, where Ukrainian’s relation with some Caucasian languages is supposed to be evident in Ukrainian’s typical mutation of the labial vowels [perebij hubnyx holosnyx] o←→u in i←→e.⁵⁶ This linguistic phenomenon causes Ukrainian and Russian to differ.⁵⁷ Similar mutations are present in Megrelian, Chan (Laz) and other Caucasian languages. Thus, in the case of Ukrainian, the mutation “is not the result of a distortion of the phonetic laws of the protolanguage, but is a Japhetic deposit [jafetyčnyj vklad], preserved in the Ukrainian language as its peculiar feature”.⁵⁸ We have to remember that according to Marr there is a single glottogonic process, but languages pass through different stages of development, connected to socio-economical factors. Therefore, Indo-European or “Promethean” languages (and Ukrainian among them) represent the most advanced stage in language development, but they have passed necessarily through the previous Japhetic stage. Marr (and Babak) find evidence of this Japhetic stage of Ukrainian in this particular phonetic mutation.⁵⁹

As we may easily comprehend, most of the main points of Marr’s theory summarized by Babak cannot be considered scientific. Many linguists have pointed out the evident lack of a serious scientific methodology in Marr’s works, based probably on his tendency to transform hypotheses, assumptions or intuitions into factual evidence and scientific theories: this technique necessarily entails distortions, shortcomings and contradictions. Nevertheless, it is interesting to read Babak’s attempt to divulgate the main features of the “new theory of language” in his country, and his appeal to other linguists to put aside their “nationalistic” and “Western approach”, and join Marrism.⁶⁰ This new linguistics for Babak would not and could not

⁵⁶ For the adoption of this particular analytical transcription see Mapp 1927 [1936: 37, § 10]. The transliteration system used by Marr is based more on etymology than phonetics, and mutations, i.e. replacements of a sound in one region of the mouth by a sound in another, are frequent (Thomas 1957: IX-X). These mutations are phenomena occurring in the complex system of language relationships established by Marr, thus recurring for instance both in Caucasian and Slavonic languages.

⁵⁷ This phenomenon is clear if we compare the nominative of the word ‘horse’ in Russian and Ukrainian: *kon’ - kin’*. A comparatist will explain this difference as the consequence of the fall of the Common Slavic’s weak jers and the subsequent compensatory lengthening of vowels in closed syllables. As for Marr’s methodological shortcomings, Thomas also refers to “Jafetičeskie zori”, where, in order to prove that the name of the horse derives from that of the dog, Marr “could ignore even an obvious paradigmatic relationship” of the Ukrainian language (Thomas 1957: 67).

⁵⁸ Баба́к 1936b: 194.

⁵⁹ See Mapp 1930 [1935: 230-231, 245-248].

⁶⁰ Let us mention Ju. Ševel’ov’s brief but interesting article published (under the pseudonym Šerex) in *Novi dni* in 1950 (1950, 6), i.e. in the period of the official debunking of Marr’s theories, entitled “Prysmerk marryzmu” [The twilight of Marrism] (see IIIepex 1950).

have brought into question the dignity of the Ukrainian language. What emerges from the report is that he is concerned with underlining the historical importance and value of his language, while avoiding a “bourgeois nationalist” orientation. We have to consider that this report was made in 1936, hence when Soviet language policy had already changed: the policy of indigenization of the 1920s was abandoned by Stalin in favour of a more centralist approach. As a consequence, in Ukraine between 1929 and 1930 the Academy was sovietized: many linguists were arrested and prosecuted, some put on trial for an alleged counterrevolutionary “Union for the liberation of Ukraine” [*Spilka vyzvolennja Ukrajiny*], some were banished.⁶¹ Thus, Babak had to be very cautious about adopting a nationalistic point of view. His feeble attempt to be the national coryphaeus of Marrism in Ukraine, be it opportunistic or sincere, is nonetheless something peculiar and interesting.

3. CONCLUSION: SIMILARITIES AND DIVERSITIES

At a first glance, the texts presented may not seem to have much in common. One was written by one of the most important Russian linguists of the 20th century, the other by an almost unknown Ukrainian linguist. The first tries to focus on cultural and historical aspects, the second is centred on linguistics and strange semantic laws. However, finding some similarities between the texts and the approach adopted to cope with the Ukrainian question does not seem to be heretical.

First, both Trubeckoj and Babak in their writings criticize the “West”: the former its “culture”, the latter its comparative model in linguistics. They seem to share the idea of a yoke of imperialism immediately associated with the “West”, which exerted a bad influence on “Ukrainian culture” and linguistics. Trubeckoj highlights how “Western historical and cultural influence” altered the Eurasian or all-Russian intrinsic nature of “Ukraine’s culture”. Babak explains how “Western domination” corrupted the study of the history of the Ukrainian language, thus impeding the following of Marr’s teachings.

Second, both criticize the nationalism of Ukrainian intelligentsia. For Trubeckoj it used language as an instrument of isolation. In the debate, he underlines the importance of enhancing the cultural, geographical and (to a lesser degree) linguistic perspective of the intelligentsia, and the necessity of focusing on a larger entity: Eurasia. Trubeckoj seems to confirm that the Eurasian model, contrary to the “Western model”, is based on the notion of space. For Babak Ukrainian nationalism falsified linguistic facts, focusing on the importance of the Kievan Rus’, whereas Marr pointed out the relevance of prehistory in the studying of language development. In this case we can see how Marr’s linguistic model, based on the notion of time in contrast with the “Western model”, based on genetic relationship, is ap-

---

⁶¹ See Shevelov 1989: 124-125.

plied by Babak.⁶² Ukrainian linguists working during the 1920s are roundly condemned by both as being the architects of a falsification or artificial construction of their own cultural and linguistic “identity”. Trubeckoj describes their behaviour and work in harsh words, whereas Babak explicitly mentions their names. In the texts presented we find the metaphor of the barrier (Trubeckoj talks about regional barriers; Babak refers metaphorically to “the Great Wall of China”), and the strong disapproval of the tendency toward linguistic and cultural isolation of the Ukrainian intelligentsia during the 1920s.

However, it seems necessary to point out one main divergence between the writings analyzed. Not only is Babak highly critical of the behaviour of Ukrainian nationalists, but also of the parallel great power chauvinism. We can agree with M. Lähteenmäki,⁶³ when he points out that one of Marr’s main convictions was that the notions of language, nation, ethnos or tribe had been misconceived, until he explained that their real nature is socio-economic.⁶⁴

On the contrary, it appears clearly from his debate with Dorošenko that Trubeckoj conceives these concepts as based on ethnicity, and that the Russians have the position of the *primus inter pares* among the other nationalities of Eurasia. In other words, Trubeckoj is a Russian nationalist, even if “disguised” as an all-Russian one. His insistence on the close relationship existing between Russia and Ukraine is scaled down in Babak’s report, and discussed in socio-economical terms. It can be easily understood that Babak confers the same dignity on Ukrainian and Russian, in contrast with what emerges from Trubeckoj’s articles.

In conclusion, it is interesting to note how such ostensibly different texts written during the 1920s and 1930s could sometimes converge while discussing the contentious issue of Ukraine’s language, “culture” and “identity”. Both the authors were striving to develop (Trubeckoj) or adopt (Babak) models that could be epistemologically different from those imposed on Russia or Ukraine by the “West”.⁶⁵ The controversial Ukrainian question was crucial not only for Trubeckoj and Babak, but also for the most prominent Soviet political figures: Lenin and Stalin. In the process of the construction and consolidation of the USSR Ukraine was perplexing both.⁶⁶

---

⁶² On the importance of the notions of space and time for the two trends see Smith 1998: 81; Sériot 1999: 79-110, 150-158.

⁶³ Lähteenmäki 2006: 293.

⁶⁴ However, several studies have underlined that in Marr’s theory a spirit of internationalism coexists with a form of Romantic nationalism expressed by the idea in his theory of conferring a leading role to Caucasian languages, ignored or scarcely considered by the “Western model” of linguistics (see Sériot 1999: 148-150; Thomas 1957: 145).

⁶⁵ Nevertheless, many similarities with “Western models” are implied and evident in both trends (see, e.g., Sériot 1999: 139-167; Bassin 2003 in the case of Trubeckoj).

⁶⁶ See Martin 2001 in the case of Stalin.

Eurasianism and Marrism present more than a link with the discourse on language developed by Soviet power, and were to a degree functional for the justification of some of its choices in terms of language and nationality policy. In the turmoil of the interwar period it is not surprising that the two representatives of these trends devoted the texts analyzed to the topical Ukrainian question, also referring to some of the consequences of the policy adopted during the 1920s.

© Laura Orazi

BIBLIOGRAPHY

- ALPATOV V., 2011: “Soviet linguistics of the 1920s and 1930s and the scholarly heritage”, in Brandist C., Chown K. (eds.), *Politics and the Theory of Language in the USSR 1917-1938: The Birth of Sociological Linguistics*. London et al., Anthem Press: 17-34.
- BASSIN M., 1991: “Russia between Europe and Asia: The ideological construction of geographical space”, in *Slavic Review*, 1991, 50 (1): 1-17.
- , 2003: “‘Classical’ Eurasianism and the geopolitics of Russian identity”, in *Ab imperio*, 2003, 2: 257-266.
- , 2008: “Eurasianism ‘classical’ and ‘neo’: The lines of continuity”, in Mochizuki T. (ed.), *Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*. Sapporo, Slavic Research Centre: 279-294.
- BULAKHOVSKY L., 1950 [1951]: “On the road to a materialistic linguistics”, in Murra J.V., Hankin R.M., Holling F. (eds. and transl.), *The Soviet Linguistic Controversy*. New York, King’s Crown Press, 1951: 57-61.
- DELL’AGATA G., 1997: “N.S. Trubeckoj e A.M. Volkonskij: due principi russi e la questione della lingua ucraina”, in Ambrosini R. et al. (a cura di), *Scribthair a ainm n-ogaim: scritti in memoria di Enrico Campanile*, t. I. Ospedaletto – Pisa, Pacini: 285-304.
- , 1998a: “Antipolonismi e antirutenismi da Križanić a Trubeckoj”, in Esvan F. (a cura di), *Contributi italiani al XII congresso internazionale degli slavisti (Cracovia 26 agosto – 3 settembre 1998)*. Napoli: 329-346.
- , 1998b: “Nikolaj S. Trubeckoj e la lingua ucraina”, in Calvi L., Giraudo G. (a cura di), *L’Ucraina del XX secolo. Atti del Secondo Congresso della Associazione Italiana di Studi Ucraini, Venezia, 3-5 dicembre 1995*. Padova, E.V.A.: 55-66.
- “DOROSHENKO, DMYTRO”, s.d.: “Doroshenko, Dmytro”, in *Internet Encyclopedia of Ukraine* (<http://www.encyclopediaofukraine.com/display.asp?linkpath=pages%5CD%5C0%5CDoroshenkoDmytro.htm>; accessed on 30.07.2019).
- FORMIGARI L., 1973: *Marxismo e teorie della lingua. Fonti e discussioni*. Messina, La libra.
- “HRUSHEVSKY, MYKHAILO”, s.d.: “Hrushevsky, Mykhailo”, in *Internet Encyclopedia of Ukraine* (<http://www.encyclopediaofukraine.com/display.asp?linkpath=pages%5CH%5CR%5CHrushevskyMykhailo.htm>; accessed on 30.07.2019).
- KIPARSKY V., 1963 [1980]: “Comparative and historical slavistics”, in Sebeok T.A. (ed.), *Current Trends in Linguistics*, vol. 1: *Soviet and East European Linguistics*. The Hague et al., Mouton, 1980: 94-110.
- “KRYMSKY, AHATANHEL”, s.d.: “Krymsky, Ahatanhel”, in *Internet Encyclopedia of Ukraine* (<http://www.encyclopediaofukraine.com/displ>

- ay.asp?linkpath=pages%5CK%5CR%5CKrymskyAhatanhel.htm; accessed on 30.07.2019).
- LÄHTEENMÄKI M., 2006: “Nikolai Marr and the idea of a unified language”, in *Language and Communication*, 2006, 26: 285-295.
  - LARUELLE M., 1999: *L'idéologie eurasiste russe ou comment penser l'empire*. Paris – Montréal, L'Harmattan.
  - , 2007: “The Orient in Russian thought at the turn of the century”, in Shlapentokh D. (ed.), *Russia Between East and West: Scholarly Debates on Eurasianism*. Leiden – Boston, Brill: 9-37.
  - L'HERMITTE R., 1987: *Science et perversion idéologique. Marr, marrisme, marristes. Une page de l'histoire de la linguistique soviétique*. Paris, Institut d'études slaves.
  - MARTIN T., 2001: *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca – London, Cornell University Press.
  - MATTHEWS W.K., 1948: “The Japhetic Theory”, in *The Slavonic and East European Review*, 1948, 27 (68): 172-192.
  - “OHIENKO, IVAN”, s.d.: “Ohiienko, Ivan”, in *Internet Encyclopedia of Ukraine* (<http://www.encyclopediaofukraine.com/display.asp?linkpath=pages%5CO%5CH%5COhiienkoIvan.htm>; accessed on 30.07.2019).
  - ORAZI L., 2013: “Intelligencija russa e questione ucraina. Un confronto fra P.B. Struve e N.S. Trubeckoj”, in *Studi slavistici*, 2013, X: 109-127.
  - SÉRIOT P., 1996: “N.S. Troubetzkoy, linguiste ou historiosophe des totalités organiques?”, in Troubetzkoy N.S. *L'Europe et l'humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques*. Sprimont, Mardaga: 5-35.
  - , 1999: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris, Presses universitaires de France.
  - , 2000: “Eurasistes et marristes”, in Auroux S. (éd.), *Histoire des idées linguistiques*, t. 3: *L'hégémonie du comparatisme*. Sprimont, Mardaga: 473-497.
  - (éd.), 2005: *Un paradigme perdu: la linguistique marriste* [*Cahiers de l'ILSL*, 2005, 20].
  - SHEVELOV G.Y., 1989: *The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century (1900-1941). Its State and Status*. Cambridge, Mass., Harvard University Press.
  - SHLAPENTOKH D., 2011: “The fate of Nikolai Marr's linguistic theories: The case of linguistics in the political context”, in *Journal of Eurasian Studies*, 2011, 2: 60-73.
  - SLEZKINE Yu., 1996: “N.Ia. Marr and the national origins of Soviet ethnogenetics”, in *Slavic Review*, 1996, 55 (4): 826-862.
  - SMITH M.G., 1998: *Language and Power in the Creation of the USSR, 1917-1953*. Berlin – New York, Mouton de Gruyter.
  - THOMAS L., 1957: *The Linguistic Theories of N.Ja. Marr*. Berkeley – Los Angeles, University of California Press.

- TRUBETZKOY N., 1920 [1991]: “Europe and mankind”, in Trubetzkoy N.S. *The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russia's Identity*. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, 1991: 1-64.
- , 1927 [1991]: “The Ukrainian problem”, in Trubetzkoy N.S. *The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russia's Identity*. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, 1991: 245-267.
- , 1939 [2001]: «Thoughts on the Indo-European problem», in Trubetzkoy N.S. *Studies in General Linguistics and Language Structure*. Durham – London, Duke university Press, 2001: 87-98.
- “ТΥМЧЕНКО, YEVEN”, s.d.: “Tymchenko, Yevhen”, in *Internet Encyclopedia of Ukraine* (<http://www.encyclopediaofukraine.com/display.asp?linkpath=pages%5CТ%5СΥ%5СТymchenkoYevhen.htm>; accessed on 30.07.2019).
- VELMEZOVA E., 2007: *Les lois du sens: la sémantique marriste*. Bern et al., Peter Lang.
- АЛПАТОВ В.М., 1991 [2004]: *История одного мифа: Марр и марризм*. Москва, Наука, 2004. [History of a myth: Marr and Marrism]
- БАБАК В.М., 1936а: “Питання історичного розвитку української мови в світлі нового вчення про мову”, in *Мовознавство*, 1936, 8: 89-108. [The question of the historical development of the Ukrainian language in the light of the new theory of language]
- , 1936b: “Про деякі питання історичного розвитку української мови”, in *Вісті Академії Наук УСРР*, 1936, 3 (присвячений конференції молодих учених України): 183-196. [On some questions regarding the historical development of the Ukrainian language]
- БЕЗКРОВНИЙ О., 1936: “До проблеми генезису ітеративних дієслів з суфіксом -ва в російській і українській мовах”, in *Мовознавство*, 1936, 8: 5-20. [On the problem of the genesis of the iterative verbs with suffix -va in Russian and Ukrainian]
- БУЛАХОВСЬКИЙ Л., 1936: “Розвідки в ділянці граматичної аналогії в слов'янських мовах. I. Родовий однини чоловічого роду на -у”, in *Мовознавство*, 1936, 8: 49-70. [Studies on grammatical analogy in the Slavonic languages. I. The genitive singular -u of masculine nouns]
- ДОРОШЕНКО Д., 1928 [1995]: “К українской проблеме. По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого”, in Трубецкой Н.С. *История. Культура. Язык*. Москва, Прогресс, 1995: 380-392. [The Ukrainian problem. Concerning Prince N.S. Trubeckoj's article]
- ЖОВТОБРЮХ М.А., 1991: *Нарис історії українського радянського мовознавства (1918-1941)*. Київ, Наукова думка. [An outline of the history of Soviet Ukrainian linguistics (1918-1941)]
- ЗБОРОВСКИЙ И., 1937: “Н.Я. Марр и украинский язык”, in *Язык и мышление*, 1937, VIII: 19-48. [N.Я. Marr and the Ukrainian language]
- ЛУКІНОВА Т.Б., 2011: “Леонід Арсенійович Булаховський (до 50-річчя від дня смерті)”, in *Мовознавство*, 2011, 6: 3-13. [Leonid Arsenijovič Bulaxovs'kyj: For the 50th anniversary of his death]

- МАРР Н.Я., 1927 [1936]: “Общий курс учения об языке”, in МАРР Н.Я. *Избранные работы*, т. 2. Москва – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1936: 23-126. [General course on the theory of language]
- , 1930 [1935]: “Яфетические зори на украинском хуторе (Бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке)”, in МАРР Н.Я. *Избранные работы*, т. 5. Москва – Ленинград, Государственное социально-экономическое издательство, 1935: 224-271. [Japhetic dawn on the Ukrainian farmstead (Grandmother’s tales of the Pig Red Sun)]
- , 2002: *Яфетидология*. Жуковский – Москва, Кучково поле. [Japhetidology]
- ПОЛОВИНКИН С., 1995: “Евразийство и русская эмиграция”, in Трубецкой Н.С. *История. Культура. Язык*. Москва, Прогресс: 731-762. [Eurasianism and the Russian emigration]
- СЕЛІГЕЙ П., 2005: “Науковці мовознавчих установ Академії наук України. 1918-1943 рр.”, in Склярєнко В.Г. *et al.* (ред.), *Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України – 75, 1930-2005: Матеріали до історії*. Київ, Довіра: 362-400. [Researchers of the linguistic institutions of the Ukrainian Academy of Sciences, 1918-1943]
- СТРУВЕ П., 1912: “Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу”, in *Русская мысль*, 1912, 1: 65-86. [All-Russian culture and Ukrainian particularism. Reply to the Ukrainian]
- ТРУБЕЦКОЙ Н.С., 1928 [1995]: “Ответ Д.И. Дорошенко”, in Трубецкой Н.С. *История. Культура. Язык*. Москва, Прогресс, 1995: 393-405. [Reply to D.I. Dorošenko]
- ШЕРЕХ Ю. [ШЕВЕЛЬОВ Ю.], 1950: “Присмерк марризму”, in *Нові дні*, 1950, 6: 8-11 (http://movahistory.org.ua/wiki/%D0%A8%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%85_%D0%AE_%D0%9F%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BA_%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D1%83; accessed on 30.07.2019). [The twilight of Marrism]

Laura Orazi
Université de Macerata

**L'eurasisme, le marrisme et l'Ukraine:
une tentative de discuter plusieurs idées linguistiques et culturelles
à travers le sujet commun de l'Ukraine**

Résumé:

Le but de cet article est d'analyser certains aspects de l'eurasisme et du marrisme, en faisant référence à des écrits particuliers concernant la langue et la «culture» ukrainiennes. Malgré leurs différences, il a déjà été montré que ces deux courants critiquaient la «linguistique comparée occidentale» ainsi que la «culture occidentale» en général. Premièrement, le débat de 1927-1928 impliquant l'eurasiste N.S. Trubeckoj et l'historien ukrainien D.I. Dorošenko est présenté afin de discuter de l'approche de la question de l'indépendance culturelle de l'Ukraine par rapport à la Russie. Deuxièmement, le rapport de V.M. Babak à la Conférence des jeunes chercheurs de l'Académie des sciences d'Ukraine en 1936 est analysé pour montrer l'adhésion totale du chercheur au marrisme, avec ses lacunes méthodologiques et ses contradictions. En conclusion, plusieurs traits communs apparus lors de l'analyse de ces textes seront soulignés pour montrer comment l'eurasisme et le marrisme ont traité le sujet de la langue et de la «culture» ukrainiennes.

Mots-clés: eurasisme, marrisme, N. Trubeckoj, D. Dorošenko, V. Babak, N. Marr, langue ukrainienne, «culture ukrainienne», langue russe, «culture russe»

Лаура Орази
Университет Мачераты

**Евразийство, марризм и Украина: попытка обсуждения
некоторых размышлений о языке и культуре
в свете общей украинской темы**

Аннотация:

Цель данной статьи – в попытке анализа некоторых аспектов евразийства и марризма исходя из ряда текстов, касающихся украинского языка и «культуры». Несмотря на различия между ними, уже было показано, что оба соответствующих направления критически относились к «западной сравнительной лингвистике» и к «западной культуре» в целом. Во-первых, дискуссия 1927-1928 годов между евразийцем Н.С. Трубецким и украинским историком Д.И. Дорошенко представлена в статье в свете обсуждения подхода к вопросу о культурной независимости Украины от России. Во-вторых, анализируется отчет В.М. Бабака на Конференции молодых ученых Украинской Академии наук в 1936 году: этот анализ показывает полную приверженность исследователя марризму, включая соответствующие методологические недостатки и противоречия. Наконец, подчеркиваются некоторые выявленные

при анализе этих текстов сходства: они позволяют показать, как евразийцы и марристы относились к теме украинского языка и «культуры».

Ключевые слова: евразийство, марризм, Н. Трубецкой, Д. Дорошенко, В. Бабак, Н. Марр, украинский язык, «украинская культура», русский язык, «русская культура»

L'épistémologie de la linguistique entre localisation et généralité: ce que j'ai appris à partir de *Structure et totalité*

Claudia STANCATI
Université de Calabre

Résumé:

Vingt ans après sa première parution, l'ouvrage de P. Sériot nous montre toujours les raisons des différences avec le structuralisme français, en rapportant la théorie linguistique des Praguois à ce lien entre science et idéologie qui est fondamental pour la culture scientifique en Russie et en Europe centrale. P. Sériot travaille avec les outils de l'épistémologie historique française de G. Bachelard et G. Canguilhem, et les applique à des matériaux culturels très différents. Ce qui en résulte est la spécificité des sciences humaines et des indications méthodologiques générales qui peuvent être utilisées dans d'autres situations et pour d'autres objets.

Mots-clés: structure, système, paradigme, épistémologie comparée, Eurasie

C'est que la «modernité» scientifique n'est pas une affaire de déclaration, elle ne se reflète pas telle quelle dans la conscience des contemporains. Affirmer une rupture ne suffit pas à l'accomplir¹.

L'objet déconcertant de *Structure et totalité* est, suivant l'expression de son auteur lui-même, une épistémè culturellement localisé. Le texte illustre la pensée de linguistes tels que Trubeckoj et Jakobson, et du géographe Savickij qu'on considère habituellement en faisant abstraction de leur appartenance à la culture proprement russe mais en les replaçant dans leur propre contexte culturel, le monde de l'Eurasie.

Patrick Sériot connaît bien ce monde: il est très difficile de trouver réunies dans un seul texte des connaissances si détaillées et si nombreuses, mais ce qui ajoute de l'intérêt à ce livre encore vingt ans après sa première parution, c'est le fait que ces connaissances sont présentées dans une perspective de comparaison avec le monde francophone auquel, pendant longtemps, on a attribué la paternité du structuralisme. La notion de structure et ses relations de synonymie avec celle de totalité et celle d'organisme – ce qui indiquerait une filiation biologiste² – sont ici replacées dans un tissu culturel très complexe.

P. Sériot nous montre les raisons des différences avec le structuralisme français en rapportant la théorie linguistique des Praguois à ce lien entre science et idéologie qui est pour la culture scientifique en Russie et en Europe centrale un véritable air du temps et du lieu. P. Sériot fait ce travail en acceptant les outils de l'épistémologie historique française de Bachelard et Canguilhem et en les appliquant à des matériaux culturels très différents. Ce qui en résulte est la spécificité des sciences humaines et des indications méthodologiques générales qui peuvent être utilisées en d'autres situations et pour d'autres objets. Pour chaque tournure particulière de la pensée linguistique eurasiiste nous pouvons dégager des indications méthodologiques plus générales.

Les Russes de Prague représentent non seulement la limite orientale de la pensée occidentale³ mais ils nous montrent plutôt la voie d'une *épistémologie comparée* puisque «les complémentarités scientifiques entre la Russie et l'Europe occidentale sont faites d'interférences, recouvrements, retournements, malentendus et fécondations réciproques»⁴. Comme l'écrit P. Sériot: «en sciences humaines les mouvements d'idées entre les pays ne se font pas avec une synchronie parfaite. Il y a des *décalages* dans la réception des œuvres, décalages souvent idéologiques et non techniques»⁵. Les discussions contemporaines de la diffusion des textes peuvent nous instruire sur la face cachée du cercle de Prague en découvrant ainsi un arrière-

---

¹ Sériot 1999 [2012: 14].

² Koerner 1976: 701; Cassirer 1945.

³ Sériot 1999 [2012: 34].

⁴ *Ibid.*: 22.

⁵ *Ibid.*: 35.

plan philosophique, une bibliothèque idéale où Hegel et Joseph de Maistre jouent un rôle de premier plan.

La reconstruction minutieuse du mouvement eurasiste permet à P. Sériot de dégager une pensée linguistique et culturelle qui se fonde sur une philosophie de l'histoire, une philosophie du sens de l'histoire, qui veut dépasser l'individualisme de l'Occident, qui ne prend pas en compte l'opposition entre synchronie et diachronie et qui pense différemment le problème de l'espace linguistique en s'appuyant sur la notion d'union de langues. Encore une fois, l'élaboration des Praguois dépasse une des notions-clés de la linguistique de cette époque: les traits structuraux de l'union sont tels qu'ils lui font perdre l'aspect d'un système et Jakobson d'un côté et Trubeckoj de l'autre choisissent différentes métaphores, telles que la tache d'huile et les maillons d'une chaîne.

La notion d'union des langues est une notion que P. Sériot compare avec la pensée occidentale et notamment avec la linguistique aréale élaborée par la néolinguistique italienne de Bartoli, Bertoni et Pisani⁶.

Ici, de nouveaux questionnements surgissent quant à l'opposition entre continuité et discontinuité et ce qui est intéressant, c'est que P. Sériot souligne les influences réciproques entre l'histoire de la pensée linguistique et l'histoire de la pensée géographique, et signale le rôle de l'idée de ressemblance (et notamment de la découverte de similitudes entre des langues géographiquement contiguës mais non généalogiquement apparentées) dans l'abandon de l'organicisme et du naturalisme linguistiques.

Les raisons de l'opposition au positivisme sont un point capital pour comprendre la différence entre l'Occident et les membres russes du cercle de Prague. Dans le premier cas, le mouvement de l'opposition est le refus du déterminisme au nom de la liberté, tandis que pour les Russes, c'est l'idée néoplatonicienne du lien entre les parties du tout.

Évolutionnisme et diffusionnisme, alliance et affinité sont les autres notions dont P. Sériot retrouve l'origine et dont il dessine les glissements sémantiques qui mènent à leur utilisation dans les domaines de l'analyse des langues. Pour en comprendre les détours, il s'appuie sur l'histoire d'autres sciences comme le droit, l'anthropologie ou la chimie.

Également dans le livre est détaillée et nuancée la différente réception du darwinisme accueilli avec enthousiasme par l'intelligentsia radicale en tant qu'instrument de lutte politique et rejeté par Jakobson en tant qu'opposé à la téléologie, introduisant le hasard et opposant la causalité mécanique à la notion de but de l'évolution. Trubeckoj et surtout Jakobson sont amenés à s'opposer à ce qu'ils appellent, sans trop se soucier de la précision, le naturalisme et le positivisme. Ils en refusent l'idée du progrès mais ils en embrassent «la vision globaliste du monde»⁷ et P. Sériot suit le courant naturaliste (bien qu'il s'agisse d'un naturalisme non darwinien) qui

---

⁶ *Ibid.*: 83 et suiv.

⁷ *Ibid.*: 265.

inspire Jakobson et qui rend son «monde épistémologique extrêmement différent de celui de Saussure»⁸.

La recherche du sens caché des choses dans la science des eurasistes réclame un regard sur la totalité, ce qui mène à un système des sciences tout à fait opposé aux classifications occidentales fondées sur l'idée d'encyclopédie. Pour Trubeckoj, il faut une nouvelle discipline, une théorie de la personne, qui bouleverse les rapports de l'individuel et du collectif tels qu'ils sont conçus par l'Occident individualiste et bourgeois et qui replace de surcroît la personne dans son environnement physique. Le progrès, la civilisation universelle, l'individu sont rejetés par Trubeckoj au nom de la clôture des cultures, cultures dont l'histoire est expliquée par une différente philosophie de l'histoire. Trubeckoj dessine donc une entité collective organique douée de conscience et en fait le véritable pivot de son étude de la langue.

Bien que les Russes de Prague se placent avec Saussure et contre le naturalisme linguistique et qu'ils parlent de la linguistique comme d'une science sociale, leur téléologisme et leur refus de l'individualisme occidental font de leur monde linguistique, comme l'écrit P. Sériot, «un monde sans humains»⁹.

Sur cette connaissance de détail du monde culturel des Praguais l'on comprend très bien toutes les différences entre leur pensée linguistique et celle de Saussure et notamment entre Saussure et Jakobson. En détaillant les différences entre Jakobson, Trubeckoj et Savickij, P. Sériot a indiqué la différence saillante avec Saussure: «là où Saussure sépare, Jakobson réunit»¹⁰.

Premièrement, la distinction fondamentale entre l'objet de science et l'objet réel établie par Saussure avec sa théorisation du point de vue est complètement oblitérée par les eurasistes pour qui il s'agit de trouver un nom à ce qui existe: un type et non un modèle¹¹. Le système n'est pas le fruit de la science, mais il appartient au monde lui-même, le structuralisme devient ainsi une option ontologique bien que non au sens physicaliste¹². Il en résulte une idée de la science pour laquelle «la totalité synthétique est dans les faits eux-mêmes et non dans la méthode de connaissance, qui ne doit que la répéter, la redoubler»¹³.

Cette linguistique repose sur une vision platonicienne ou pythagoricienne très proche de l'idéalisme allemand du début du XIXème siècle: «la notion de “système” ou de “structure” correspondait pour eux à la notion d'*ordre* en tant que refus du hasard»¹⁴, une notion de système développée par le géographe Savickij dans un sens tout à fait opposé à l'idée saussu-

⁸ *Ibid.*: 274.

⁹ *Ibid.*: 203.

¹⁰ *Ibid.*: 252.

¹¹ *Ibid.*: 281, 282.

¹² *Ibid.*: 284.

¹³ *Ibid.*: 248.

¹⁴ *Ibid.*: 221.

rienne. «Pour Jakobson, à la différence de Saussure, – écrit P. Sériot – un système est fait d'ordre et d'harmonie»¹⁵. L'opposition de Jakobson à l'aléatoire le guide à une interprétation de Saussure et à une prise de distance de son idée de la langue comme jeu. Pour Saussure, le système est ce tissu serré de différences, le seul d'après lequel les mots existent non comme des choses en soi, ni même comme des «choses qui résument choses»¹⁶, mais comme des éléments purement négatifs et différentiels qui grâce au système acquièrent leur valeur, un élément que Saussure s'efforce de distinguer de façon subtile et articulée de leur signification. Pour le linguiste privé du secours de toutes les analogies, le travail patient et pénible sur le système est la seule voie qui reste pour dévoiler le sphinx du langage.

Si la notion de système a été trop de fois identifiée chez Saussure à celle de structure¹⁷, chez les Praguois ces deux mots se mêlent aux notions de synthèse, de totalité, d'essence, de nature, d'organisme, etc., démontrant comment, sur le plan général, «la théorie des paradigmes est mal adaptée à l'histoire des idées linguistiques»¹⁸. La notion de paradigme est donc en question, car on est vraiment en présence ici d'un cas de «coexistence de paradigmes incompatibles»¹⁹. Le travail qui a été fait dans plusieurs directions (après Feyerabend, par Larry Laudan, Ian Hacking, ou Yehuda Elkana) nous a appris que, dans l'histoire des sciences, les changements lents ainsi que les révolutions tumultueuses ne marchent pas en ligne droite, que les concepts ne changent pas seulement d'après les faits, mais que des changements peuvent se produire aussi à la suite de disputes conceptuelles et que, souvent, la coexistence de théories opposées représente plutôt la règle que l'exception²⁰.

Le travail de P. Sériot montre qu'un changement de paradigme n'est pas une révolution du moment que l'on explicite ce qui était implicite et qu'on ajoute aux changements qui ont lieu à l'intérieur d'un même paradigme ceux qui se produisent à l'extérieur, par la contamination entre paradigmes différents.

Le livre de P. Sériot a été publié il y a vingt ans et une édition revue et corrigée a été rééditée en 2012, mais ce livre n'a pas du tout vieilli pour plusieurs raisons.

Une première raison est que le biais à partir duquel P. Sériot étudie son objet lui permet de tirer au clair des questions majeures et très générales de l'épistémologie de la linguistique, puisqu'il n'est pas du tout rivé à «une conception aprioriste des écoles, des courants et des paradigmes» et qu'il sait en montrer «la diversité ou la complexité»²¹.

---

¹⁵ *Ibid.*: 219.

¹⁶ Saussure 2002: 65; cf. Saussure 1967-1974, I: 255.

¹⁷ Stancati 2017.

¹⁸ Sériot 1999 [2012: 291].

¹⁹ *Ibid.*: 22.

²⁰ Stancati 2009.

²¹ Sériot 1999 [2012: 21].

Entre l'identité et la différence, P. Sériot trace la voie de la complexité du dessin d'un monde scientifique. Et il se place dans une perspective qui dépasse complètement les coupures épistémologiques et nous donne une leçon méthodologique beaucoup plus générale:

Il faut savoir [...] retrouver les lentes maturations, les longs arrachements, dans ce domaine des sciences humaines où l'évolution se fait moins souvent à la suite d'une découverte interne à la discipline que par l'évolution des modes de pensée, par l'intégration, à titre de métaphores de modèles et de notions importés d'autres disciplines, voire d'autre domaines (artistique, politique etc.). Il y a cohabitation de notions différentes, opposées, contradictoires, qui coexistent d'autant plus facilement et sournoisement qu'elles sont mal stabilisées, qu'elles utilisent les mêmes mots avec des sens différents²².

© Claudia Stancati

---

²² *Ibid.*: 36.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

- CASSIRER E., 1945: «Structuralism in modern linguistics», in *Word*, August 1945, I: 97-120.
- KOERNER E.F.K., 1976: «Towards a historiography of linguistics. 19th and 20th century paradigms», in Herman P. (ed.), *History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics*. Amsterdam – Berlin – New York, De Gruyter: 685-718.
- SAUSSURE F. de, 1967-1974: *Cours de linguistique générale*, édition critique par R. Engler, vol. I-II. Wiesbaden, Otto Harrassowitz.
- , 2002: *Écrits de linguistique générale*. Paris, Gallimard.
- SÉRIOT P., 1999 [2012]: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Lambert-Lucas, 2012.
- STANCATI C., 2009: «Paradigmes et révolutions dans les philosophies et dans les sciences du langage», in Bloch O. (dir.), *L'idée de Révolution. Quelle place lui faire au XXIème siècle?* Paris, Publications de la Sorbonne: 252-263.
- , 2017: «Système et structure chez Saussure: synonymie ou quelle différence?», in *Le Cours de linguistique générale 1916-2016* (<https://www.clg2016.org/contribution/92.html>; site consulté le 27.05.2019).

Клаудия Станкати
Университет Калабрии

**Эпистемология лингвистики между местоположением и
общностью: чему меня научила *Структура и целостность***

Аннотация:

Спустя двадцать лет после первой публикации книга П. Серио по-прежнему раскрывает причины различий теорий пражских структуральных лингвистов с французским структурализмом, связывая лингвистическую теорию пражан со взаимоотношениями между наукой и идеологией, которые являются фундаментальными для научной культуры в России и в Центральной Европе. П. Серио работает методами французской исторической эпистемологии Г. Башляра и Ж. Кангилама, применяя их к другому культурному материалу. Как следствие, можно говорить о специфике гуманитарных наук и о тех общих методологических указаниях, которые можно использовать для изучения других ситуаций и других объектов.

Ключевые слова: структура, система, парадигма, сравнительная эпистемология, Евразия

Claudia Stancati
University of Calabria

**The epistemology of linguistics between localisation and generality:
what I learned from *Structure and the Whole***

Abstract:

Twenty years after its first publication, P. Sériot's work still reveals the reasons for the differences maintained by Prague scholars in regard to French structuralism, relating the linguistic theory of the Prague linguists to the link, fundamental to scientific culture in Russia and in Central Europe, between science and ideology. P. Sériot works with the methods of French historical epistemology established by G. Bachelard and G. Canguilhem, and applies them to very different cultural materials. What follows is the specificity of the humanities and general methodological indications, which can be used in other situations and for other objects.

Keywords: structure, system, paradigm, comparative epistemology, Eurasia

Structuralisme et organicisme: une analyse épistémologique

Anne-Gaëlle TOUTAIN
Université de Berne

Résumé:

Nous proposons ici une analyse épistémologique de la conception structuraliste du changement linguistique, en tant qu'elle met en œuvre une représentation de la langue comme entité en évolution. À la lumière récurrente de la théorisation saussurienne de la langue, nous montrons que cette conception est grevée par un ensemble de contradictions qui, bien que dotées d'une forme spécifique dans chacune des théories analysées, sont néanmoins globalement appréhendables en termes de dualité entre perspectives pseudo-étiologique et génétique, structure et entité, dualité qui fait apparaître la nécessité de la distinction saussurienne entre synchronie et diachronie, en tant que celle-ci rompt (au sens bachelardien) avec la représentation de la langue en termes d'entité.

Mots-clés: structuralisme, organicisme, L. Hjelmslev, R. Jakobson, É. Benveniste, A. Martinet,

Jakobson et Troubetzkoy, chacun à sa façon, sont à prendre comme un maillon intermédiaire de la lente reconfiguration du paradigme organiciste en paradigme structuraliste, dans ce mélange d'intuitions fulgurantes et d'engluement dans cette pensée sinon substantialiste, du moins naturaliste et biologiste qui est la leur¹.

Notre point de départ, dans cet article, est le constat de l'incapacité dans laquelle s'est trouvé le structuralisme de fournir une représentation satisfaisante des données diachroniques, et la question posée à ce propos dans l'argumentaire du colloque annuel organisé en 2014 par la Société d'histoire et d'épistémologie des sciences du langage, «Modèles et modélisations en sciences du langage, de l'homme et de la société. Perspectives historiques et épistémologiques»²: «Faut-il y voir un défaut d'outillage ou simplement une inertie de la modélisation au regard des déplacements de perspective?» Nous nous efforcerons d'apporter des éléments de réponse à cette question à travers une analyse des théories diachroniques des quatre grands structuralistes européens que sont Louis Hjelmslev, Roman Jakobson, André Martinet et Émile Benveniste.

L'argumentaire de ce colloque affirmait que «[t]out en récusant bruyamment le référentiel biologique, Meillet n'en a [...] pas moins conservé une conception des systèmes issue de l'organicisme, c'est-à-dire comme ensemble fermé de relations internes»³. Il faut en dire autant des structuralistes, tout au moins des quatre linguistes que nous venons de citer, qui récusent l'organicisme des premiers comparatistes et prennent leurs distances avec la représentation en termes de *Stammbaum*, mais dont la représentation demeure fondamentalement organiciste. Cette représentation demeure en réalité pré-schmidtienne, dans la mesure où l'abandon de la notion de *Stammbaum* est purement nominal. De fait, l'enjeu de cet organicisme est, ce nous semble, la permanence de la représentation de la langue comme une entité en évolution⁴, représentation battue en brèche par les travaux de Johannes Schmidt⁵ et des dialectologues, puis déconstruite par la théorie saussurienne, qui confèrera ainsi à ces derniers leur pleine signification. Nous nous attacherons dans ce qui suit à faire apparaître les difficultés insurmontables qui sont inhérentes à cette conception de la langue comme une entité en évolution, difficultés que, à la lumière de la théorisation saus-

¹ Sériot 1999: 311.

² La présente contribution est en effet le texte de la communication que j'ai donnée à ce colloque, qui s'est tenu à Paris les 24 et 25 janvier 2014. Je suis très heureuse de la publier dans cet ouvrage d'hommage au livre de Patrick Sériot, qui a beaucoup nourri ma réflexion.

³ https://shesl2014.sciencesconf.org/conference/shesl2014/pages/presentation_VF_1.pdf (site consulté le 23.04.2019).

⁴ Il ne nous semble donc pas que le structuralisme s'oppose à l'organicisme, comme le soutenait pour sa part Patrick Sériot en 1999 (voir notamment Sériot 1999: 311, d'où provient la citation en exergue de cet article); au contraire, le structuralisme demeure fondamentalement organiciste, parce qu'il ne renonce pas à la notion d'entité, et c'est là son problème fondamental.

⁵ Voir notamment Schmidt 1872.

surienne de la langue, il est possible de soumettre à une analyse épistémologique⁶.

L'analyse des théories diachroniques hjelmslevienne, jakobsonienne, martinettienne et benvenistienne fait en effet apparaître une série de difficultés et de contradictions qui sont tout à la fois propres à chacun de ces quatre linguistes et remarquablement semblables, dans la mesure où elles manifestent toutes la même dualité entre structure et entité et entre perspectives «étiologique», c'est-à-dire s'attachant aux «causes» de la langue – les guillemets étant là pour signaler le caractère «pseudo-étiologique» d'une telle perspective chez les structuralistes, et distinguer celle-ci d'une perspective véritablement étiologique, telle celle de Saussure – et génétique, c'est-à-dire dans le cadre de laquelle la langue apparaît comme un résultat de l'évolution, explicable comme telle et non, comme dans le cadre de la perspective «étiologique», par sa constitution comme système ou par sa systémativité. Cette dualité est liée à une complémentarité: l'entité (la représentation de la langue en termes d'entité) soutient le postulat de la structure, qui, en retour, doit permettre une modélisation de cette dernière. Plus précisément, la notion d'entité vient donner corps à une représentation fondamentalement synchronique et descriptive, qui tout à la fois la suppose (c'est l'unité de la langue) et, en tant que telle, ne saurait cependant que la rendre contradictoire, pointant ainsi vers une spécificité de l'objet de la linguistique (sa dualité de langue et d'idiome, que nous mettrons ainsi en évidence pour conclure).

1. STRUCTURE ET ENTITÉ

1.1. HJELMSLEV: PERSPECTIVE ABSTRACTIVE ET RECONSTRUCTION DE L'ÉVOLUTION

Chez Hjelmslev, la contradiction est apparente dès les premiers textes. Dans les *Principes de grammaire générale* (1928)⁷ s'opposent ainsi deux causalités: synchronique et diachronique, impliquant deux conceptions de la langue, comme système d'une part, comme entité en évolution d'autre part, et par ailleurs deux explications des faits linguistiques: par le système et comme résultats de l'évolution. Ces deux causalités renvoient ainsi respectivement aux deux perspectives «étiologique» et génétique. Or, leur op-

---

⁶ Pour une analyse plus détaillée, voir Toutain 2012, et pour la théorie saussurienne, Toutain 2014. Notre analyse se fonde sur la quasi-totalité des corpus saussurien, hjelmslevien, jakobsonien, martinettien et benvenistien, et en particulier sur: Benveniste 1935; 1937; 1958; 1959; 1962; 1964; 1966; 1966 [2002]; 1969 [2003]; 1974 [2004]; 1975 [1993]; Benveniste (éd.), s.d.; Hjelmslev 1932; 1971 [1996]; 1971 [1997]; 1972a; 1972b; 1973; 1975; 1985; 2016; Jakobson 1963 [2003]; 1969 [2005]; 1971; 1973 [1979]; 1976 [1991]; 1985, 1988; Jakobson, Pomorska 1980; Jakobson, Waugh 1980; Martinet 1937; 1955 [1964]; 1965 [1970]; 1969a; 1969b; 1975a; 1975b; 1985; 1986 [2004]; 1989; 1991 [1996]; 1993; 1996; 2000; Saussure 1972 [1995]; 1967-1974; 1996; 1997; 2002; 2011; Saussure, Constantin 2005.

⁷ Hjelmslev 1928.

position est d'emblée contradictoire, dans la mesure où l'objet est un, et où il est constitué par le système. C'est là, en effet, le paradoxe de cette distinction dont les structuralistes, contre Saussure, revendiquent le caractère «méthodologique», entre synchronie et diachronie: elle implique une dualité de construction de l'objet, mais par ailleurs, en tant que dualité méthodologique, un objet un, et que Hjelmslev construit comme système, construction paradoxale dans le cadre du point de vue synchronique, dont il faut ainsi constater le dédoublement. Autrement dit, tandis que Hjelmslev – et comme lui les autres structuralistes – entend «dépasser» ou «liquider» l'opposition saussurienne entre synchronie et diachronie, ce dépassement se fonde en réalité sur une dualité du point de vue synchronique, qui est tout à la fois appréhension systématique de la langue (dans le cadre d'une distinction conçue comme «méthodologique») et définition de la langue comme système (constitutive de la langue comme objet un): la langue est conçue comme système (c'est le fondement sur l'entité), et ce système envisagé ensuite du double point de vue synchronique et diachronique. Aussi, en dépit de ce «dépassement», la distinction synchronie / diachronie demeure-t-elle indépassable, et insiste-t-elle sous la forme de la dualité des deux perspectives «étiologique» et génétique et dans la contradiction constitutive de la dualité entre structure et entité.

La représentation hjelmslevienne du changement linguistique implique un système statique, produit de la perspective «étiologique», et une reconstruction de l'évolution, répondant à la perspective génétique. La théorie diachronique hjelmslevienne est en effet tout entière reconstruction dans le cadre d'une perspective analytique – c'est-à-dire fondée sur l'analyse du donné linguistique, des énoncés de la parole ou, en termes hjelmsleviens, de l'«usage» – dont l'organicisme toujours latent n'est qu'un mode associé de constitution de l'objet. C'est là de fait la structure de la distinction, fondamentale dans la linguistique hjelmslevienne, entre schéma et usage: l'unité du système se fonde sur la norme, mais la perspective abstraite se retourne *in fine* en reconstruction du phénomène: manifestation du schéma dans l'usage (perspective «étiologique») et reconstruction de l'évolution sur fond du partage d'objet (schéma / usage, définissant deux types de changements et deux types d'explication des changements: par le système, ou par divers autres facteurs, notamment les tendances des locuteurs) qu'implique la notion de système (perspective génétique). Le système hjelmslevien explique fondamentalement un état (un usage) et, dans ce cadre, la perspective diachronique fait tout d'abord figure d'expédient de la description: comme il apparaît de manière extrêmement nette dans *La catégorie des cas*⁸ et dans les textes de 1937 («Accent, intonation, quantité» et «La syllabation en slave»⁹), et de même, bien qu'un peu différemment, dans ceux de 1956 («Sur l'indépendance de l'épithète» et «Animé et

⁸ Hjelmslev 1972a.

⁹ Tous deux dans Hjelmslev 1973.

inanimé, personnel et non-personnel»¹⁰), la notion d'instabilité intervient pour rendre compte de «tensions entre norme et usage», c'est-à-dire aussi bien de difficultés d'analyse dans le cadre de ce système; lorsque ces difficultés deviennent trop apparentes, intervient une «mutation brusque» – notion apparaissant dans *La catégorie des cas* –, justifiant le changement de système.

Ce caractère de reconstruction dans le cadre d'une analyse fondamentalement synchronique est à rapprocher des difficultés de la représentation, liées à la notion d'entité. Ces dernières sont tout particulièrement apparentes dans les conférences données à l'université d'Aarhus en 1934, *Sprogsystem og sprogforandring* [Système linguistique et changement linguistique]¹¹, où le système explicatif des changements apparaît tout à la fois un (c'est le système indo-européen, qui rend compte, pour ce qui concerne le système, de l'évolution des langues indo-européennes), et multiple (celui de chacune des différentes langues, ainsi tout à coup considérées comme autant d'entités distinctes, sans que l'on puisse se représenter ce passage du un au multiple). De même, dans les textes postérieurs (à commencer par *La catégorie des cas* et «Accent, intonation, quantité»), il s'agira tout à la fois d'évolution du système et d'établissement d'un système nouveau. À ces difficultés de la représentation répond une conception organiciste, qui a justement pour fonction d'unifier *a posteriori* ces entités dont la multiplicité est postulée d'emblée et fonde l'explication structurale des changements, mais demeure inexpiquée: la langue hjelmslevienne apparaît comme une entité subsomptrice, sans autre réalité que celle que lui confère l'organicisme, qui permet à Hjelmslev d'opposer deux mouvements, celui du système, automobile, et celui de l'usage, soumis aux tendances des locuteurs.

Il apparaît ainsi que la distinction entre schéma et usage, corrélative de celle de deux types de changements et d'explication du changement (par le système / par l'usage) est également une forme de la distinction synchronie / diachronie. Celle-ci, qui était conçue comme dépassée par l'explication structurale du changement (l'explication des changements par le système), insiste paradoxalement sous la forme de la dualité structure (abstraction) / entité (reconstruction de l'évolution), qui dénonce par ailleurs le statisme du système.

Cette dualité entre structure et entité insiste en réalité à plusieurs niveaux de l'élaboration hjelmslevienne, dont nous n'avons abordé ici qu'un pan très restreint¹². Jakobson et Martinet s'efforcent pour leur part de l'arti-

¹⁰ Tous deux dans Hjelmslev 1971 [1997].

¹¹ Hjelmslev 1972b, à présent traduit en français (Hjelmslev 2016).

¹² Nous venons en effet de parcourir – de manière par ailleurs extrêmement rapide – ce que l'on pourrait appeler le pan organiciste de la théorie hjelmslevienne du changement linguistique, auquel répond un pan formaliste, élaboration formaliste dont les premiers jalons se trouvent dans les textes de 1937, qui introduisent la notion d'actualisation et la redéfinition synchronique des lois diachroniques, et dont l'aboutissement apparaît dans *Sproget* [Le langage] (Hjelmslev 1966 [1984]) puis dans le *Résumé of a Theory of Language* (Hjelmslev

culer: si l'on a chez Hjelmslev une réduction du changement sur fond d'un partage d'objet, la démarche des phonologues paraît inverse, dans la mesure où elle consiste au contraire en une introduction de la diachronie dans la synchronie.

1.2. JAKOBSON: CONJONCTION ET DISSOLUTION

On peut distinguer deux pans dans l'élaboration jakobsonienne, où il s'agit tout à la fois d'explication et d'appréhension structurales du changement et de redéfinition de la synchronie comme synchronie dynamique. Néanmoins, qu'il s'agisse de l'un ou de l'autre, on peut parler d'articulation de la genèse et de l'«*étimologie*», dans la mesure où se trouve chaque fois promu un objet indistinct, indissolublement synchronique et diachronique. Cette articulation n'en est pas moins illusoire que le «*dépassement*» hjelmslevien, dont elle constitue une autre forme, et la dualité entre structure et entité réapparaît ainsi sous d'autres formes, notamment celles d'une dualité entre locuteurs et langue, et entre structure explicative (fondée sur l'entité) et structure en évolution (l'entité elle-même).

En premier lieu, il y a chez Jakobson, pour rendre compte de la mobilité de la langue, deux notions contradictoires. Jakobson postule tout d'abord un maniement de la langue par les sujets parlants, notion conforme à la représentation de la langue en termes d'instrument de communication qui est la sienne. Dans le même temps, cependant, on assiste dans ses textes à une structuralisation du rôle des sujets parlants, grâce aux notions de fonction et de dialecte fonctionnel: le rôle des sujets parlants est pensé en termes de rapport entre des mutations plutôt qu'en termes de besoin d'expression – notion qui sera en revanche centrale chez Martinet. La notion centrale est alors celle de structure de structures, et les changements sont pensés en termes de rapports entre les différents systèmes. La structure jakobsonienne se trouve ainsi paradoxalement constituée tout à la fois comme une entité maniée par les sujets parlants et comme une entité autonome, et corrélativement, comme étant tout à la fois modifiée et intégrante par rapport à ces modifications.

En second lieu, cette dualité entre structure modifiée et structure intégrante (structure fondée sur l'entité et entité en évolution, pensée comme structure) se double d'une dualité, parallèle, entre structure explicative et structure englobante. En effet, la notion, centrale dans l'élaboration jakobsonienne, d'évolution conditionnée structurellement – Jakobson dit également: de manière «*interne*», par opposition à «*externe*» – suppose une entité structurale délimitée, qui puisse être considérée comme un «*sujet de l'évolution*» – expression dont P. Sériot a montré la récurrence chez les Praguais –, et c'est de fait la présupposition d'une telle entité qui préside

---

1975). Or, l'opposition des deux pans est également une manifestation de la dualité entre perspective «*étimologique*» et perspective génétique, cependant que le pan formaliste est doublement marqué par cette dualité: au niveau de l'explication des langues et au niveau de l'élaboration formelle.

aux développements jakobsoniens relatifs à la géographie linguistique et aux contacts entre langues, comme en témoigne notamment la conception de l'emprunt comme convergence, par opposition à une simple propagation. Néanmoins, Jakobson postule dans le même temps une structure unifiante, dont l'évolution est explicative de la diversité des langues, explication de la diversité qui se heurte ainsi aux nécessités de l'explication structurale, qui suppose quant à elle cette diversité à son principe. Autrement dit, apparaît dans les textes de Jakobson une dualité entre dialectes (entités explicatives) et langue commune (structure en évolution, explicative de la diversité), qui n'est pas sans rappeler les difficultés de la représentation hjelmslevienne, évoquées ci-dessus. De fait, qu'il s'agisse de l'un ou de l'autre linguiste, la cause des difficultés de la représentation est la même: tous deux prennent leur point de départ dans des entités délimitées.

La dualité de l'«*étiologie*» et de la genèse, de la structure et de l'entité prend ainsi chez Jakobson une forme particulière: celle d'une dualité de la structure liée au déploiement de l'hypothèse structurale. On la retrouve lorsqu'il s'agit de la *synchronie dynamique*, notion que nous sommes contrainte de laisser de côté dans cet article, mais à propos de laquelle il faut néanmoins signaler que la synchronie qui s'y trouve construite n'a rien de dynamique, mais équivaut à un traitement synchronique de la diversité, le changement demeurant impensé, de sorte que la représentation, fondamentalement statique, se rapproche, *mutatis mutandis*, de celle de Hjelmslev: le changement est fondamentalement *per saltum*, et la notion de système de systèmes, avec la coexistence des termes du changement qu'elle implique, permet seulement de conjuguer cette représentation avec la notion de changement graduel. La synchronie n'en demeure pas moins délimitée, paradoxalement, par les changements, les structures étant inversement délimitées par les synchronies – ainsi définies, comme dans le *Cours de linguistique générale*, par l'absence de changement –, où l'on retrouve la dualité du point de vue synchronique hjelmslevien.

La théorie diachronique jakobsonienne se solde donc par la même dualité entre entité et structure, genèse et «*étiologie*» que chez Hjelmslev, mais sur le mode d'une conjonction impliquant une dissolution (de l'entité). C'est cette dissolution que l'on retrouve chez Martinet sous la forme un peu différente d'une dissolution de l'extériorité objectale, mais impliquant cependant la même dualité entre langue et locuteurs.

1.3. MARTINET: STRUCTURE ET SIGNIFIANT

On retrouve chez Martinet les deux mêmes pôles que chez Jakobson: celui de la synchronie dynamique et celui de l'explication structurale du changement. Nous nous attacherons ici au seul second pan, dans la mesure où nous voudrions avant tout faire apparaître la dualité fondamentale de l'élaboration martinettienne: entre signifiant et structure, forme particulière de la dualité entre entité et structure.

Concernant l'explication martinettienne du changement, il faut noter tout d'abord une dualité indépassable entre cause et réaction, qui fait de la structure en évolution un être double: signifiant atteint et non seulement structure en évolution, dualité corrélatrice d'une dualité entre locuteurs et langue. En effet, s'il y a un conditionnement structural de l'évolution, par ailleurs, la notion de besoin, qui est un élément central de l'explication martinettienne des changements linguistiques, implique une adaptation de la langue, donc la conception de celle-ci comme un signifiant modifié.

Or, en second lieu, c'est là une dualité de la structure en évolution, mais également une dualité de la structure explicative, dans la mesure où, comme chez Jakobson, la structure en évolution, comme le signifiant atteint, se résout en réalité en une structure explicative, dont le support (l'entité) ne cesse de se dissoudre. Le mécanisme martinettien des changements est le suivant: le mouvement vient des locuteurs et est dû à des déviations accidentelles, dont la structure existante déterminera la tolérance ou le rejet. Cette représentation rend également compte des variations structurellement déterminées et, dans ce cadre, cause et réaction sont passibles de la même représentation. Cependant, l'entité (adaptée ou en évolution) cède alors la place à une structure explicative *a priori* et à une multitude de signifiants par rapport auxquels la structure est toujours *a posteriori*. La causalité martinettienne implique ainsi une double dissolution de l'extériorité objectale qui est corrélatrice de la notion d'instrument de communication et de celle d'entité en évolution: dans l'explication structurale (devenant succession de causes et d'effets) et dans le signifiant (qui se substitue chez Martinet à toute théorisation de la dimension du social). Autrement dit, l'«étiologie» martinettienne de la langue se résume à sa définition comme signifiant, ce qui explique que malgré l'articulation entre «étiologie» et genèse – dont il faut souligner qu'elle est beaucoup plus conséquente chez Martinet, qui insiste sur le fonctionnement de la langue, que chez Jakobson, chez qui on a en quelque sorte un structuralisme hyperbolique –, se manifeste néanmoins une dualité entre structure et signifiant, forme martinettienne la plus fondamentale de la dualité entre structure et entité.

Cette dualité apparaît de manière tout particulièrement nette dans la construction martinettienne de la structure linguistique comme structure orientée (du son vers le sens). Martinet insiste alors sur l'unité de sa représentation du changement linguistique, conçu comme tributaire de la variation des besoins de communication. Cette dépendance est évidente pour le lexique, moins visible, mais néanmoins importante pour la structure grammaticale, dont le statut, dans cette structure orientée, est intermédiaire (entre structure et signifiant). Lorsqu'il s'agit de la structure phonologique, Martinet oscille significativement entre deux types de représentation: celle d'une structure dynamique, mue par des facteurs internes (structuraux), et celle d'une structure statique, mue par des facteurs externes et la répercussion de ces derniers dans la structure, à travers le lexique, la grammaire, ou l'expression (en particulier par les besoins d'expressivité). De fait, s'opposent alors frontalement, de manière beaucoup plus patente que lorsqu'il

s'agit du système grammatical, les exigences de la structure et celles du signifiant: s'il s'agit, de fait, d'explication par les besoins d'expression, la notion fondamentale est ici celle d'une résistance de la structure, Martinet postulant une atteinte inversement proportionnelle au degré de structuration, conformément à la spécificité du rapport son / sens impliqué par la double articulation: indirect et constitutif de l'arbitraire du signe (au sens martinettien). De cette dualité de construction témoigne la notion, centrale dans l'élaboration martinettienne, de rendement fonctionnel, qui implique une internalisation des besoins linguistiques, et ainsi la dualité de deux types de besoins: constitutifs de l'économie et relevant des facteurs externes non linguistiques, dualité qui la rend problématique puisqu'elle implique une extériorité de la structure phonologique (elle est liée aux niveaux grammatical et lexical), mais se constitue comme facteur interne de l'évolution de celle-ci. Par ailleurs, contradiction ultime, si l'unification de la représentation objectale – elle-même contradictoire avec la représentation de la langue en termes d'entité en évolution, puisqu'il s'agit alors de la construction de la langue comme signifiant – construit la langue comme structure de structures, dont l'évolution est déterminée par les besoins de communication, cette construction implique un rapport inverse de celui qui préside aux développements martinettiens sur l'évolution du système phonologique: les répercussions sont alors proportionnelles au degré de structuration, là où, concernant la phonologie, l'atteinte était au contraire inversement proportionnelle à ce dernier. La construction martinettienne témoigne ainsi avant tout du heurt des exigences contradictoires de l'explication structurale et de la construction de la langue comme signifiant, exigences contradictoires mais par ailleurs corrélatives, puisque le signifiant (l'entité) soutient la structure.

1.4. BENVENISTE: ENTITÉ STRUCTURALISTE ET ANALYSE SYNCHRONIQUE

La théorie linguistique de Benveniste est à proprement parler exempte de théorie diachronique. La dualité entre structure et entité n'en apparaît cependant que plus remarquable, dans la mesure où elle prend la forme d'une contradiction entre théorie et pratique de l'analyse linguistique. Du côté de la théorie, on trouve chez Benveniste des propositions communément structuralistes, au sens d'une inscription dans le paradigme structuraliste – Benveniste fait notamment un compte rendu favorable d'*Économie des changements phonétiques*¹³. Or, tandis que ces propositions sont gagées sur l'entité, et impliquent ainsi la continuité de l'entité en évolution, cette continuité est contradictoire avec la représentation qui se dégage des analyses benvenistiennes du fonctionnement synchronique et de l'évolution des langues, par exemple dans *Le vocabulaire des institutions indo-europé-*

---

¹³ Voir Martinet 1955 [1964] et Benveniste 1958.

ennes (1969)¹⁴, qui font apparaître ce que l'on pourrait appeler une logique de l'expression et spécifient la diachronie benvenistienne comme succession de synchronies.

Qu'il s'agisse de Hjelmslev, de Jakobson, de Martinet et de Benveniste, l'analyse des théories structuralistes du changement linguistique fait ainsi apparaître une dualité entre structure et entité, les exigences de la structure impliquant une dissolution de l'entité supportant celle-ci de son évidence. Aussi voudrions-nous, en conclusion, dire quelques mots de cet apport fondamental de la théorie saussurienne qu'est, précisément, la rupture avec la représentation en termes d'entité, impliquant une autre manière de concevoir la langue: non plus comme extériorité objectale – organisme ou instrument de communication – mais comme extériorité par rapport aux locuteurs, constitutive de l'être de langue des idiomes.

2. CONCLUSION. LA DISTINCTION SAUSSURIENNE ENTRE SYNCHRONIE ET DIACHRONIE: INSTRUMENT D'UNE RUP-TURE AVEC LA REPRÉSENTATION EN TERMES D'ENTITÉ

Il faut en premier lieu distinguer rigoureusement entre *système* et *structure*. La notion de structure renvoie à un ensemble d'entités positives, fussent-elles très abstraites, purement formelles, comme chez Hjelmslev – qui a pour cette raison, mais selon nous à tort, été considéré comme le plus fidèle des continuateurs de Saussure. Le concept de système est tout différent, dans la mesure où il renvoie quant à lui à un système de valeurs purement oppositives, relatives, négatives, c'est-à-dire dont l'existence se confond avec la délimitation. L'identité d'une valeur, au sens saussurien, ce sont non pas ses traits définitoires, quels qu'ils soient, fussent-ils systématiques, c'est-à-dire différentiels et oppositifs, et en ce sens «négatifs», mais, et c'est là selon nous le sens de la négativité saussurienne, le fait que l'on en reconnaisse l'existence. L'identité d'une valeur est ainsi sa délimitation, au sens du fait de la délimiter, tandis que l'entité structuraliste est toujours susceptible d'une définition, celle-ci, donc, il faut y insister, fût-elle formelle. Ce concept de système est une véritable révolution en linguistique, car il constitue, pour la première fois dans l'histoire de celle-ci, une étiologie du son et du sens comme objets empiriques: son et sens ne sont pas constitutifs des unités linguistiques, mais effets de délimitation, c'est-à-dire effets de langue, celle-ci étant alors définie, non comme objet, mais comme fonctionnement, un fonctionnement dont son et sens, en tant que linguistiques, sont les effets.

Dans cette perspective, il y a nécessairement incompatibilité absolue entre synchronie et diachronie, incompatibilité que Saussure ne cesse d'af-

¹⁴ Benveniste 1969 [2003]; 1969 [2005].

firmer, en des termes radicaux puisqu'il va jusqu'à parler¹⁵ de deux objets si disparates que l'on peut s'interroger sur l'opportunité de les réunir en une seule science. De fait, si la valeur n'est rien d'autre qu'existence, perception par le sujet parlant, alors elle ne saurait avoir d'existence dans le temps. Une telle existence supposerait en effet une identité positive, celle par exemple de l'entité structuraliste. On lit ainsi dans *De l'essence double du langage* (1891):

– L'échange, comme seule expression véritable de tout mouvement dans la langue. Il y a deux sortes d'échange, qui sont complètement distincts, dans la vie de la langue, mais il n'y a point en revanche de changement. Pour qu'il y eût changement, il faudrait qu'il y eût une matière définie en elle-même à un moment donné; c'est ce qui n'arrive jamais; on ne prononce un mot que pour sa valeur¹⁶,

puis de même dans la note «Sémiologie» (1908-1912): «Par le fait qu'aucun élément n'existe (ou par mille autres raisons, car nous ne prétendons pas faire une sorte de système cartésien de choses qui tombent sous le sens de tous les côtés), on voit qu'aucun élément n'est (à plus forte raison) en état de se transformer»¹⁷.

La distinction entre synchronie et diachronie, comme la théorisation du rapport son / sens dont elle est corrélatrice, est donc rupture avec l'entité. Cette rupture avec l'entité est l'enjeu du refus saussurien de la représentation en termes de *Stammbaum* – Saussure critique la théorie correspondante des migrations ou des essais – et de l'adhésion saussurienne aux thèses de Schmidt. Pour Saussure, qui se réfère alors respectivement à Gaston Paris¹⁸ et aux dialectologues, il n'y a ni délimitation dans le temps – il n'y a pas d'états de langue distincts, mais une continuité, «des états de langue qui sont perpétuellement la transition entre l'état de la veille et celui du lendemain»¹⁹ –, ni délimitation dans l'espace – ni langues, ni dialectes, mais seulement des caractères dialectaux et une série continue de transitions insensibles. L'idiome, en tant qu'entité empirique, est toujours un résultat: effet de langue et résultat de l'évolution, en tant que chaque phénomène évolutif a une limite géographique, le changement étant quant à lui paradoxalement (mais logiquement) conçu comme synchronique (comme *échange*, par opposition à tout *changement*), et ainsi inscrit dans le fonctionnement définitoire de la langue. Son extériorité (plutôt, dès lors, qu'objectalité) réside quant à elle dans son aspect social (et indissolublement historique: la langue est un héritage), pensé, dans le cadre des développements sur la diversité géographique, dans les termes du couple *force du clocher /*

¹⁵ Dans «Status et motus» (1894-1897) et la «Note pour un article sur Whitney» (1894); voir Saussure 2002: 226, 210.

¹⁶ *Ibid.*: 60.

¹⁷ *Ibid.*: 266.

¹⁸ De cet auteur, voir notamment Paris 1888.

¹⁹ Saussure 2002: 165.

intercourse, deux forces qui se ramènent à une seule et qui s'identifient ainsi à la vie sémiologique de la langue, c'est-à-dire à la circulation de celle-ci, corrélative d'une tradition, à quoi se résume son existence.

La radicale nouveauté de la définition saussurienne de la langue consiste donc en la définition de celle-ci comme fonctionnement, étiole des idiomes et non entité objectale construite à partir de ces derniers, qu'il s'agisse d'entité en évolution ou d'instrument de communication. L'apport saussurien est ainsi, en un mot, celui de la distinction langue / idiome, tandis que les structuralistes sont partis de l'idiome. Il nous semble dès lors, pour revenir à la question posée en introduction, que l'incapacité structuraliste à fournir une représentation satisfaisante des données diachroniques découle d'une réflexion insuffisante sur la nature de l'objet de la linguistique, conçu d'emblée comme une entité qu'il s'agirait de modéliser.

Aussi, et ce sera notre conclusion, nous paraît-il que la question centrale en linguistique concernant la modélisation est celle de l'objet modélisé, question au regard de laquelle le structuralisme apparaît comme une «idéologie scientifique», au sens de Canguilhem²⁰. C'est là, par ailleurs, une question tout particulièrement intéressante en matière de diachronie: si les théories structurales de l'évolution, dans leur forme plus moderne – celles qui sont mentionnées dans l'argumentaire: disposant d'un «modèle de système moins rudimentaire, intégrant boucles de rétroaction et surtout ouverture et entropie négative» – rendent compte de l'évolution, que modélisent-elles, puisque la structure n'est pas une représentation linguistique des idiomes, qui sont linguistiquement les résultats ou les manifestations d'un fonctionnement?

© Anne-Gaëlle Toutain

---

²⁰ Voir Canguilhem 1977 [2000].

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

- BENVENISTE É., 1935: *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris, Librairie Adrien-Maisonneuve.
- , 1937: «Structure générale des faits linguistiques. Aperçu historique», in *Encyclopédie française*, t. I: *L'outillage mental. Pensée. Langage. Mathématiques*. Paris, Société de Gestion de l'Encyclopédie Française Éditeur: 1 32-1-1 32-16.
- , 1958: «[Compte rendu de] André MARTINET. – *Économie des changements phonétiques*. Traité de phonologie diachronique (Bibliotheca Romanica X). Berne, A. Francke, [1955]. In-8°, 395 pages», in *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1958, LIII (2): 42-46.
- , 1959: *Études sur la langue ossète*. Paris, Klincksieck.
- , 1962: *Hittite et indo-européen. Études comparatives*. Istanbul, Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français d'archéologie d'Istanbul.
- , 1964: «Ferdinand de Saussure à l'École des Hautes Études», in *Annuaire 1964-1965* (97ème année), École Pratique des Hautes Études, 4ème section, Sciences linguistiques et philologiques, Paris: 21-34.
- , 1966: *Titres et noms propres en iranien ancien*. Paris, Klincksieck.
- , 1966 [2002]: *Problèmes de linguistique générale*, vol. 1. Paris, Gallimard, 2002.
- , 1969 [2003]: *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*, vol. 1: *Économie, parenté, société*. Paris, Les Éditions de Minuit, 2003.
- , 1969 [2005]: *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*, vol. 2: *Pouvoir, droit, religion*. Paris, Les Éditions de Minuit, 2005.
- , 1974 [2004]: *Problèmes de linguistique générale*, vol. 2. Paris, Gallimard, 2004.
- , 1975 [1993]: *Noms d'agent et noms d'action en indo-européen*. Paris, Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, succ., 1993.
- (éd.), s.d.: *Actes de la conférence européenne de sémantique (Nice, 26-31 mars 1951)*. Société de linguistique de Paris [hors commerce].
- CANGUILHEM G., 1977 [2000]: *Idéologie et rationalité dans l'histoire des sciences de la vie*. Paris, Librairie philosophique J. Vrin, 2000.
- HJELMSLEV L., 1928: *Principes de grammaire générale*. Copenhague, Bianco Lunos Bogtrykkeri.
- , 1932: *Études Baltiques*. Copenhague, Levin & Munksgaard.
- , 1966 [1984]: *Le langage*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1984.
- , 1971 [1996]: *Prolégomènes à une théorie du langage*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1996.
- , 1971 [1997]: *Essais linguistiques*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1997.
- , 1972a: *La catégorie des cas. Étude de grammaire générale*, vol. I, II. Munich, Wilhelm Fink Verlag.
- , 1972b: *Sprogssystem og Sprogforandring*. Copenhague, Nordisk Sprog- og Kulturforlag. [Système linguistique et changement linguistique]

- , 1973: *Essais linguistiques*, vol. II. Copenhague, Nordisk Sprog- og Kulturforlag.
- , 1975: *Résumé of a Theory of Language*. Madison, The University of Wisconsin Press.
- , 1985: *Nouveaux essais*. Paris, Presses universitaires de France.
- , 2016: *Système linguistique et changement linguistique*. Paris, Classiques Garnier.
- JAKOBSON R., 1963 [2003]: *Essais de linguistique générale*, vol. I: *Les fondations du langage*. Paris, Les Éditions de Minuit, 2003.
- , 1969 [2005]: *Langage enfantin et aphasie*. Paris, Les Éditions de Minuit, 2005.
- , 1971: *Selected Writings*, vol. I, II. La Haye – Paris, Mouton Publishers.
- , 1973 [1979]: *Essais de linguistique générale*, vol. II: *Rapports internes et externes du langage*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1979.
- , 1976 [1991]: *Six leçons sur le son et le sens*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1991.
- , 1985, 1988: *Selected Writings*, vol. VII, VIII. Berlin – New York – Amsterdam, Mouton Publishers.
- JAKOBSON R., POMORSKA K., 1980: *Dialogues*. Paris, Les Éditions de Minuit.
- JAKOBSON R., WAUGH L., 1980: *La charpente phonique du langage*. Paris, Les Éditions de Minuit.
- MARTINET A., 1937: *La gémination consonantique d'origine expressive dans les langues germaniques*. Copenhague – Paris, Levin & Munksgaard – Klincksieck.
- , 1955 [1964]: *Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique*. Berne, A. Francke S.A., 1964.
- , 1965 [1970]: *La linguistique synchronique*. Paris, Presses universitaires de France, 1970.
- , 1969a: *Langue et fonction. Une théorie fonctionnelle du langage*. Paris, Gonthier.
- , 1969b: *Le français sans fard*. Paris, Presses universitaires de France.
- , 1975a: *Évolution des langues et reconstruction*. Paris, Presses universitaires de France.
- , 1975b: *Studies in Functional Syntax. Études de syntaxe fonctionnelle*. Munich, Wilhelm Fink Verlag.
- , 1991 [1996]: *Éléments de linguistique générale*. Paris, Armand Colin, 1996.
- , 1985: *Syntaxe générale*. Paris, Armand Colin.
- , 1986 [2004]: *Des steppes aux océans. L'indo-européen et les «Indo-Européens»*. Paris, Gallimard, 2004.
- , 1989: *Fonction et dynamique des langues*. Paris, Armand Colin.
- , 1993: *Mémoires d'un linguiste. Vivre les langues*. Paris, Quai Voltaire.
- , 1996: *The Internal Conditioning of Phonological Systems*. Thiruvananthapuram, International School of Dravidian Linguistics.

- , 2000: *Les introuvables d'André Martinet*. Paris, Presses universitaires de France [*La Linguistique*, 2000, XXXVI (1/2)].
- PARIS G., 1888: «Les parlers de France. Lecture faite à la réunion des sociétés savantes le samedi 26 mai 1888», in *Revue des patois gallo-romans*, 1888, II: 161-175.
- SAUSSURE F. de, 1967-1974: *Cours de linguistique générale*, édition critique par R. Engler, vol. I-II. Wiesbaden, Otto Harrassowitz.
- , 1972 [1995]: *Cours de linguistique générale*. Paris, Payot, 1995.
- , 1996: *Premier cours de linguistique générale (1907)*, d'après les cahiers d'A. Riedlinger. Oxford – New York – Séoul – Tokyo, Pergamon.
- , 1997: *Deuxième cours de linguistique générale (1908-1909)*, d'après les cahiers d'A. Riedlinger et Ch. Patois. Oxford – New York – Tokyo, Pergamon.
- , 2002: *Écrits de linguistique générale*. Paris, Gallimard.
- , 2011: *Science du langage. De la double essence du langage*, édition des *Écrits de linguistique générale* établie par R. Amacker. Genève, Droz.
- SAUSSURE F. de, CONSTANTIN É., 2005: «Ferdinand de Saussure: Notes préparatoires pour le cours de linguistique générale 1910-1911, Émile Constantin: Linguistique générale. Cours de M. le professeur de Saussure 1910-1911», in *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 2005, 58: 83-289.
- SCHMIDT J., 1872: *Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen*. Weimar, Hermann Böhlau.
- SÉRIOT P., 1999: *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris, Presses universitaires de France.
- TOUTAIN A.-G., 2012: «Montrer au linguiste ce qu'il fait.» *Une analyse épistémologique du structuralisme européen (Hjelmslev, Jakobson, Martinet, Benveniste) dans sa filiation saussurienne*. Paris IV-Sorbonne: Thèse de doctorat. Publication en ligne sur *E-Sorbonne* (http://www.e-sorbonne.fr/sites/www.e-sorbonne.fr/files/theses/TOUTAIN_Ann_e-Gaëlle_2012_Montrer-au-linguiste-ce-qu-il-fait.pdf; site consulté le 29.04.2019) et sur *Archives ouvertes* (<http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00788676>; site consulté le 29.04.2019).
- , 2014: *La rupture saussurienne. L'espace du langage*. Louvain-la-neuve, L'Harmattan-Académia.

Анн-Гаэлли Тутен
Бернский университет

Структурализм и органицизм: эпистемологический анализ

Аннотация:

В статье предлагается эпистемологический анализ структуралистской концепции языковых изменений, соответствующей представлению о языке как о развивающейся сущности. В свете соссюрианской лингвистической теории показано, что эта концепция содержит ряд противоречий, которые, хотя и наделены определенной формой в каждой из анализируемых теорий, тем не менее могут быть понятны в терминах двойственности между псевдоэтиологической и генетической перспективами, структурой и сущностью. Эта двойственность выявляет необходимость соссюрианского различия между синхронией и диахронией, поскольку она разрывает (в башлярианском смысле) с представлением о языке как о сущности.

Ключевые слова: структурализм, органицизм, Л. Ельмслев, Р. Якобсон, А. Мартине, Э. Бенвенист

Anne-Gaëlle Toutain
University of Bern

Structuralism and organicism: an epistemological analysis

Abstract:

We propose here an epistemological analysis of the structuralist conception of linguistic change as implementing a representation of language as an evolving entity. In the light of the Saussurian theorization of language, we show that this conception is burdened by a set of contradictions which, though endowed with a specific form in each of the analyzed theories, are nonetheless globally comprehensible in terms of duality between pseudo-etiological and genetic perspectives, structure and entity, a duality that brings out the necessity of the Saussurian distinction between synchrony and diachrony insofar as it breaks (in the sense of Bachelard) with the representation of a language in terms of entity.

Keywords: structuralism, organicism, L. Hjelmslev, R. Jakobson, É. Benveniste, A. Martinet

Another biosemiotics?

Ekaterina VELMEZOVA
University of Lausanne

Abstract:

Working within the framework of their own academic disciplines during the first half of the 20th century, specialists in the humanities belonging to the Prague linguistic circle and to the school of Marrism have arrived at a more global approach which allows for them to be considered as the forerunners of semiotics – at least, in one of the meanings of this term. In both cases, one of their sources of inspiration was L. Berg's theory of nomogenesis.

Keywords: L. Berg, Eurasianists, Marrists, history of linguistics, history of semi-otics

Searching for India, they discovered America.¹

“Searching for India, they discovered America” – this is the last sentence of the monograph to which this volume is devoted. The sentence refers to linguists involved in the history of the Prague school of structuralism who, while trying to scientifically “prove” the existence of Eurasia, arrived at the phonology that would later, during the 20th century, become one of the foundations of structuralism. While presenting itself as a summary of the whole book, this sentence also gives rise to new questions. In particular, the question of the random – or, on the other hand, expected – nature of scientific discoveries. Does the researcher always find, at the end of his work, the answer to the question he asked at the beginning of his investigation? As the history of ideas shows, and as Patrick Sériot’s book shows, this is not always the case. Moreover, the researcher who arrives at an answer to a question that he did not ask at the onset is often inclined to consider his research a failure. It is only with time, sometimes beyond the time span of the single researcher himself, that the truth is restored and that it becomes possible to appreciate the value of a particular discovery – and to do justice to it accordingly. In this article, which is partly based on what is said in *Structure and the Whole*, we will dwell on how some researchers – specialists in the humanities during the first half of the 20th century working (at least in the beginning) within the framework of their own academic disciplines – have arrived at a more global approach which could be considered “semiotic” or even “biosemiotic” – at least, in one of the (potential) meanings of this term.

Semiotics as an academic discipline can refer not only to the study of signs, but also to a “holistic science”, a kind of “methodological umbrella” uniting a number of disciplines (it was in this sense, in particular, that semiotics was understood by the representatives of the Moscow-Tartu semiotic school, *par excellence*).² If biosemiotics is a science that explores the properties of signs and sign systems (sign processes) in living systems, by analogy one can assume that another possible (not alternative, but complementary) definition of biosemiotics would refer to such a “methodological umbrella” under which a significant space would be allotted to biological models and research methods. Biosemiotics as understood by this second definition does not exist today; in the history of ideas, its existence is contained to the USSR of the first half of the last century (even if the word *biosemiotics* was not used there at that time): the era of 1920s-1930s could be considered as that of “holistic”, “global” disciplines not only in the USSR (where, among the attempts to create such “integral” sciences, could be found the schools of Marrism, of *imjaslavie* ‘glorifiers of the name’, and

---

¹ Sériot 2014: 258.

² Velmezova, Kull 2011: 299. Based on the principle of epistemological neutrality proposed by French historian of science Sylvain Auroux (Auroux 1989: 16), this article will set aside the question of the effectiveness and verifiability of the theories and models to be discussed, considering them primarily from the point of view of the history of ideas.

Vladimir Vernadskij's theory of the noosphere). Another such example was the work of Eurasianists who had emigrated from Russia and whose method was that of "tying" [*uvjazka*] facts from various disciplines;³ there was also the work of scholars who probably had not heard very much about the Soviet humanities, such as Jan Christiaan Smuts, the author of the book *Holism and Evolution*,⁴ which was popular in the 1920s.⁵ But it is on the Russian speaking intellectual world that we will dwell in this article; one of the key figures in this regard was Soviet biologist Lev Berg (1876-1950).

L. BERG AND THE "EURASIANISTS"

Berg's book *Nomogenez, ili èvoljucija na osnovе zakonornostej* [*Nomogenesis, or evolution based on regularities*],⁶ in which he criticizes Charles Darwin's theories, was published in 1922.⁷ Berg's anti-Darwinian model of evolution, advanced in the 1920s, immediately sparked a great deal of interest amongst representatives of the humanities. In P. Sériot's book, this enthusiasm is demonstrated by example of the linguists who emigrated from Russia and worked within the framework of the Prague linguistic circle (founded with their direct participation in 1926). P. Sériot writes:

The [...] opposition between inherited and acquired similarities became important for the Prague Russians' structural linguistics through the work of the geographer and biologist Lev S. Berg (1876-1950) [...]. In a letter to V. Shklovsky dated February 26, 1929, Jakobson wrote, "I read Berg's book on nomogenesis with passionate interest."⁸ In later years he recommended this book several times to Noam Chomsky.⁹

In *Nomogenez* ("Nomogenesis" or law-determined and regulated evolution), published in 1922, Berg explicitly rejected Darwinian theory. [...] he emphasized the notion of convergence; that is, unrelated organisms' independent acquisition of similar characteristics.¹⁰ [...] The focus of his research was analogies, and he sought to show that in diametric opposition to Darwinian theory, evolution did not proceed by divergence from a common ancestor but rather by

---

³ See Sériot 2014: 205 onwards.

⁴ Smuts 1926.

⁵ Velmezova 2007: 331-341.

⁶ This book was translated into English under the title *Nomogenesis; or, Evolution Determined by Law* (Berg 1969) (first English translation was published in 1926).

⁷ Bepr 1922a. In P. Sériot's book Berg is described in the following way: "Berg initially trained as a zoologist but his wide-ranging interests led him from biogeography to geography understood as the 'science of Landschaft'. Berg was a remarkable figure whose life and work deserve to be studied in detail. His theory of *nomogenesis* was qualified as 'idealist' in the first and second editions of the *Great Soviet Encyclopedia*, though this did not prevent him from serving as president of the Geographical Society of the USSR from 1940 to 1950, at the height of the Stalinist period, or being admitted to the Academy of Sciences in 1946" (Sériot 2014: 149).

⁸ Letter published in Toman (ed.), 1994: 61.

⁹ *Ibid.*: 23.

¹⁰ Bepr 1922a: 105.

the convergence of unrelated organisms living in the same environmental conditions.

For Darwin and for Schleicher, once species (or languages) had broken off from one common trunk, the only species or languages they could resemble were those they descended from; there were no acquired similarities. For Berg the opposite occurred: the reason whales so strongly resemble with fish while being unrelated to them is that they have acquired fish-like attributes – similarities – by living in the same medium as fish. This was not some new form of determinism or climate theory. Berg insisted that there were *predispositions* (*predraspolozheniia*) to *predetermined* (*predopredelennaia*) evolution:

Characters by which highly organized groups are distinguished appear in the shape of rudiments much earlier in lowly constituted groups. Hence it may be seen that evolution is to a considerable degree predetermined; that it is in the same degree an unfolding or manifestation of preexisting rudiments.¹¹

Jakobson later seized on this theory of imitative development among organisms living in the same medium or environment, and with Savitsky's¹² help he used it to develop a notion of language convergence, the basis of his language union theory.¹³

In addition to the notion of convergence which Jakobson and Trubeckoj borrowed from Berg, the teleological component of Berg's theories was also of considerable importance for the "Prague Russians' structural linguistics":

In *Nomogenesis* (1922), which we know was a very important book for Jakobson, Berg laid out explicitly anti-Darwinian conception of evolution, giving pride of place to the notion that living beings always compiled with an aim (celesoobraznost'; Zielstrebigkeit in German, purposefulness or the quality of being goal-oriented). In his battle against the neogrammarians' causality principle, Jakobson drew on Berg's thinking to expound the principles of his own anti-Darwinism:

According to Darwin, evolution is the sum of divergences resulting from accidental variations undergone by individuals, variations that produce slow, perpetual, almost imperceptible change; there are innumerable hereditary variations of all sorts and in all directions. Contemporary biology, particularly Russian biology, has been increasingly refuting this doctrine by means of nomogenesis, which holds that evolution is highly convergent and involves internal laws that apply to enormous masses of individuals across a vast territory; [convergence occurs] through leaps, paroxysms, sudden mutations; the number of hereditary variations is limited and they follow determined directions (see Berg 1922[a], pp. 280-281).¹⁴

¹¹ Berg 1969: 403; in P. Sériot's book quoted as "Berg 1922, p. 278 [1969 (1926), p. 403]". – *E.V.*

¹² In P. Sériot's book the following is said about P.N. Savickij: "Savitsky, Petr (1895-1968) [.] Russian empire geographer, economist, geopolitician, culturologist, philosopher, poet, one of the main leaders of the Eurasianist movement" (Sériot 2014: 287).

¹³ *Ibid.*: 149-150.

¹⁴ Jakobson 1929 [1971: 110].

This passage gives us the substance of Jakobson's understanding of language evolution [...]. Claiming that what defined modern science (and primarily Russian science) was to have replaced why? (warum?) with to what end (wozu?), [...] Jakobson called for "the substitution of a teleological approach for the mechanical view".¹⁵

L. BERG INFLUENCING SOVIET HUMANITIES

Berg's book was also of great interest for his contemporaries in the humanities who lived in the Soviet Union and who approached their objects of study from a diachronic perspective. Their interest in Berg's biological theories was reflected in their work in several ways – amongst other things, in the evolutionary models of convergence, developed at the time in both linguistics (Nikolaj Marr and his school) and literary studies (Olga Frejdenberg). According to Marr, languages (in the sense of Saussurean *langue*[s]) develop from their original multitude to a single world-wide language: the *langue* of the future. In this way, Marr disproved the axiom of Indo-European comparative linguistics, according to which within the framework of language families languages evolved from original languages into a multitude of languages:

[...] if one depicts it in drawing, Japhetic paleontology gives a figure which is diametrically opposed to one drawn according to the paleontology of the Indo-European linguistics – at least as concerns the problems of the original state of human speech and, in general, of the formation and development of languages. According to Japhetic linguistics, the birth, growth and future or eventual achievement of human speech can be depicted in the form of a pyramid which stands on its base. From a wide base, a proto-linguistic state in the form of numerous mollusk-like embryo languages, human speech, having passed through a series of typological transformations, aspires to the summit, that is, to the linguistic unity of the whole world. The paleontology of Indo-European linguistics, with its single proto-language, is reducible to a pyramid placed on its summit with the base upward.¹⁶

The notion of convergence, or hybridization, evidently constituted the basis of these reflexions. Moreover, these notions allowed Marr to formulate a particular semantic law, that of hybridization. According to this law, when two languages come into contact, those words which have the same meaning "stick together", so that the new word-hybrids have the same semantics as that of the initial words: for instance, Marr said, the Georgian word signifying 'oak' is a hybrid, derived from the words signifying 'tree' in Chinese and in Georgian;¹⁷ in Mordvinic the two parts of the

¹⁵ Sériot 2014: 161. In the final sentence cited Sériot cites Jakobson 1928 [1971].

¹⁶ Mapp 1933-1937, III: 31; translation our own. – *E.V.*

¹⁷ *Ibid.*, II: 31; IV: 105.

hybrid word ‘horse’ are related to two words that have the same meaning in Russian and in Chinese, etc.¹⁸

Similar models of evolution (from an initial multitude to a hypothetical unity) were also created at that time in other disciplines – for example, in the study of literature.¹⁹ In particular, Olga Frejdenberg, an enthusiast of both Berg’s and Marr’s theories, aimed, in her 1925 article on the “System of literary plot” [*Sistema literaturnogo sjužeta*], to discover the “convergence of differences” [*sxoždenija raznorodnogo*].²⁰

But it was not only Berg’s notion of convergence that attracted the attention of Soviet specialists in the humanities. Among other theses of his doctrine that provoked the interest of Soviet specialists in the humanities was his idea of the very particular “function” of natural selection: Berg considered natural selection as a tendency to maintain the norm and to eliminate extremes. Let us quote: “Not only does selection not favor *les extrêmes*, as Darwin thought, but on the contrary, it eliminates them, in this way maintaining the norm at an acquired and established level”.²¹ In Frejdenberg’s view, the same role in the evolution of literary creation was attributed to folklore, which can be spoken about only in terms of “collective categories”: “The general and abstract notion of folklore can be applied [...] to a particular field which stays aside in relation to the individual art”.²²

Another aspect of Berg’s notions that interested Soviet scholars concerned the different speed of evolutions of various biological traits vs “forms” and “meanings”. In his works, Berg mentions the existence of a “prophetic phase” in evolution: the appearance of an organ, according to him, precedes the very need for it. He writes: “If we study the evolution of a certain group or the development of an individual, we will see that the development of different traits is accomplished at a different speed: some traits repeat what is already known in other groups, inferior or belonging to the same stage of evolution. Others, on the contrary, anticipate features discovered in more advanced groups”.²³ For Frejdenberg, the contents appear before the forms: “Forms [...] appear only if the corresponding image functions already”.²⁴ In Marr’s view, language semantics also precedes the appearance of the corresponding language forms.²⁵

Finally, if Frejdenberg explained the literary evolution through phenomena external to literature, one of her best commentators, Nina Bragins-

¹⁸ *Ibid.*, II: 56.

¹⁹ Брагинская 1998: 751-752; Velmezova 2003.

²⁰ Фрейденберг 1925 [1988].

²¹ Берг 1922b: 96; here and afterwards the translation of this book is our own. – *E.V.*

²² Фрейденберг 1939-1943 [1998: 217]; here and afterwards the translation of this book is our own. – *E.V.*

²³ Берг 1922b: 105.

²⁴ Фрейденберг 1939-1943 [1998: 27].

²⁵ See Velmezova 2007: Part II, Chapter 1, point 5.2.

kaja, draws attention to the importance of the internal factors of evolution in Frejdenberg's works as well:

According to Berg, the natural evolution is accomplished according to a goal [*celesoobrazno*]; it considers the capacity of organisms to develop among the main peculiarities of living organisms, of the same level as their aptitude for irritability, nutrition and reproduction. Berg studies the particular manifestations of these regularities without trying to find their reasons for being. These are axioms. In the same way, although she never declares it openly, Frejdenberg describes the evolution of culture. Like Berg, she pays attention to analyzing the internal factors of change. The passage from mythical thought to conceptual [*ponjatijnyj*] thought is considered regular, but its reasons are presented as rather general and very vague. References to material and social life as a source of cultural dynamics are few, it is rather a tribute to the general opinion.²⁶

Therefore even if the "external" explanations of evolution were sometimes used by Frejdenberg as a methodological framework for her theories, her conception of literary evolution, being close to Marrism,²⁷ also had much in common with Berg's theories of evolution.

TOWARDS A PARTICULAR DISCIPLINE

Neither Marrist nor Frejdenberg's theories could have been proved "scientifically", in a positivist sense of the word. However one of the indirect proofs of such theories probably consisted in the possibility of transferring the corresponding models of evolution from one discipline to another; this tendency did not concern only humanities or social sciences: to illustrate a number of theses in his theory of biological nomogenesis Berg referred to linguistic convergence.²⁸ In his 1922 book, a particular chapter deals with the "convergence of external characters" in the "intellectual sphere". Berg also worked on the theory of convergence in ethnography, trying to identify plots from folklore that were "borrowed" from one people by another.²⁹

Today, linguistic and ethnolinguistic remarks in the work of a biologist might seem misplaced, but in the 1920s-1930s, when there was a

²⁶ Брагинская 1998: 752; translation our own. – E.V.

²⁷ See Velmezova 2003.

²⁸ Беpr 1922a: 178. In this book he refers several times to Antoine Meillet, whose views on linguistic evolution diverged from those of Marr. Meillet accepted the theory of common ancestral languages within the framework of particular linguistic families; correspondingly, Berg refers to some Indo-European languages which developed similar traits (new forms), having separated from their common ancestral language. Not only did Berg's book of 1922 on nomogenesis contain particular reflections about linguistics, but also a number of his articles written later, in the 1940s (Беpr 1947; 1948).

²⁹ See Velmezova 2007: 312. Berg and Marr were closely acquainted; in the early 1930s Berg gave several talks at the Japhetic institute in Leningrad, where the majority of Marrists worked. Also, some unpublished rough copies of Marr's works show that he used certain linguistic facts reported by Berg (in particular, the names of fish: Berg was a recognized ichthyologist) to corroborate his theories; Marr and Berg also discussed linguistic problems in their correspondence in the late 1920s (see *ibid.*: 311-313).

refusal to make a clear methodological distinction between the study of matter and that of the spirit, the capacity to transfer models from one discipline to another had particular methodological foundations within the framework of what was to become semiotics, a discipline which, according to Frejdenberg, still had no name at the time.³⁰ Taking into account the importance of biology in the reflections of this kind, one could even speak about “pre-‘biosemiotics’” referring to a potentially possible (complementary) definition of biosemiotics as a “methodological umbrella” uniting a number of disciplines with a significant place attributed to biology, as we have mentioned at the beginning of this article.

When Stalin intervened in Soviet linguistics in 1950, thereby putting an end to the dominance of Marrist theories and provoking a significant change of academic “paradigms”, one of the very few scholars who dared to openly protest was Berg. In a letter written to Stalin, he wrote fearlessly that even the mistakes of Marr and his pupils in the description of particular languages do not detract from the importance of Marr’s linguistic theory for other fields of knowledge, such as geography, ethnography and the study of folklore:

In [...] Stalin’s work “Marxism and problems of linguistics” the errors of N.Ja. Marr’s theory are very clearly indicated. [...] It would be wrong to consider that all of these indisputable conclusions concern only linguistics. They are directly relevant for geography. In fact, geography studies nature, as well as [...] people. It is clear that the language of the population of a certain territory cannot be of no interest for geographers. Furthermore, in order to understand the particularity of a certain territory, geographers must resort to history; but where historical facts are absent, language helps considerably. Let us recall the importance of taking into consideration the names of geographical objects (toponymy) and the names of tribes in order to study the geographical separation of people in the past. The history of language also contributes greatly to the study of cultural relations between peoples. Let us take as an example the nouns designating metals among different peoples. Nobody will deny that N.Ja. Marr has greatly contributed to the development of all of these fields of linguistics, which are very important for geographers.³¹

After Stalin’s criticism, holistic theories seemed to come to naught in the Soviet sciences for several decades. However, interest in holism didn’t disappear completely: it was partially revived in the Moscow-Tartu semiotic school,³² its researchers (Jurij Lotman, Vjačeslav Ivanov, Vladimir Toporov, amongst others), as well as the organizers of the conferences

³⁰ Фрейденберг 1936 [1997: 11].

³¹ Berg 1950; translation our own. – E.V. After Stalin’s criticism of Marrism in June 1950 Berg intended to publish this article under the title “About the importance of I.V. Stalin’s work ‘Marxism and problems of linguistics’ for the geographical science” [*Značenie truda I.V. Stalina “Otnositel’no marksizma v jazykoznanii” dlja geografičeskoj nauki*]. However, as far as we know, this article has never been published. Berg died in December 1950 and, most probably, did not have enough time to carry out the intention.

³² Velmézova 2007: 341.

on linguistics and biology in Estonia (Kalevi Kull, Aleksej Šarov), were highly interested in the scientific heritage of adherents to the holistic approach of the first half of the twentieth century. If today biosemiotics does not refer to a holistic discipline in the sense in which the corresponding current was interesting to Berg and his supporters in the past century, with the modern interest in interdisciplinarity the possibility that similar models will reemerge in the near future cannot be excluded. Therefore, by analogy with semiotics as an “integral” science a holistic science of biosemiotics can emerge – a biosemiotics also rooted in the intellectual past.

© Ekaterina Velmezova

BIBLIOGRAPHY

- AUROUX S., 1989: “Introduction”, in Auroux S. (éd.), *Histoire des idées linguistiques*, t. 1. Liège – Bruxelles, Mardaga: 13-35.
- BERG L.S., 1969: *Nomogenesis; or, Evolution Determined by Law*. Cambridge, Mass., M.I.T. Press.
- JAKOBSON R., 1928 [1971]: “The concept of the sound law and the teleological criterion”, in Jakobson R. *Selected Writings*, vol. I. The Hague, Mouton & Co. – ’S-Gravenhage, 1971: 1-2.
- , 1929 [1971]: “Remarques sur l’évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves”, in Jakobson R. *Selected Writings*, vol. I. The Hague, Mouton & Co. – ’S-Gravenhage, 1971: 7-116.
- SÉRIOT P., 2014: *Structure and the Whole. East, West and Non-Darwinian Biology in the Origins of Structural Linguistics*. Boston – Berlin, Walter de Gruyter (translation: A. Jacobs-Colas).
- SMUTS J.Ch., 1926: *Holism and Evolution*. London, Macmillan and Co., Ltd.
- TOMAN J. (ed.), 1994: *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912-1945*. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications.
- VELMEZOVA E., 2003: “O.M. Frejdenberg à la recherche d’une ‘science intégrale’”, in Sériot P. (éd.), *Le discours sur la langue en URSS à l’époque stalinienne (épistémologie, philosophie, idéologie)* [Cahiers de l’ILSL, 2003, 14]: 265-280.
- , 2007: *Les lois du sens: la sémantique marriste*. Berne et al., Peter Lang.
- VELMEZOVA E., KULL K., 2011: “Interview with Vyacheslav V. Ivanov about semiotics, the languages of the brain and history of ideas”, in *Sign Systems Studies*, 2011, 39 (2/4): 290-313.
- БЕРГ Л.С., 1922a: *Номогенез, или эволюция на основе закономерностей*. Петербург, Государственное издательство. [Nomogenesis, or evolution based on regularities]
- , 1922b: *Теории эволюции*. Петербург, Academia. [Theories of evolution]
- , 1947: “О необходимости бережного отношения к русскому языку”, in *Вестник Ленинградского университета*, 1947, 3: 103-112. [On the need to respect the Russian language]
- , 1948: “Названия рыб и этнические взаимоотношения славян”, in *Советская этнография*, 1948, 2: 62-73. [The names of fish and ethnic relations of the Slavs]
- , 1950: архивный документ “Значение труда И.В. Сталина ‘Относительно марксизма в языкознании’ для географической науки”, Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербургский филиал, фонд 804, опись 1, документ 219: 1, 1а, 2, 2а. [Manuscript “The importance of I.V. Stalin’s work ‘Marxism and Problems of Linguistics’ for Geography”]

-
- БРАГИНСКАЯ Н.В., 1998: “Послесловие ко второму изданию”, in Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности*. Москва, Издательская фирма “Восточная литература РАН”: 744-765. [Afterword to the second edition]
- МАРР Н.Я., 1933-1937: *Избранные работы*, т. I-V. Москва – Ленинград, Издательство государственной академии истории материальной культуры (т. I) – Государственное социально-экономическое издательство (т. II-V). [Selected works]
- ФРЕЙДЕНБЕРГ О.М., 1925 [1988]: “Система литературного сюжета”, in *Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино*. Москва, Наука, 1988: 216-237. [System of literary plot]
- , 1936 [1997]: *Поэтика сюжета и жанра*. Москва, Лабиринт, 1997. [The poetics of plot and genre]
- , 1939-1943 [1998]: “Введение в поэтику античного фольклора (лекции)”, in Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности*. Москва, Наука, 1998: 6-319. [Introduction to the poetics of ancient folklore (lectures)]

Екатерина Вельмезова
Лозаннский университет

Другая биосемиотика?

Аннотация:

Занимаясь исследованиями в рамках своих академических дисциплин, специалисты в области гуманитарных наук, работавшие в первой половине двадцатого века, с одной стороны, в Пражском лингвистическом кружке, а с другой, примыкавшие к марристскому окружению, пришли к более глобальному подходу, позволяющему считать их предтечей семиотики – по крайней мере, в одном из значений этого слова. В обоих случаях одним из источников вдохновения для этих ученых была теория номогенеза Л. Берга.

Ключевые слова: Л. Берг, евразийцы, марристы, история лингвистики, история семиотики

Ekaterina Velmezova
Université de Lausanne

Une autre biosémiotique?

Résumé:

Tout en travaillant dans le cadre de leurs disciplines académiques particulières, les spécialistes de sciences humaines appartenant au cercle linguistique de Prague et à l'école marriste sont parvenus, au cours de la première moitié du XXème siècle, à une approche plus globale qui permet de les considérer comme des précurseurs de la sémiotique – au moins dans l'un des sens de ce terme. Dans les deux cas, l'une de leurs sources d'inspiration fut la théorie de la nomogénèse de L. Berg.

Mots-clés: L. Berg, eurasisistes, marristes, histoire de la linguistique, histoire de la sémiotique

Русский язык... вне прогресса? Русская послереволюционная эмиграция о русском языке

Дарья ЗАЛЕССКАЯ
Лозаннский университет

Аннотация:

Размышляя над отрицанием «самой идеи прогресса», П. Серио в книге *Структура и целостность* говорит о размышлениях телеологического характера представителя Пражского лингвистического кружка Н.С. Трубецкого. Мысль о несогласии с «самой идеей прогресса» позволяет вспомнить о представлении русского языка в учебных пособиях по русскому языку как иностранному для франкоговорящих учащихся, изданных за пределами СССР, и провести параллели с соответствующими взглядами Трубецкого.

Ключевые слова: прогресс, дореформенная орфография, русский язык, Франция, франкоговорящие страны Европы, учебное пособие, русская литература

[...] отвергающая саму идею прогресса¹.

Обсуждаемые в книге Патрика Серио идеи о неприятии «самой идеи прогресса» довольно точно описывают настроения русских эмигрантов в Европе в первой половине и в середине XX века.

Вынужденные покинуть свою родину и потрясенные революцией 1917 года в России и приходом к власти большевиков – что повлекло за собой образование нового государства с абсолютно новой идеологией – эмигранты из России начинают отвергать саму идею прогресса (который, как им кажется, принес столько бед: революция 1917 года могла восприниматься как непосредственный «продукт» такого прогресса).

Идеи, отчасти сходные с мыслями представителя Пражского лингвистического кружка Н.С. Трубецкого о телеологии, отрицающей «саму идею прогресса», ярко прослеживаются в представлениях о преподавании русского языка во франкоязычных странах (прежде всего во Франции) начиная с двадцатых и вплоть до шестидесятых годов прошлого века. Франция была одной из европейских стран, куда уехали из России многие русские эмигранты. Некоторые из них были приняты на работу в образовательные учреждения Франции, чтобы преподавать там русский язык. Они тесно сотрудничали с франкоязычными преподавателями и славистами и составляли вместе учебные пособия. Каждое языковое учебное пособие является историческим документом, отражающим не только представление об определенном языке и его строе; оно несет в себе и информацию о соответствующей культуре и социуме – причем о культуре и социуме, связанных как с преподаваемым языком, так и с теми, в рамках которых конкретные учебные пособия создавались. И в учебных пособиях по русскому языку, изданных во франкоязычных странах (опять же, прежде всего во Франции), можно без труда различить мысли об отвержении «самой идеи прогресса»².

1. ИЗУЧЕНИЕ (РАЗГОВОРНОГО) РУССКОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ ТЕКСТОВ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Вплоть до середины шестидесятых годов прошлого века основным материалом для изучения русского языка в учебных пособиях, написанных и изданных во Франции, служили тексты не современных, а «классических» русских писателей – таких, как И.С. Тургенев, А.С. Пушкин или Л.Н. Толстой. Тексты последнего использовались в учебных

---

¹ Серио 2001: 83. Во всех цитатах и библиографических ссылках мы сохраняем орфографию и пунктуацию оригинальных источников.

² Придерживаясь принципа «эпистемологического нейтралитета» (Augoux 1989: 16), мы анализируем работы, даже если их методологические основы не соответствуют тому, что принято в языкознании сегодня (см. пример использования этого принципа в истории славистики в работе Velmezova 2007).

пособиях чаще всего: это были, прежде всего, его «нравственные» произведения – такие, например, как детские рассказы «На воре и шапка горит», «Старик в церкви», «Справедливый Царь» и т.д.

К примеру, учебное пособие П. Буайе и Н. Сперанского, на котором мы более подробно остановимся позже, в качестве учебных текстов содержит исключительно тексты Льва Толстого³. Авторы также говорят о том, что для того, чтобы читать русских классиков, полезно знание дореформенной орфографии⁴.

В других учебных пособиях обязательно присутствуют несколько текстов либо Толстого, либо Пушкина, либо Тургенева – причем их можно найти даже в тех учебниках, основной целью которых было предоставление ученику разговорного материала. Так, в учебнике *Первая методика русского языка* фразы из произведений Пушкина используются в качестве учебного материала⁵; Ш. Берштольд, швейцарский автор учебного пособия *Русский язык: грамматика, лексика, беседа*, помещает в конце учебника три текста Пушкина, Чехова и Тургенева⁶; В. СтолярOFF и Р. Шеневар посвящают целый параграф русской литературе, называя «знаменитых» русских писателей: Пушкина, Тургенева, Толстого, Лермонтова, Гоголя и т.д.⁷

Воспоминания преподавателей, которые изучали и / или преподавали русский язык во Франции в период с 1917 по 1991 год, также довольно показательны. Профессор Сорбонны (Université Paris IV) Сильви Аршембо, которая изучала русский язык во Франции с 1967 года, говорит следующее по поводу использования в учебном процессе литературы:

[...] скажем, это было время [шестидесятые и семидесятые годы двадцатого века. – Д.З.], когда русская литература действительно повернулась в сторону повседневной жизни, это было время Трифонова, да, Баранской и т.д.; и таким образом, мы работали с этими текстами. И так на основе этих текстов мы обсуждали и говорили о проблемах повседневной жизни⁸.

---

³ Boyer, Spéranski 1905.

⁴ Boyer, Spéranski 1905 [1945/1947/1951/1957/1961/1967 (это учебное пособие переиздавалось несколько раз практически без изменений): xiv]. О дореформенной орфографии речь пойдет дальше.

⁵ Hofmann, Hofmann 1945: 11.

⁶ Berchtold 1946: 252-256.

⁷ Stoliaroff, Chenevard 1945: 5.

⁸ «[...] disons c'était le moment où la littérature russe se tournait vraiment sur la vie quotidienne, c'était l'époque de Trifonov, voilà, Baranskaya, etc., et donc on travaillait sur ces textes-là. Et à partir de ces textes, donc, on discutait, on débattait de problèmes de la vie courante» (интервью с С. Аршембо, 12.11.2018; перевод наш. – Д.З.).

Таким образом, только в середине семидесятых годов прошлого века внимание обучающихся начали постепенно переключать на более современные тексты – однако так было далеко не везде⁹.

Другой известный французский славист, почетный профессор Тулузского университета Роже Комте, который начал изучать русский язык в Сорбонне семью годами ранее С. Аршембо, описывает процесс обучения по-другому:

Это всегда были, прошу прощения, произведения, произведения, изданные до 1917 года, то есть [произведения] классиков. Гоголь, Пушкин, Толстой. [...] нам преподавали дамы из [русской] эмиграции, таким образом, у нас не было информации о том, что [в русском языке] есть разные уровни [...], об этом мы не знали... [...]

О да, тогда я приехал в Россию совершенно неспособным самому позаботиться о себе, то есть, мне вспоминается одна женщина на скамейке, она спросила меня, который час, не помню точно, как именно, *время сколько*, я был неспособен ответить. Нет, нет, я все узнал там [в России]. Всегда это был недостаток преподавания языков, в то время очень ориентированного на письмо, на изучение текстов, в общем, на филологию¹⁰.

Сам Патрик Серю, автор книги *Структура и целостность*, которой посвящено это издание, изучал русский язык во Франции и преподавал его во Франции и в Швейцарии. По его мнению, во Франции прошлого века изучение русского языка и России означало исключительно изучение русской литературы: «Дело в том, что заниматься Россией в то время – это значило читать русскую литературу, исключительно русскую литературу. То есть, никто не занимался философией, историей, этнографией, архитектурой, нет. Только литературой»¹¹.

---

⁹ С. Аршембо изучала русский язык в Университете Paris VIII, обучение в котором в то время шло по экспериментальным программам. Она вспоминает, что во время обучения в университете у них не было учебных пособий: студенты работали с современными советскими текстами, которые преподаватели приносили с собой на занятия (*ibid.*).

¹⁰ «C'était toujours, excusez-moi, mais des œuvres, des œuvres d'avant 1917, enfin des classiques. Gogol, Pouchkine, Tolstoï [...] les lectrices, c'étaient des dames issues de l'immigration, donc, on n'avait pas d'étiquette, tout ça, on l'ignorait un peu... [...]

Ah bah là, je suis arrivé en Russie complètement incapable de me débrouiller, enfin, je me souviens d'une dame sur un banc public, elle m'avait demandé l'heure, alors je sais plus comment elle avait dit, *vremja skol'ko*, j'étais incapable de répondre. Non, non, j'ai tout appris là-bas. [...] Toujours c'était aussi le défaut de l'enseignement des langues, à l'époque très centré sur l'écrit, l'étude des textes, la philologie en somme» (интервью с Р. Комте, 06.10.2017; перевод наш. – Д.З.).

¹¹ Интервью с П. Серю, 19.02.2019.

2. УСТАРЕВШИЕ СВЕДЕНИЯ О РОССИИ

Об идее «отвержения прогресса» по отношению к преподаванию русского языка во Франции позволяет говорить не только изучение современного русского языка с опорой на материал классической русской литературы, но и приводившиеся в учебниках социокультурные факты о России (СССР): они были устаревшими и относились к общественному строю царской России, но не СССР. К примеру, в конце *Учебника для изучения русского языка* П. Буайе и Н. Сперанского представлен справочник, где содержится социокультурная информация о России: эта информация описывает дореволюционную Россию. Например, описывая свадьбу, авторы говорят о венчании в церкви¹². А в разделе книги, где авторы говорят о том, как нужно обращаться к другим людям, используются такие сочетания слов, как *Милостивый государь, Милостивая государыня, Ваше высокопреосвященство*¹³ и т.д. Вся эта информация является не только устаревшей, но и не рекомендованной в то время к использованию в Советском Союзе, так как СССР провозглашал себя атеистическим государством, а также не признавал никаких других обращений, кроме как *уважаемый и товарищ*.

В учебных пособиях серии «ASSiMiL» в изданиях с 1948 по 1971 год о Советском Союзе как о государстве даже не было упоминаний, в них использовалось исключительно слово *Россия*:

Диски «Русский язык без труда». Диски не являются необходимыми для изучения русского языка без труда, поскольку о произношении говорится в учебнике.

Но если прослушать их один раз, без них уже не захочется обходиться; они спутники в обучении насколько же приятные, настолько и ценные.

Диалоги записаны прекрасными московскими актерами в живом и естественном стиле.

«Русский без труда» вместе с дисками приравниваются к пребыванию в России в течение нескольких месяцев¹⁴.

---

¹² Boyer, Spéranski, 1905 [1921/1935/1940/1945/1947/1951/1957/1961/1967: 296-297].

¹³ *Ibid.*: 299-301.

¹⁴ «Disques “Le Russe sans peine”. Les disques ne sont pas indispensables à l'étude du Russe sans peine, puisque la prononciation est indiquée dans le manuel.

Mais quand on les a entendus une fois on ne veut plus s'en passer; ce sont des compagnons d'étude aussi agréables que précieux.

Ils sont interprétés d'une façon vivante et naturelle par d'excellents artistes moscovites.

“Le Russe sans peine”, avec ses disques vaut un séjour de plusieurs mois en Russie» (Chérel 1948/1948 [1949/1951/1956/1960/1967 (это учебное пособие переиздавалось несколько раз практически без изменений): 5; перевод наш. – Д.З.]).

Только начиная с издания 1971 года можно видеть, что в тексте параграфа о дисках прилагательное *московскими* и существительное *Россия* меняются на *советскими* и *СССР*, соответственно:

Аудиозаписи (диски, магнитофонные ленты или кассеты) записаны прекрасными советскими актерами в живом и естественном стиле.

Они – спутники в обучении настолько же приятные, настолько и ценные.

«Русский без труда» вместе с дисками, магнитофонными лентами или кассетами приравниваются к пребыванию в СССР в течение нескольких месяцев¹⁵.

Некоторые же учебные пособия содержали очевидные насмешки над СССР и критику советской жизни. Больше всего таких можно усмотреть в иллюстрациях учебных пособий серии «ASSiMiL», где А. Шерель (автор учебников этой серии) добавляет в каждый урок «юмористическую картинку» – однако на этих картинках часто изображены в негативном свете сцены из жизни СССР: иллюстрации с советским солдатом выставляют его глупым, невежественным и жестоким; иллюстрация с участием И. Сталина представляет его деспотом, готовым наказать людей за несвежий хлеб; одна из иллюстраций напоминает о голоде; еще на одной иллюстрации можно различить насмешку над военной победой 1945 года: у мужчины сломался автомобиль, и он просит проезжающую мимо него девушку отдать ему свой велосипед – тогда как на автомобиле написано слово *Победа*¹⁶.

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАРОЙ ОРФОГРАФИИ

Своеобразное «отрицание» существования СССР выражалось в учебных пособиях не только в предоставлении устаревшей социокультурной информации и в критике и насмешках над Советским Союзом, но и в нежелании принимать «Декрет о введении нового правописания» от 23 декабря 1917 / 5 января 1918 года. Декрет постановлял полностью исключить из русского алфавита 3 буквы: «І» (и), «Ѣ» (ять), «Ѧ» (фита), которые были заменены на буквы «И» (вместо буквы «І»), «Е» (вместо буквы «Ѣ») и «Ф» (вместо буквы «Ѧ»). Что касается употребления твердого знака («Ъ»), он не был полностью исключен из русского алфавита, так как, будучи удаленным в позиции на конце слов и

---

¹⁵ «Les enregistrements (disques, bandes ou cassettes) sont interprétés de façon vivante et naturelle par d'excellents artistes soviétiques.

Ce sont des compagnons d'étude aussi agréables que précieux.

“Le Russe sans peine” avec ses disques, bandes magnétiques ou cassettes, vaut un séjour de plusieurs mois en U.R.S.S. (Chérel 1971/1971 [1976/1986 (это учебное пособие переиздавалось несколько раз практически без изменений): 3; перевод наш. – Д.З.]).

¹⁶ Chérel 1948/1948 [1949/1951/1956: 162, 71, 124, 343, 65, 29, соответственно]. Автомобиль «Победа» получил свое название в честь победы СССР в Великой Отечественной войне.

частей сложных слов, сохранял свое употребление в середине слов в качестве отделительного знака: это означало, что в том случае, когда необходимо указать, что согласная и следующая за ней гласная должны произноситься раздельно, а не как звуки одного слога, употребление твердого знака сохранялось:

Изменения правописания и новые правила

1. Исключить букву «ѣ» с последовательной заменой ее через «е» (колени, вера, семя, в избе, кроме).
2. Исключить букву «ѳ» с заменой ее через «ф» (Фома, Афанасий, фимам, кафедра).
3. Исключить букву «ѵ» в конце слов и частей сложных слов (хлеб, посол, меч, контр-адмирал), но сохранить ее в середине слов в значении отделительного знака (съемка, разъяснить, адъютант).
4. Исключить букву «і» с заменой ее через «и» (учение, Россия, пивка, Иоанн, высокий)¹⁷.

Таким образом, уже с 1 января 1918 года на территории СССР стал использоваться новый алфавит. Тем не менее, анализируя учебники русского языка для франкоговорящих учащихся, изданные во франкоговорящих странах в период с 1917 по 1970 год, мы видим, что русская дореформенная орфография занимает в учебных пособиях важное место.

По нашим данным, впервые информация о новой орфографии появляется в этих учебниках лишь в 1929 году, спустя 11 лет после принятия реформы, причем появляется она только в одном учебнике – учебном пособии Г. Броше и И. Ремезова, которые являлись сторонниками революции 1917 года¹⁸. Во введении к своему учебному пособию они пишут следующее:

С 1917-18 годов русская орфография была радикально усовершенствована. Реформе следует вся пресса в России, даже книги больше не издаются с использованием орфографии, принятой в Империи. И если мы будем продолжать изучать русский язык по учебникам, опубликованным 8-10 лет назад, мы рискуем быть непонятыми или осмеянными, точно так же, как если бы во Франции мы все еще писали: *je parlais, j'écrivois, savait, vous aimastes*¹⁹, как в эпоху до Вольтера. [...]

Таким образом, необходимо начинать учить русский язык с современной орфографией. Ознакомиться со старой орфографией всегда можно будет позже, если будет желание читать старые издания.

[...] Мы думаем, что мы первые, кто использует в своем учебнике новую орфографию²⁰.

¹⁷ «Декрет о введении нового правописания» 1917-1918.

¹⁸ Brocher, Rémézov 1929.

¹⁹ В современной французской орфографии эти слова пишутся следующим образом: *je parlais, j'écrivais, savait, vous aimâtes*. – Д.З.

²⁰ «Depuis 1917-18 l'orthographe du russe a été radicalement perfectionnée. La réforme est adoptée par toute la presse en Russie, les livres mêmes ne s'impriment plus avec l'ortho-

Еще одним автором, признававшим реформу орфографии 1917-1918 годов, был Ж. Легра. В 1934 году в своем учебном пособии *Очерки русской грамматики* он пишет следующее, настаивая на том, что только новая орфография используется в современном языке: «Вероятно, она [новая орфография] менее элегантна и для многих менее симпатична, чем старая; но зато жива *только* она»²¹. В оригинале текста слова о том, что новая орфография является единственной, которая используется в современном русском языке, выделены курсивом: это указывает на то, что автор хочет обратить внимание читателя на этот факт. Тем парадоксальнее кажется то, что сам учебник Легра написан с использованием дореформенной орфографии, тогда как новой орфографии посвящен лишь один параграф.

Авторы же других учебных пособий вплоть до 1940 года либо полностью игнорируют реформу орфографии, либо упоминают о ней, но продолжают использовать дореформенный алфавит. Так, например, очень популярный и широко известный *Учебник для изучения русского языка*, написанный П. Буайе и Н. Сперанским, опубликованный впервые в 1905 году, полностью игнорирует реформу орфографии до переиздания 1945 года (второе издание учебного пособия было в 1921 году, а в период с 1921 по 1945 год было выпущено три переиздания)²². Лишь 10 мая 1945 года Буайе добавляет к введению фрагмент текста, касающийся дореформенной орфографии (однако при этом никаких изменений в самом учебнике не следует, новая орфография в нем по-прежнему не применяется)²³:

Советский декрет от 23 декабря 1917 года ввел с 1 января 1918 года обязательное использование новой русской орфографии. Совершенно естественно возникает вопрос, почему Учебник для изучения русского языка представлен публике в новом издании, которое, являясь копией прежних изданий, воспроизводит безо всяких изменений то издание, которое увидело свет в 1905 году. Не было бы лучше переиздать его с использованием новой орфографии? Если автор посчитал должным придерживаться традиционной старой орфографии, то это не потому, что он отрицает преимущества орфографии новой. Но он полагает, что последняя, несомненно,

---

graphie usuelle sous l'Empire et si l'on étudiait la langue russe dans les manuels publiés il y a encore 8-10 ans, on risquerait ou bien de ne pas se faire comprendre ou de se faire moquer de soi, comme si en France on écrivait encore: je parlois, j'écrivais, sçavait, vo aimastes, comme avant Voltaire.

[...] *Il faut donc commencer le russe avec l'orthographe moderne. Il sera toujours temps, plus tard, d'apprendre l'ancienne orthographe si l'on veut lire les anciennes impressions [...].*

Nous croyons être les premiers à employer l'orthographe nouvelle dans notre manuel» (ibid.: 2; курсив в оригинале, перевод наш. – Д.З.).

²¹ «Sans doute elle est moins élégante, et, pour beaucoup de personnes, moins sympathique que l'ancienne; mais en revanche, elle est *la seule* qui soit vivante» (Legras 1934: 287; перевод наш. – Д.З.).

²² <http://www.sudoc.abes.fr> (сайт просмотрен 18.03.2018).

²³ Boyer, Spéranski 1905 [1921/1935/1940/1945/1947/1951/1957/1961/1967: xiv].

более удобная, для тех, кто уже знает язык, не является таковой для тех, кто начинает его изучать.

Впрочем, вводимые новой орфографией изменения сводятся к малому. Удаление твердого знака на конце слов, унификация имеющих одно звучание букв, унификация нескольких падежных окончаний в склонении: вот основные черты реформы, которую специалисты по фонетике могут по праву считать слишком робкой.

Переход с традиционной орфографии на орфографию реформированную не представляет никакой сложности. И адаптируясь к использованию новой орфографии, которой пользуются вот уже более двадцати пяти лет, к этой новой орфографии языка, который уже является или который завтра будет вторым, или даже единственным языком для группы в примерно 200 миллионов человек, ученик найдет пользу в том, чтобы знать также и традиционную орфографию, которой пользовались великие классические писатели Земли русской²⁴.

Ситуация с другими учебниками была иной лишь отчасти. Многие авторы использовали новый алфавит, но при этом обязательно упоминали старый или же использовали букву «Ъ» в тексте учебника, как это было в учебнике *Первая методика русского языка*, где авторы пишут о том, что использование дореформенного алфавита уже доказало эффективность, в особенности при изучении склонения имени существительного: «Педагогический опыт наглядно показал его [дореформенного алфавита] полезность, особенно для изучения склонения»²⁵. Они используют букву «Ъ» до 16 урока с целью помочь ученикам лучше понять разницу между винительным и местным падежами: местный падеж *в морЪ (dans la mer)*, винительный *в море*

---

²⁴ «Le décret soviétique du 23 décembre 1917 a rendu obligatoire, à dater du 1er janvier 1918, l'usage d'une orthographe russe nouvelle. On se demandera donc, très naturellement, pourquoi le Manuel pour l'étude de la langue russe se présente au public en nouveau tirage qui, simple réplique des précédents, reproduit, sans changement aucun, la forme même où cet ouvrage a paru en 1905. N'eût-il pas été préférable d'en donner une réédition avec orthographe nouvelle? Si l'auteur a cru devoir s'en tenir à l'orthographe traditionnelle ancienne, ce n'est point qu'il nie les avantages de l'orthographe nouvelle. Mais il estime que celle-ci, plus commode assurément pour ceux qui savent déjà la langue, l'est moins pour ceux qui ont à l'apprendre.

Au reste, les changements apportés par l'orthographe nouvelle se ramènent à peu de chose. Suppression du signe dur à la fin des mots, réduction à l'unité de lettres ayant une même valeur auditive, réduction à l'unité de quelques désinences casuelles dans la déclinaison: tels sont les traits essentiels d'une réforme que les phonéticiens peuvent à bon droit juger trop timide.

Le passage de l'orthographe traditionnelle à l'orthographe réformée n'offre aucune difficulté; et, tout en adoptant pour son propre usage l'orthographe nouvelle que plus de vingt-cinq années d'emploi ont consacrée, orthographe d'une langue qui est déjà ou qui sera demain langue seconde sinon langue unique d'un groupe humain de près de 200 millions de sujets parlants, l'étudiant se trouvera bien de connaître aussi cette orthographe traditionnelle qui a été celle des grands écrivains classiques de la Terre russe» (Boyer, Spéranski 1905 [1945/1947/1951/1957/1961/1967: xix; перевод наш. – Д.З.]).

²⁵ «L'expérience pédagogique a montré son utilité, surtout pour l'étude des cas de la déclinaison» (Hofmann, Hofmann 1945: 2-3; перевод наш. – Д.З.).

(à la mer)²⁶. У учеников это явно должно было вызывать затруднения, так как после 16 урока буква «Ъ» пропадала; не было ее и в словаре к учебнику.

Даже в учебнике *Русский язык без труда* серии «ASSiMiL», который создан для самостоятельного изучения разговорного русского языка, до 1967 года присутствует страница, озаглавленная «Буква Ъ». Эта буква здесь названа «главной жертвой» реформы орфографии²⁷:

«Буква Ъ (ять) – главная жертва реформы орфографии. Во многих случаях она дублировала букву е, что создавало трудности для школьников. Вы встретите ее в русских текстах, написанных старой орфографией, вместе с буквой і, которая также пропала, и твердым знаком Ъ, который ставился после последних согласных в словах, что действительно было лишним»²⁸.

Патрик Серно вспоминает одного преподавателя, который еще во второй половине прошлого века преподавал русский язык в старой орфографии:

Профессор и литературовед Роберт Кембелл [Robin Kemball], который ушел на пенсию, когда я сюда [в Швейцарию] приехал, преподавал русский язык исключительно в старой орфографии, с твердыми знаками и ятями, и Вы увидите, например, в Лозанне он повесил доску Марины Цветаевой в старой орфографии²⁹. Это был один из тех, кто считал, что Россия вообще перестала существовать в 1917 году, после этого уже ничего не было³⁰.

Авторы анализируемых нами учебных пособий не только сохраняют использование дореформенной орфографии в целом или же отдельных упраздненных букв, или же упоминают о старой орфографии вплоть до шестидесятых годов двадцатого века, но и приводят аргументацию в пользу знания и использования дореформенного алфавита при изучении русского языка. Здесь выявляются два основных аргумента. Первый (необходимость уметь читать тексты, напечатанные до 1917 года³¹) появляется впервые в 1929 году в учебнике Г. Броше и И. Ремезова и сохраняется во многих учебных пособиях вплоть

²⁶ *Ibid.*: 3.

²⁷ Chérel 1948/1948 [1949/1951/1956/1960/1967: 386].

²⁸ «La lettre Ъ (iatt') est la principale victime de la réforme de l'orthographe. Elle faisait double emploi dans de nombreux cas avec e, et il s'ensuivait des difficultés pour les écoliers. Vous la rencontrerez dans les textes russes en ancienne orthographe, en même temps que le i, lui aussi disparu, et le signe dur Ъ qui se mettait après les consonnes finales des mots, en était vraiment superflu» (*ibid.*: 386; перевод наш. – Д.З.).

²⁹ Мемориальная доска Марины Цветаевой расположена на фасаде дома № 3 на Бульваре Гранси в Лозанне: Цветаева жила в этом доме в 1903-1904 годах. Надпись на доске выполнена в дореформенной орфографии. – Д.З.

³⁰ Интервью с Патриком Серно, 19.02.2019.

³¹ Stolaroff, Chenevard 1945: 11; Berchtold 1946: 3; Kantchalovski, Lebetter 1946: 16; Mazon 1943: 6.; Brocher, Rémézov 1929: ii.

до 1960-1965 годов, а второй (использование букв дореформенного русского алфавита как помощь в объяснении некоторых аспектов русского языка) появляется с сороковых годов прошлого века и с этого момента добавляется практически во все учебники русского языка.

Так, Ш. Берштольд указывает на необходимость знания русского дореформенного алфавита для лучшего понимания некоторых грамматических аспектов русского языка³², однако он не уточняет, какие именно грамматические аспекты могут быть лучше поняты с помощью дореформенного русского алфавита.

При этом авторы не приводят никаких развернутых пояснений полезности использования русского дореформенного алфавита.

К примеру, П. Паскаль упоминает о «некоторых феноменах» [*certains phénomènes*]³³ языка, для обучения которым нужна старая орфография – но не поясняет, о чем именно идет речь. Он говорит о том, что два алфавита сосуществуют вместе и уточняет, что новый алфавит используется только на территории СССР, но при этом ничего не говорит о русскоговорящих, проживающих за пределами Советского Союза:

Два алфавита

В 1918 году [имело место] исключение [из алфавита] четырех букв, сочтенных бесполезными.

На данный момент два алфавита в какой-то мере сосуществуют. Алфавит 1918 года является единственным используемым в СССР. Но все книги, изданные до 1918 года, напечатаны с использованием старого алфавита.

Здесь мы будем пользоваться старым алфавитом, поскольку только он позволяет понять некоторые феномены [русского языка]. Как только он будет выучен, несложно будет убрать из него четыре более не используемые буквы. Только не надо смешивать две орфографии между собой³⁴.

Н. Канчаловски и Ф. Лебетр говорят о полезности буквы «Ъ» при изучении как склонения, так и спряжения: «Потому что она [буква “Ъ”] упрощает понимание склонения, например, в местном падеже ее функция значительно отличается от функции [буквы] е. К тому же, что касается спряжения, ъть являлось глагольным суффиксом, со-

---

³² Berchtold 1946: 7.

³³ Pascal 1948: 9

³⁴ «Les deux alphabets

En 1918 suppression de quatre lettres jugées inutiles.

Actuellement, deux alphabets coexistent en quelque mesure. L'alphabet de 1918 est le seul en usage de l'U.R.S.S.. Mais tous les livres imprimés jusqu'en 1918 le sont dans l'ancien alphabet.

Nous nous servions ici de l'ancien alphabet, parce que lui seul permet de rendre compte de certains phénomènes. Une fois qu'on le connaît, il est facile de supprimer les quatre lettres qui ne sont plus employées. Il faudra seulement ne pas mélanger les deux orthographes» (*ibid.*: 9; перевод наш. – Д.З.).

ответствующим ять, тогда как еть никогда не было суффиксом»³⁵ – что можно понимать как возможность очевидно разграничивать глаголы и другие части речи. А. Мазон сообщает, что новая орфография в общем и целом лучше старой, но знать дореформенный алфавит необходимо не только для понимания текстов, написанных до 1917 года, но и для понимания многих грамматических аспектов русского языка. Буква «Ъ» снова используется в качестве наглядного примера:

Новая орфография более логична, и в употреблении она легче старой потому, что она более точно отражает современное русское произношение. Но для каждого обучающегося русскому языку необходимо хорошо владеть дореформенным алфавитом – не только для того, чтобы быть в состоянии читать бесконечное множество книг, напечатанных до 1917 года и не переизданных после, но еще и – в особенности, – как мы это увидим, для того, чтобы понимать смысл нескольких характерных фактов русской грамматики. Использование буквы «Ъ», в частности, помогает прояснить сразу несколько очевидных особенностей [русской грамматики], и поэтому она будет указана здесь в скобках для всех слов, где она была представлена в дореформенной орфографии³⁶.

Из-за отсутствия развернутых объяснений того, почему знание дореформенной орфографии может помочь в изучении русской грамматики (можно говорить либо об отсутствии в учебных пособиях объяснений того, что именно подразумевается под теми фактами, облегчить изучение которых помогает старая орфография, либо об отсутствии понятных и четких объяснений называемых фактов с помощью использования старой орфографии), может возникнуть впечатление, что второй аргумент был просто придуман, чтобы русский язык продолжал изучаться во Франции с помощью именно дореформенной орфографии, а не новой – и объяснение этому можно предложить следующее. Несмотря на то, что проект «Декрета...» был разработан в России еще при царской власти³⁷, он воспринимался русскими эмигрантами

---

³⁵ «Parce qu'elle [la lettre "Ъ"] facilite la compréhension de la déclinaison, par exemple au locatif, sa fonction était différente de celle de e. De plus, la conjugaison de ѣть était un suffixe verbal correspondant à ять, tandis que еть n'était jamais suffixe» (Kantchalovski, Lebette 1946: 16; перевод наш. – Д.З.).

³⁶ «L'orthographe nouvelle est plus logique et d'un maniement plus aisé que l'ancienne en tant qu'elle donne un reflet plus exact de la prononciation du russe moderne. Mais il est indispensable à quiconque veut apprendre le russe de se familiariser avec l'orthographe ancienne, non seulement pour être en état de lire les livres infiniment nombreux qui ont été imprimés avant 1917 et n'ont pas été réimprimés par la suite, mais encore et surtout, comme on le verra, pour saisir la raison de plusieurs faits caractéristiques de la grammaire russe. La notation de ѣ, en particulier, est propre à éclairer plus d'une singularité apparente, et c'est pourquoi elle sera rappelée ici, entre parenthèses, pour tous les mots où l'orthographe ancienne comportait la présence de cette lettre» (Mazon 1943: 6; перевод наш. – Д.З.).

³⁷ Вопрос об упрощении русской орфографии обсуждали с конца XIX века. В 1904 году вопросами реформирования русского алфавита начинает заниматься Академия наук, создается специальная группа, которая в мае 1904 года представляет «Предварительное сообщение орфографической подкомиссии», где предлагаются изменения русской орфо-

как знаменующий не только еще один разрыв с их прошлым, но и окончательную «смерть» России, которую они знали и в которую они надеялись вернуться, полагая, что революция – явление временное. И поначалу необходимость знания дореформенного алфавита обуславливалась, по мнению авторов учебников, необходимостью читать книги, изданные до 1917 года³⁸. Когда же, ближе к сороковым годам двадцатого века, большинство книг были переизданы в СССР с использованием новой орфографии и стало ясно, что эта реформа – не временное явление, а постоянное, в пользу дореформенной орфографии добавился аргумент о лучшем понимании многих фактов русского языка. Тем самым причины использования дореформенного алфавита в учебных пособиях по русскому языку являются, скорее всего, социально-историческими, а не лингвистическими³⁹.

Итак, даже не всегда выражаемое очевидно, несогласие с «самой идеей прогресса» отличало многих представителей русской эмиграции, покинувших послереволюционную Россию. Н.С. Трубецкой, чья телеология отрицала идею прогресса, был лишь одним из них.

© Дарья Залесская

графии. Из-за большого количества протестующих этот проект не был принят и был возвращен на доработку. Летом 1912 года был подготовлен окончательный проект реформы, который также не был принят из-за большого количества его противников (Иванова 1966 [1976: 177-179]).

³⁸ Буква «Ъ» являлась, по-видимому, символом дореформенной орфографии и дореволюционной России. Именно она может чаще всего упоминаться как современными исследователями, пишущими о реформе орфографии (см., например, Каверина, Лещенко 2008), так и в учебных пособиях по русскому языку, изданных во франкоязычных странах в изучаемый нами период. Именно об этой букве – «главной жертве реформы» – авторы учебных пособий чаще всего пишут, говоря о пользе знания дореформенного алфавита.

³⁹ Вполне возможно и то, что, настаивая на необходимости изучения и использования дореформенного алфавита, тем самым в очередной раз «подтверждали» теорию об «архаичности» русского языка: в изучаемый нами период русский язык часто представлялся во франкоязычных странах «архаичным» и сравнивался, например, с латынью (см. Zaleskaya 2017). Поэтому неприятие изменений в русском языке (включая изменения – многие авторы учебников признавали этот факт, – ведущие к улучшению и упрощению) могло казаться естественным: русский язык представлялся – как латынь или древнегреческий – мертвым языком с «застывшими» структурами и формами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- «ДЕКРЕТ О ВВЕДЕНИИ НОВОГО ПРАВОПИСАНИЯ», 1917-1918: «Декрет о введении нового правописания», in *Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства*, 23 декабря (5 января) 1917 (1918), 40: 1.
- ИВАНОВА В.Ф., 1966 [1976]: *Современный русский язык. Графика и орфография*. Москва, Просвещение, 1976.
- КАВЕРИНА В., ЛЕЩЕНКО Е., 2008: «Буква “Ять” как идеологема российского дискурса на рубеже XIX-XX вв.», in *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2008, 3: 117-124.
- СЕРИО П., 2001: *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структуриализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг.* Москва, Языки славянской культуры (перевод: Н.С. Автономова).
- AUROUX S., 1989: «Introduction», in Auroux S. (éd.), *Histoire des idées linguistiques*, t. 1. Liège – Bruxelles, Mardaga: 13-35.
- BERCHTOLD Ch., 1946: *Russe: Grammaire, vocabulaire, conversation*. Neuchâtel, Éditions Victor Attinger.
- BOYER P., SPÉRANSKI N., 1905: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin.
- , 1905 [1921]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin, 1921.
- , 1905 [1935]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin, 1935.
- , 1905 [1940]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin, 1940.
- , 1905 [1945]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin, 1945.
- , 1905 [1947]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin, 1947.
- , 1905 [1951]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin, 1951.
- , 1905 [1957]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin, 1957.
- , 1905 [1961]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique*. Paris, Armand Collin, 1961.

- , 1905 [1967]: *Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique. Nouvelle édition revue et augmentée.* Paris, Armand Collin, 1967.
- BROCHER G., REMEZOV H., 1929: *Manuel russe pour les Français: nouvelle orthographe.* Lausanne – Genève – Montreux, Payot.
- CHÉREL A., 1948: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil.
- , 1948 [1949]: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil, 1949.
- , 1948 [1951]: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil, 1951.
- , 1948 [1956]: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil, 1956.
- , 1948 [1960]: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil, 1960.
- , 1948 [1967]: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil, 1967.
- , 1971: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil, 1971.
- , 1971 [1976]: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil, 1976.
- , 1971 [1986]: *Le russe sans peine.* Paris, Assimil, 1986.
- HOFMANN M., HOFMANN R., 1945: *Première méthode de Russe.* Paris, Librairie C. Klincksieck.
- KANTCHALOVSKI V., LEBETTRE F., 1946: *Manuel de langue russe, théorique et pratique, à l'usage des élèves de l'enseignement secondaire et technique et des personnes travaillant seules.* Paris, E. Belin.
- LEGRAS J., 1934: *Précis de grammaire russe.* Paris, Impr. de L. Beresniate.
- MAZON A., 1943: *Grammaire de la langue Russe.* Paris, Institut d'études slaves – Droz.
- PASCAL P., 1948: *Cours de Russe, fasc. I: Préliminaires et phonétique.* Paris, École nationale des langues orientales vivantes – Éditeur scientifique.
- STOLIAROFF V., CHENEVAR D., 1945: *Introduction au Russe.* Paris, G.P. Maisonneuve.
- VELMEZOVA E., 2007: *Les lois du sens: la sémantique marriste.* Berne et al., Peter Lang.
- ZALESSKAYA D., 2017: «Les particularités de la langue russe dans les manuels de russe pour francophones (1945-1960)», in Velmezova E. (éd.), *Historiographie et épistémologie des sciences du langage: du passé vers le présent [Cahiers de l'ILSL, 2017, 52]: 195-206.*

Daria Zalesskaya
Université de Lausanne

**Le russe... en dehors du progrès?
L'émigration russe post-révolutionnaire à propos de la langue russe**

Résumé:

En réfléchissant au refus de «l'idée même de progrès», P. Sériot parle, dans son livre *Structure et totalité*, des réflexions téléologiques du représentant du cercle linguistique de Prague N.S. Trubeckoj. Le désaccord avec «l'idée même de progrès» permet d'évoquer la façon dont la langue russe est présentée dans les manuels de russe pour francophones publiés en dehors d'URSS, et de faire des parallèles avec les vues correspondantes de Trubeckoj.

Mots-clés: progrès, ancienne orthographe russe, langue russe, France, pays francophones européens, manuel, littérature russe

Daria Zalesskaya
University of Lausanne

**Russian language... outside of progress?
Russian post-revolutionary emigration about the Russian language**

Abstract:

Reflecting on the denial of “the very idea of progress”, P. Sériot in his book *Structure and the Whole* talks about the teleological reflections of the representative of the Prague linguistic circle, N.S. Trubeckoj. The disagreeing with “the very idea of progress” is evocative of the presentation of the Russian language in textbooks of Russian as a foreign language for French-speakers published outside the USSR, which draws parallels with Trubeckoj's corresponding views.

Keywords: progress, the old spelling, Russian language, France, French speaking countries, textbook, Russian literature

Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia
№ 1, 2019

**Книга о книге:
перечитывая *Структуру и целостность*
Патрика Серио**

**Un livre sur un livre:
en relisant *Structure et totalité*
de Patrick Sériot**

**A book on a book:
Rereading *Structure and the Whole*
by Patrick Sériot**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 (495) 938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **www.indrik.ru**

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
14,0 п. л. Тираж 150 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

